

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КОМПЛЕКСНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

Серия основана в 1966 году

Выпуск XXXIII

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ
И РАЗВИТИЯ

Под редакцией д-ра психол. наук *В. Е. Семёнова*

ББК 66.3(2Рос)3

Р76

Редколлегия: Р.А. Зобов, В.Н. Келасьев, А.А. Козлов, В.А. Самойлова, В.Е. Семёнов (отв. редактор), З.В. Сикевич, А.Н. Шаров (зам. отв. редактора), Л.А. Ясюкова

Редакционный совет: Г.В. Акопов (Самара), А.О. Бороноев, В.Д. Виноградов, А.В. Дмитриев (Москва), А.Л. Журавлев (Москва), В.В. Козловский, А.И. Куропятник, В.В. Новиков (Ярославль), В.Т. Пуляев, Н.Г. Скворцов, А.И. Чистобаев

Рецензенты: д-р филос. наук, проф., чл.-корр. РАН Ж.Т. Тощенко (РГГУ); д-р социол. наук, проф. Н.А. Пруель (СПбГУ); д-р психол. наук, проф. А.И. Юрьев (СПбГУ)

Печатается по постановлению

Редакционно-издательского совета факультета социологии

С.-Петербургского государственного университета

Российское общество: проблемы социального соглашения и развития / под ред. В.Е. Семёнова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. — 260 с. (Человек и общество. Вып. 33)
ISBN 978-5-288-05532-4

В очередной выпуск научного альманаха «Человек и общество» НИИ комплексных социальных исследований факультета социологии СПбГУ (вып. 32 вышел в 2008 году) включены статьи, посвященные актуальным философско-социологическим и нравственно-психологическим аспектам социального согласия и развития в современном российском обществе. Рассматриваются проблемы российской полиментальности, роли нравственной элиты, социокультурной преемственности, патриотизма, социальной компетентности и квазикомпетентности в нашем обществе, а также приводятся результаты эмпирических социологических и социально-психологических исследований ценностей и установок населения, прежде всего молодежи. Описывается и анализируется опыт гражданских инициатив и социальных практик в Санкт-Петербурге.

Для социологов, социальных психологов, социальных антропологов, историков, политологов, педагогов и всех интересующихся актуальными вопросами состояния и развития современного российского общества.

ББК 66.3(2Рос)3

© Авторы альманаха, 2014

© С.-Петербургский государственный университет, 2014

ISBN 978-5-288-05532-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

XXXIII выпуск научного альманаха «Человек и общество» посвящен социальному согласию и развитию в современном российском обществе. Очевидно, что эти проблемы актуальны всегда, но также очевидно, что они особенно значимы именно в настоящее время. Те или иные противоречия, конфликты, «болезни развития» неизбежны в любом социуме (от семьи до населения целой страны), но они должны постоянно компетентно «лечиться» и цивилизованно разрешаться, в результате чего то или иное сообщество выходит на новую, более совершенную и высокую ступень развития.

Россия, как практически все современные страны мира, является полиментальной — в ней живут и взаимодействуют отдельные лица и группы людей, отличающиеся разными менталитетами (ценностно-ментальными типами, умонастроениями), — причем, не только в этно-национальном, конфессиональном, сословно-корпоративном, политическом, но и в более глубоком и не до конца осознаваемом духовно-архетипическом и нравственно-психологическом смысле. Последние думские и президентские выборы в нашей стране снова показали внимательным наблюдателям эти подспудные ментальные основания, скрывающиеся в исторических глубинах под верхушками «партийно-политических айсбергов».

На страницах сборника рассматриваются новые духовно-нравственные и политические аспекты российской полиментальности, возможности социального согласия (консенсуса) между представителями различных менталитетов, находящих выражение в деятельности политических партий и общественных движений.

С позиций различных научных подходов и концепций исследуются факторы, способствующие реальному развитию российского общества, — наличие нравственной элиты и социокультурной преемственности, патриотизм, духовно-нравственная консолидация

социума. Вместе с тем критически анализируются явления, мешающие общественному развитию, в частности такие как квазикомпетентность, бюрократизм и авторитарность, безнравственность. На основе результатов социологического исследования рассматриваются проблемы и перспективы жизнедеятельности петербуржцев.

На материалах оригинальных эмпирических социологических и социально-психологических исследований освещается традиционная для НИИКСИ проблематика молодежи, ее образования и воспитания, в том числе с использованием зарубежного опыта.

В данном выпуске получили продолжение введенные в предыдущих номерах альманаха рубрики: «Методы социальных наук» (на сей раз здесь представлена методика компьютерной социографии семьи), «Актуальный архив» (где излагается история методологического семинара НИИКСИ), «Паранаучные страницы» (рубрика включает очередные опыты художественного творчества нииксишников, связанные, прежде всего, с их научной и общественной жизнью). Появилась новая рубрика «Социальные практики», в которой рассматривается опыт гражданских инициатив с использованием социологического подхода и инструментария.

Р.С. Жизнь летит, а время неумолимо. В промежутке между выходом предыдущего и нынешнего выпусков нашего альманаха мы простились с Василием Яковлевичем Ельмеевым — первым директором Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований Ленинградского университета (1965–1968), доктором философских и экономических наук, почетным профессором Санкт-Петербургского университета, заслуженным деятелем науки России. Василий Яковлевич был настоящим подвижником науки, одним из создателей научной школы «Теория и практика социального развития и планирования». Многие сотрудники НИИКСИ участвовали в исследованиях по социальному планированию и развитию промышленных предприятий и целых городов. Этот новаторский опыт неоценим, и именно концепции социального развития так не хватает сейчас, в квазикапиталистический переходный период российской истории.

*Валентин Семёнов,
доктор психологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России*

СОЦИАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ И РАЗВИТИЕ: НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕНТАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

В. Е. Семёнов

СОЦИАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ И РАЗВИТИЕ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИМЕНТАЛЬНОСТИ

Западные (прежде всего, американские) прогнозисты и в новом, XXI, столетии продолжают публиковать всевозможные негативные сценарии будущего нашей страны [7; 14]. В январе 2013 года на Всемирном экономическом форуме в Давосе небезызвестный финансист Дж. Сорос говорил о России как о стране с разваливающейся экономикой, в которую не следует инвестировать. В негативной трактовке состояния и перспектив России его поддерживали в своих докладах не только профессор из США, но и два видных российских представителя. Скорее всего, именно так — в духе «самоосуществляющегося пророчества» — они хотят видеть наше будущее. Но истинные граждане и патриоты России хотят другого: самостоятельного, справедливого и благополучного государства, духовно-нравственного, образованного и культурного общества. И зависит это, прежде всего, от самих российских граждан, от их социальных ценностей, веры и воли, труда и творчества. И только потом, а не в первую очередь — от материальных ценностей и экономики, тем более что природных ресурсов, как известно, в России больше, чем в любой стране мира.

Еще в 1994 году автор опубликовал статью «Духовно-нравственные ценности — главный фактор возрождения России» [9; 12], где, в частности, говорилось о том, что все перестроечные и постперестроечные катаклизмы, произошедшие в нашей стране, по-прежнему по-марксистски объясняются только экономическими и политическими причинами. Вместе с тем еще философ И. А. Ильин, анализируя причины революции 1917 года в России,

видел их сущность в кризисе русской духовности: религиозности, правосознания, семьи, национального характера, всей русской культуры [3]. Именно как духовно-ценностный кризис перехода от чувственной к идеациональной (по сути, религиозной) культуре рассматривал глобальный «кризис нашего времени» в 1940-е годы социолог П. А. Сорокин, опираясь на материалы широчайших эмпирических исследований, выполненных под его руководством [13]. Некоторые коллеги считают, что Сорокин ошибался. Однако все дело в том, что этот кризис перманентно продолжается до сих пор. Глобальный переход от одной культурной эпохи к другой не может осуществиться в считанные годы или даже десятилетия.

Аналогичный процесс произошел в нашей стране в 1980–1990-е годы. Социализм в теории, безусловно, более совершенное и справедливое общественное устройство, чем капитализм. Но практика его воплощения в реальность оказалась чрезвычайно противоречивой, несовершенной и даже трагичной. А потому в силу комплекса внутренних и внешних причин, в том числе именно духовно-нравственных и социально-психологических, страна, сделав более чем семидесятилетний социалистический «зигзаг», оказалась в идеологическом и нравственно-психологическом кризисе и в результате вернулась на регрессивный капиталистический и во многом криминальный путь, уже пройденный западным сообществом. Россия, с ее олигархическим капитализмом, закономерно оказалась далеко позади развитых капиталистических стран, уже позаимствовавших многое и от теоретического, и от практического «социализма с человеческим лицом».

За почти три четверти века существования СССР в нем сложилась особая коллективистско-социалистическая советская ментальность, которая странным образом соединила в себе архетипы русской общинности и православной нравственности с марксистским экономоцентризмом, рабочим коллективизмом и «моральным кодексом строителя коммунизма». Недаром С. Н. Булгаков, как бы предвосхищая будущее, еще в дореволюционное время разрабатывал доктрину христианского социализма [1]. Таким образом, можно сказать, что «тезис» почти тысячелетнего развития православной Руси — России, столкнувшись с «антитезисом» почти вековой стремительной трансформации Советской России — СССР, в принципе мог бы дать некий позитивный «синтез». Не случайно такие интеллектуальные лидеры, как академики Н. Моисеев и Б. Раушенбах,

в конце 1980-х годов, еще в СССР, обсуждая актуальные проблемы перестройки, отмечали важнейшее значение нравственности и религии в совершенствовании социалистического общества.

Однако вместо истинной перестройки с настоящими гласностью и ускорением произошла криминальная «перекройка» все-народной собственности, сопровождавшаяся скрытой и откровенной манипуляцией общественным сознанием, работой на его примитивизацию и развращение, а также деградацией промышленного и сельскохозяйственного производства. В результате чего мы имеем самые неутешительные показатели по коррумпированности, преступности, самоубийствам, наркомании, социальному неравенству и т. д.

Современное состояние страны и российского общества не может удовлетворить честных и мыслящих граждан, патриотов России. Однако происходящее заставляет вспомнить историю и в очередной раз удивиться тому, как много в ней повторяется. В XIX веке Иван Аксаков, борющийся за отмену крепостного права, писал: «Верую безусловно в преимущество европейской цивилизации, наши доктринеры-чиновники с жадностью хватаются за разные образчики европейского прогресса... Для них, проповедующих уважение к личности человеческой, народ — *tabula rasa*, на которой вырезай резцом что хочешь! Уроки истории — им решительно ни почем!» [8]. Оказывается, менталитет современных реформаторов все тот же и проблемы все те же: формально-технократический и прозападный подход игнорирует духовно-психологический фактор, ментальные особенности народа.

То, что мы наблюдаем в России после 1991 года, очень напоминает происходившее в пореформенной России XIX века, после отмены крепостного права в 1861 году. Тогдашние реформы не обеспечили крестьян землей в объеме, необходимом для нормальной жизни. Великий русский писатель Ф. М. Достоевский социально-психологически точно показал нравы пореформенной России в романах «Подросток» и «Братья Карамазовы». В своих тетрадях 1875 года он писал: «Треснули основы общества под революцией реформ, замутилось море. Исчезли и стерлись границы добра и зла, <...> теперь беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых потому самому нет), в убеждениях (которых потому самому нет), в разложении семейного начала...» [2, с. 477].

То же произошло и в конце XX — начале XXI века, как уже отмечалось выше. Вместе с тем отрадно, что значение духовно-нравственных проблем все чаще понимают и озвучивают некоторые политики, представители общественности, педагоги, ученые и деятели искусства. Особенно четко и концептуально это отражено в коллективной монографии ученых Института психологии РАН «Макропсихология современного российского общества» [4].

Однако ситуация в нашем обществе нередко трактуется недостаточно адекватно, так как не учитывается его сложный полиментальный характер. Считать, что у того или иного народа, населения страны только один менталитет, — явное упрощение. Поэтому нами введено понятие «**полиментальность**» — множественность менталитетов в социуме [11], в их сложном сосуществовании и взаимодействии: от совместимости и индифферентности до острой борьбы и конфликтов. При этом в понимании автора **менталитет** — это исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) осознанных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении [10].

В нашей концепции основные российские менталитеты дедуктивно закладываются философскими универсальными категориями-оппозициями: «Бог — Идол» по вертикали; «Коллектив — Индивид» по горизонтали. Индуктивно менталитеты подкрепляются культурно-историческими и социопсихологическими реалиями, фактами, результатами эмпирических исследований. Типология базовых российских менталитетов была предложена нами еще ранее, в 1994 году, и усовершенствована в дальнейшем [10]. Она включает следующие виды менталитета:

— **православно-русский** — имеет тысячелетнюю историю на Руси и в России, активно возрождается с конца 1980-х годов; подразумевает ценности Бога, Духа, заповедей Христовых, святости, совести, соборности;

— **коллективистско-социалистический** — зарождается в крестьянской общине, рабочей артели, партийной ячейке, сформировался за три четверти века в СССР; выражает ценности коллективизма, социальной справедливости, труда на благо общества, утопической веры в коммунизм, заменившей религию;

— **индивидуалистско-капиталистический** — возник на Западе, постепенно проявляется в России, где сформировался в XIX веке,

возрождается (скорее в одиозном виде) в наше время; репрезентирует ценности индивидуализма, упрощенного рационализма, личного успеха, прагматизма, денег как фетиша, абсолютной универсалии;

— **криминально-мафиозный** — существовал всегда, порожден пороками людей; выражает вульгарный материализм и гедонизм, культ грубой силы и обмана, клановую иерархию, мифологию; в 1990-х годах в России принял обличие феномена «великой криминальной революции» (С. С. Говорухин).

Помимо указанных четырех основных типов менталитета следует еще назвать менталитеты других **конфессий** (прежде всего исламский, также активно возрождающийся в последние десятилетия), а также **мозаично-эkleктический псевдоменталитет** как порождение стереотипов «массовой культуры», СМИ, рекламы, сетевых коммуникаций (конгломерат «осколков» указанных менталитетов).

В личностно-персонифицированном аспекте истоки четырех базовых менталитетов просматриваются в архетипических русских фольклорных и легендарных образах *святого-подвижника* (например, Сергей Радонежский, Серафим Саровский), *крестьянина-воина* (Илья Муромец, Микула Селянинович), *иноземца-«немца»* (заморский гость, купец, наемник) или, позднее, *дворянина-западника*, а также *разбойника-«душегуба»* (Ванька Каин, атаман Кудеяр).

Замечательное личностное воплощение базовых российских менталитетов автор обнаружил в художественных образах романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»:

— глубоко верующий, одухотворенный инок Алеша Карамазов, активно выполняющий миссионерскую, нравственно-миротворческую роль;

— страстный, мятежный отставной офицер Дмитрий, стихийно взыскующий общественного идеала (советолог Р. Пайпс увидел в нем будущего большевика);

— рефлексивно-рационалистичный индивидуалист-богоборец Иван;

— их брат по отцу маргинал-делинквент, отцеубийца (и вместе с тем ценитель европейского комфорта) Павел Смердяков, психологически зависимый от Ивана.

Все персонажи являются молодыми людьми, данными в динамике их взаимоотношений и конфликтов (пожалуй, наиболее на-

глядно и адекватно они воплощены в фильме «Братья Карамазовы» режиссера Ивана Пырьева, вышедшем на экраны в 1968 году). В одноименном сериале 2009 года (режиссер Ю. Мороз) образ братьев трансформировался соответственно духовно-нравственному кризису общества потребления.

Если в советскую эпоху была предпринята попытка кардинального преобразования ментальной российской матрицы путем сведения ее только к одному ментальному — коллективистско-социалистическому — типу, то в «перестроечное» и, тем более, в наше время эти ценностно-ментальные типы снова явственно обнаруживаются, естественно, изменившись в соответствии с реалиями нашей эпохи. Попытаемся отыскать их в современной молодежной среде, ибо именно молодежь определяет будущее любого общества.

Можно дать следующие наименования современных базовых ментальных типажей российской молодежи, понимая их как некие идеальные типы (М. Вебер): *молодой православный человек*; *молодой «левый» (коммунист или социалист)*; *молодой индивидуалист-прагматик (либерал новой формации)*; *участник «теневых», криминальных сообществ*.

Конечно, молодой православный человек в России неоднозначен, но в идеале это образованный и энергичный священник или просто светский юноша (девушка), который (-ая) характеризуется искренней верой и соответствующими духовно-нравственными ценностями (стремление соблюдать христианские заповеди и традиции, патриотизм, семья, дети, любовь к отечественной культуре и языку). Такие молодые люди нередко участвуют в различных православных объединениях, движениях и клубах (например, в Санкт-Петербурге это Ассоциация духовно-нравственного просвещения вузовской молодежи «Покров», Александро-Невский союз молодежи, православный молодежный клуб «Чайка», военно-патриотический клуб «Верность», Клуб «Трилистник» и др.).

Молодой левый коммунист/социалист исповедует ценности социальной справедливости, солидарности, коллективизма, общественно-полезного труда, обычно является членом «левых» партий и движений (Союз коммунистической молодежи, Авангард красной молодежи, Федерация социалистической молодежи и др.).

Молодой либерал новой формации — обычно прагматик, нацеленный на жизненный и карьерный успех, материальное благополучие, нередко фетишизирующий деньги, поклонник западной

массовой и бытовой культуры и, как правило, атеист. В силу выраженного индивидуализма представители этого менталитета не отличаются приверженностью к активной общественной деятельности (пожалуй, единственным более-менее крупным объединением подобной молодежи является молодежное отделение партии «Яблоко»; правда, в последнее время злоупотребления на выборах разного уровня и внешнеполитическое стимулирование привели к оживлению политической деятельности молодых либералов в Москве и Петербурге).

Молодые участники «теневых»/криминальных сообществ по сравнению с «лихими 1990-ми» годами стали менее активны и заметны, и основной характер их деятельности изменился, став более замаскированным и даже отчасти легитимизованным. Это уже не накачанные парни в черных кожаных куртках, а, скорее, не очень бросающиеся в глаза «деловые» люди, так сказать, бизнесмены. Более заметными стали мигранты, представители этнического криминала.

И, наконец, самый распространенный, псевдоментальный, типаж — это молодежь с мозаично-эkleктическим менталитетом, своеобразные современные обыватели, не имеющие ясного умонастроения и мировоззрения. Но это обыватели новой информационной эпохи, эпохи телевидения, интернета, мобильной связи, всепроникающей психологически изощренной рекламы, которые непрерывно бомбардируются всевозможной информацией (вербальной, изобразительной, звуковой) — дома, на работе или во время учебы, на улице, в супермаркетах, в транспорте. Чего стоят, например, акции вроде «Ночей пожирателей рекламы» или всевозможные реалити- и ток-шоу из серии «все на продажу»! Порой кажется, что антиутопии фантастов об информационном зомбировании аудитории начинают сбываться. Если базовые менталитеты закладываются и формируются прежде всего в семье, в микрогруппах по интересам, в специализированных образовательных учреждениях, в общественных и политических организациях под руководством старших наставников и товарищей, то псевдоменталитет складывается как бы стихийно и плюралистично, но в то же время вполне целенаправленно, ибо СМИ формируют и программируют именно потребителя-покупателя товарно-денежной ярмарки тщеславия и гедонизма. Мозаично-эkleктический псевдоментальный человек — это порождение современного информационного общества потребления.

Молодежь, безусловно, полиментальна, как и общество в целом. Не случайно польский исследователь Цезары Обрахт-Прондзыньски пишет о разнородности польской молодежи, о том, что нужно говорить, скорее, о *молодежах*, в частности о «молодежи успеха» и «молодежи поражения», о том, что молодежь становится все более дифференцированной, расслоенной [5].

Поневоле возникает вопрос о пропорциях, соотношении, статистике менталитетов среди молодежи. Автор не готов дать достаточно четкий ответ на этот вопрос. Однако, как показали данные репрезентативного социально-психологического исследования молодежи в возрасте от 16 до 30 лет в Санкт-Петербурге (декабрь 2002 года), проведенного сотрудниками НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ под нашим руководством, среди молодежи можно выделить представителей всех четырех базовых российских менталитетов, а также мозаичного псевдоменталитета [6]. Неожиданным оказался тот факт, что чаще всего среди молодежи проявляется православно-российский тип ментальности — 17,2% опрошенных (верующие молодые люди, имеющие выраженные духовно-нравственные установки). Среди представителей этого менталитета преобладают 20–29-летние; девушки; студенты, рабочие и домохозяйки.

К коллективистско-социалистическому типу ментальности можно было отнести только 8,8% опрошенных молодых петербуржцев (это люди, ориентированные прежде всего на коллектив и справедливость). Среди них преобладают: 25–29-летние; мужчины; рабочие и гуманитарии.

Индивидуалистско-капиталистический менталитет был присущ всего 2,8% опрошенных. Эти молодые люди считают себя индивидуалистами и ориентированы на деньги. К потенциально делинквентному, аморальному типу ментальному можно отнести не более 2,2% опрошенных.

Таким образом, только 31% молодых петербуржцев относились к представителям какой-то определенной ментальности. Более двух третей молодежи обнаружили мозаично-эклетический псевдоменталитет, т. е. противоречивый, неопределенный конгломерат осознанных и неосознанных ценностей, норм и установок. Моделью их сознания может служить интернет-пространство, со всеми его вопиющими противоречиями, мозаичностью и эклектикой.

Другие репрезентативные социологические исследования молодежи в целом, а также студентов в Петербурге и городах российской провинции, проведенные НИИКСИ в 2007–2010 годах и не направленные специально на изучение полиментальности, тем не менее, свидетельствуют о преобладании элементов православно-российского и коллективистского менталитетов при общем доминировании мозаично-эkleктического псевдоменталитета. Анализ показывает, что сходство в ценностях и отношениях к различным нравственным проблемам гораздо выше у представителей православно-российского и коллективистского менталитетов, чем между любым из них и индивидуалистско-капиталистическим (либеральным) менталитетом. В частности, это сходство проявляется в значимости веры и справедливости, в таких качествах, как патриотизм, уважение к собеседнику, любовь к чтению, осуждение сквернословия и неоправданного использования иностранных слов и надписей. Кстати, участвуя в выборах, молодежь реже других партий, как и все население, выбирает представителей либерального политического спектра (СПС, «Яблоко»), которые по воле избирателей уже много лет остаются вне Государственной думы и являются аутсайдерами на выборах Президента РФ.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в современной России среди базовых ментальностей преобладают православно-российский и коллективистско-социалистический менталитеты, между которыми, несомненно, есть некая генетическая связь: вера в Бога и рай на небе трансформировалась в веру в харизматического вождя и «рай на земле», соборность и общинность христиан-крестьян превратились в советский коллективизм. Вместе с тем во всех социально-демографических группах населения наблюдается расширение мозаично-эkleктической псевдоментальности, в чем существенную роль играют энтропийная деятельность средств массовой информации, интернет и массовая культура — на фоне трудовой сверхзанятости и переутомленности одних, отупляющей нищеты и безработицы других.

В аспекте дальнейшего развития России большое значение для российской полиментальности имеет традиционная диалектика споров славянофилов (позднее «почвенников» и «евразийцев») и «западников», а также идеалистов и материалистов. В этой связи следует вспомнить, что в своей работе о «столкновении цивилизаций» известный американский ученый С. Хантингтон еще более

усложняет анализ ситуации в мире, рассуждая о том, что на глубинном уровне западные представления и идеи фундаментально отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям. А сам тезис о возможности универсальной цивилизации — это западная идея. Помимо западной он выделяет конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и африканскую цивилизации, которые упорно хотят оставаться самими собой [15].

Однако еще один известный американский ученый, Р. Инглхарт, под руководством которого с 1980-х годов проводятся обширные социологические исследования ценностей населения в десятках стран мира (World Values Survey), доказывает, что все страны различных культур идут по одному универсальному пути: от ценностей выживания к ценностям самовыражения (постматериальным, секулярно-рациональным ценностям). Лидируют и задают тон, конечно, страны Запада, причем, прежде всего, протестантские. В конечном счете получается, что победу одержит либерализм, а Бог, оказывается, уже не нужен, так как либеральное государство хорошо заботится о своих гражданах, они чувствуют себя вполне защищенными и поэтому рационально мыслят и могут проживать свою жизнь как они хотят и быть счастливыми [17]. Откровенно говоря, грандиозные исследования Инглхарта представляются не столько научным, сколько утопическим, пиаровским проектом, пропагандирующим идеи либерализма и глобализма, причем явно упрощающим до банальности человеческую и общественную жизнь, где на смену религиозным и духовно-нравственным поискам и творчеству приходит довольно-таки примитивный атеистический рационализм. Фактически это еще одна (после советской, о которой мы уже упоминали) попытка свести полиментальную матрицу общества к одной, теперь уже индивидуалистско-либеральной, ментальности.

Возвращаясь к петербургской молодежи, следует добавить, что некоторое преобладание православно-российского и коллективистско-социалистического менталитетов среди молодых петербуржцев подтверждают и данные других исследований, проведенных под нашим руководством в 2008 и 2010 годах. Так, на вопрос «Какое общество Вы хотели бы построить в России?» лидирующими вариантами оказались пары ответов, соответствующие этим менталитетам: «общество правды и добра» + «общество веры

и любви к ближним» (60% в 2008 году и 77% в 2010 году) и «общество социальной справедливости» + «общество честных людей труда» (72% в 2008 году и 75% в 2010 году) (см. таблицу).

**Распределение (%) предпочтений молодежи Санкт-Петербурга
относительно типа будущего российского общества**

Тип общества	Студенты СПб (2008 г.; 1310 чел.)	Молодежь СПб (2010 г.; 722 чел.)
Общество личной свободы и бизнеса	48	41
Общество социальной справедливости	47	40
Общество правды и добра	35	41
Общество честных людей труда	25	35
Общество веры и любви к ближним	25	36
Общество потребления и комфорта	20	21

Пр и м е ч а н и е. Так как респонденты могли одновременно выбирать два варианта ответа, сумма по столбцам превышает 100%.

Характерно что вариант «общество потребления и комфорта» получил меньше всего сторонников. К тому же за последние 10 лет, по данным наших исследований, ценность справедливости среди молодежи выросла в два раза [6; 12]. Репрезентативное исследование (выборка 1207 чел.), проведенное в Санкт-Петербурге НИИКСИ в 2013 году, показало, что при сокращении вариантов типов общества до трех предпочтение молодых петербуржцев распределяются следующим образом: «общество честных людей труда» — 43%, «общество веры и любви к ближним» — 27%, «общество потребления и комфорта» — 20%. В то же время среди всего населения Санкт-Петербурга общество потребления и комфорта выбирают только 9% опрошенных.

В настоящее время идет ценностная идейная кристаллизация. После более чем 20 лет «промывания мозгов» и перепрограммирования общественного сознания с помощью олигархических СМИ, рекламы, интернета часть населения выбирает деньги, нелегитимный бизнес и идеологию потребления. И в то же время большинство, даже неосознанно, все-таки предпочитает духовно-нравственные и просоциальные ценности. Однако приходится признать, что среди молодежи появилось немало потребителей «пива и интернета», ограниченных индивидуалистов.

Вместе с тем очевидно, что, кроме извечного противостояния законопослушных граждан и криминалитета, существуют пробле-

мы в сфере социального согласия и психологической совместимости также между другими представителями базовых российских менталитетов. В свое время это была идейная борьба между «почвенниками» и «западниками», затем уже физическая борьба, перешедшая в гражданскую войну между «белыми» и «красными». Ныне возникают и более сложные противоречия между условно говоря «белыми» (традиционалистами), «красными» (социалистами) и «голубыми» (либералами) — практически между представителями трех базовых российских менталитетов.

Выход из создавшихся ценностно-ментальных противоречий может быть найден в некоем духовно-нравственном прозрении и консенсусе. В рациональном для одних и эмоциональном для других постижении жизни, мира и справедливости как высших ценностей, из которых и происходит социальное согласие. Даже морально индифферентные люди должны понять, что иначе всех, и их в том числе, ожидает конфликт, столкновение и в худшем случае, в конце концов, взаимоуничтожение. Кроме указанных, к ценностям-универсалиям молодежи, на которые следует опираться в выстраивании согласия между представителями разных менталитетов, относятся *семья* (доля предпочтений у «коллективистов» — 85,9%, у «верующих» — 86,2%, у «индивидуалистов» — 82,8%), *здоровье* (соответственно, 73,3%, 73,8% и 75,9%), *друзья* (63,6%, 62,4% и 64,5%).

Примеры согласия представителей базовых российских менталитетов (за исключением криминального) имеются. Один из таких — совместные выступления петербуржцев против строительства в близком к центру города месте (напротив Смольного собора высотой 92 м) дисгармонично агрессивной сверхвысокой башни «Газпрома» (свыше 400 м), в которых приняли участие и либералы, и «левые», и христиане (по крайней мере, половина из них — молодежь). Ценность гармонии, классической красоты города восторжествовала. А ведь, если рассуждать философски, гармония — это и есть наглядно выраженная справедливость, а социальная несправедливость — та же дисгармония, порождающая хаос и конфликт.

Результаты исследований приводят нас к выводу о том, что системообразующим фактором работы с молодежью должно стать духовно-нравственное воспитание. Без основополагающих возвышающих ценностей, нравственного идеала развитие личности, групп, общества просто невозможно. Отказаться от опыта тыся-

челетий было бы, по меньшей мере, легкомысленно. Величайший гуманист XX века А. Швейцер вывел четкую формулу: «Как сейчас, так и во все последующие времена объяснить превратности нашей нынешней судьбы можно только тем, что мы пытались удовлетвориться культурой, оторванной от этики» [16, с. 263]. А в России еще ранее наш великий педагог К. Д. Ушинский писал о том, что образования без духовно-нравственного воспитания не должно быть. В связи с высказанными положениями представляется несомненно важной и значимой постановка проблемы А. Л. Журавлёвым и А. Б. Купрейченко о роли «нравственной элиты» в российском обществе (см. их статью в этой книге), о насущной необходимости воспроизводства таких людей во всех сферах общества. Нравственная элита, по мнению авторов, воспроизводит и транслирует, прежде всего, общечеловеческие нравственные принципы и нормы, ценности и идеалы, стремясь это сделать в более широких масштабах и более далекой перспективе. Вопрос заключается в поисках образовательно-воспитательных форм, способствующих развитию такой элиты. Авторы справедливо считают, что без достойной нравственной элиты страна не сможет полноценно развиваться и совершенствоваться.

Поэтому главным национальным проектом в стране должен стать проект «Духовно-нравственное преображение России», без которого никакое настоящее развитие невозможно. Более того, автор, вслед за Альбертом Швейцером и Питиримом Сорокиным, думает, что подобный проект духовно-нравственного оздоровления необходим и всему миру, в том числе и так называемым развитым странам.

Литература

1. Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991.
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М., 1958.
3. Ильин И. А. О русском национализме. Что сулит миру расчленение России. Новосибирск, 1991.
4. Макропсихология современного российского общества / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2009.
5. *Обрахт-Прондзыньски Ц.* Молодые поляки в начале XXI века: между потреблением и бунтом // Социальное благополучие молодежи в процессе социальных изменений в Санкт-Петербурге и Гданьске / под ред. А. Бахуж, О. Безруковой, Л. Михаловски, В. Семёнова. СПб., 2012. С. 38–50.

6. Положение молодежи в Санкт-Петербурге / под ред. В.Е. Семёнова. СПб., 2003.
7. Россия и мир в 2020 году. М., 2005.
8. Русские о русских. СПб., 1992.
9. Семёнов В.Е. Духовно-нравственные ценности — главный фактор возрождения России // Россия сегодня: новые горизонты сознания / отв. ред. В.Н. Келасев. СПб., 1994. С. 28–41.
10. Семёнов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 1997. Вып. 4. С. 59–67.
11. Семёнов В.Е. Российская полиментальность и умонастроения современной молодежи // Молодежная политики XXI века: Стратегия выбора (материалы Всероссийской научно-практической конференции). СПб., 1999. С. 35–37.
12. Семёнов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб., 2008.
13. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
14. Фридман Дж. Следующие 100 лет. Прогноз событий XXI века. М., 2010.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005.
16. Швейцер А. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М., 1993.
17. Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Princeton, 1997.

А. Л. Журавлёв, А. Б. Купрейченко

РОЛЬ НРАВСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

История XX века в очередной раз убедительно показала, что нравственные регуляторы играли решающую роль в периоды потрясений политических, социальных и идеологических устоев российского общества [2; 8]. Они оставались неразрушимой основой, объединяющей людей в те периоды, когда политические, правовые (законодательные), религиозные, административно-управленческие и другие социальные регуляторы были слабы или временно утрачивали свою силу. Хорошо известно, что нравственные принципы и нормы, ценности и идеалы могут служить наиболее универсальными регуляторами социального поведения [9] и сохранять определенную устойчивость [18]. Их реальными носителями являются все члены общества, однако особая роль принадлежит представителям довольно малочисленной социальной категории, основное содержание жизни которой подчиняется идеалам гуманизма, добра, милосердия и т. п. Причем совершенно не принципиально, осознается ими это или нет. Это люди из самых разных социальных слоев, сфер деятельности и демографических групп, и их влияние на других людей осуществляется различными путями, способами и средствами. Изучение данной категории людей, которую можно назвать «нравственной элитой», представляет большой интерес, поскольку позволяет вскрывать механизмы и закономерности формирования нравственного сознания и воздействия на поведение значительных масс населения.

В данной работе формулируются *основные вопросы*, предваряющие исследование социально-психологических характеристик «нравственной элиты» и ее воздействия на социальное окружение, поэтому представленный ниже текст по своему характеру является, прежде всего, *проблемно-постановочным* (см. также: [13]).

Актуальность исследования нравственной элиты

Одним из важных результатов активного изучения отечественными психологами адаптации различных групп населения современной России к новым экономическим, политическим и в целом социальным условиям стало выявление и описание множества нестандартных и чрезвычайно интересных социально-психологических феноменов и закономерностей. Некоторые из них являются примерами отношения и социального поведения субъектов, *противоречащих* как реальным социально-экономическим условиям, так и их собственным экономическим интересам.

Нас заинтересовала именно та категория российского населения, *экономическая дезадаптация* которой объясняется приоритетной ориентацией личности не на достижение материального, имущественного статуса, а на разные другие формы социальной активности: на самореализацию в профессиональной сфере, саморазвитие, творчество, познание мира, воспитание детей, помогающее поведение, заботу о других людях и т.д. Такая личность сохраняет высокую удовлетворенность жизнью, позитивную самооценку, общую положительную установку на людей и в целом оптимистический взгляд на мир *независимо от уровня* ее материального благосостояния. В большинстве подобных случаев причиной низкой социальной адаптированности (или даже дезадаптированности) человека к новым экономическим условиям выступает *расхождение* между главным направлением изменения внешней среды, предъявляющим определенные требования к человеку, и жизненными ориентирами: системой принципов и смыслов, целей и притязаний, ценностей и идеалов личности. Эта система может быть близка к ценностям и идеалам определенного общества или конкретной исторической эпохи, в том числе и тех, в которых человек не жил. Данный феномен, названный нами «эффектом воспроизводства субъектом ценностной системы другой исторической эпохи», проявляется следующим образом. Субъект в ходе своей жизнедеятельности активно ориентируется на ценности, являющиеся типичными для прошедших или будущих периодов не только его собственной жизни, но и жизни общества в целом. В этом случае его принципы, ценности и идеалы *не соответствуют* ни актуальному жизненному опыту, ни реально сложившейся социальной ситуации.

У окружающих людей такой человек может ассоциироваться с ценностями принципиально разного содержания и, соответственно, вызывать прямо противоположные, *полярные оценки*. Во-первых, он может реально и искренне ориентироваться на прошлое, причем в самом широком (всестороннем) его понимании, например на советский период в российской истории или на историческое время царской России и т.п., в результате чего восприниматься и оцениваться современниками как ретроград, или «человек из прошлого». Это в больших масштабах характерно для переходных периодов в развитии российского общества (1920-е, 1960-е, 1990-е годы). Во-вторых, человек может ориентироваться на те жизненные принципы и смыслы, ценности и идеалы, нормы и правила и т.д. прошлых исторических эпох, которые фактически являются универсальными человеческими ценностями, переносимыми из одного исторического периода в другой, независимо от экономической, политической, социальной ситуации и в целом от того или иного состояния общества. Именно такой человек реально становится хранителем традиционных жизненных принципов, ценностей и идеалов и может быть образно обозначен как «человек вне времени» — представитель особой социальной категории, вызывающей очень непростое к себе отношение, о чем будет сказано ниже.

Аналогичным образом конкретный человек может лучше, чем большинство окружающих людей, интуитивно чувствовать и даже прогнозировать тенденции изменения ценностных идеалов общества, тем самым в своем представлении опережая его развитие. В этом случае он может стать носителем прогрессивных ценностей и идеалов — «человеком будущего». Человека же, чья система жизненных принципов, смыслов и ценностей наиболее типична для эпохи, в которую он живет, называют «человеком своего времени», «человеком нашего времени» и т.п. Именно выделенные категории людей выполняют конкретные и очень важные функции в обществе, в частности обеспечивая реальные возможности для *сравнения различных систем* жизненных принципов и смыслов, ценностей и идеалов и т.д. и отбора («отсеивания») тех из них, которые постепенно становятся типичными для конкретных исторических периодов, т.е. соответствующими своему времени.

Несмотря на реальное выполнение полезных функций в обществе категорией «людей вне времени», со стороны социального

окружения в отношении к ним нередко проявляются безразличие, непонимание, непринятие и даже отвержение. Объясняется это, в частности, тем, что они воспринимаются необычными, непохожими на других, не такими, как большинство, и т. п. (в каком-то смысле такое восприятие может рассматриваться как защитная психологическая реакция). Необходимо также отметить, что независимо от того, обращена ли структура жизненных смыслов и ценностно-нравственных ориентаций субъекта в прошлое, в будущее или находится «вне времени», его социальная адаптация к текущей жизненной ситуации обычно затруднена, ограничена или в полной мере невозможна. Адаптация к социальной среде не является важным ориентиром, и тем более самоцелью, для таких групп людей, так как их *действительные цели* состоят в отстаивании и поддержании, сохранении и воспроизводстве универсальных ценностей (общественных основ) или в преобразовании существующей действительности с ориентацией на перспективы, на будущее.

Разные типы ориентаций (на ценности будущего — опережающие, перспективные ориентации; на идеалы прошлого — ретроспективные ориентации; на универсальные и непреходящие принципы, ценности и идеалы различных эпох — вневременные ориентации) выполняют весьма важные для общества функции, особенно в кризисные периоды. В эти периоды личность как бы «освобождается» от всего преходящего, наносного и в определенном смысле отступает на более надежные и проверенные временем позиции — к *базовым ценностям, «стержню» самоопределения — главному смыслу жизни, идеалам, принципам и т. п.* или, может быть, к ценностям предыдущего этапа жизни или предыдущего социально-экономического уровня своей жизнедеятельности. Некоторые социально-демографические группы, исходя из оцениваемой ими ограниченности своих возможностей (ограниченный физический статус, связанный со здоровьем, низкая активность и мобильность, невысокая способность к переобучению и т. д.), могут использовать такое социальное поведение как психологическую защиту. Другие же субъекты, в силу *традиционного распределения социальных ролей в обществе*, выступают в качестве *хранителей культурных и духовных ценностей, носителей нравственных идеалов*. К ним, *прежде всего*, относятся мудрецы и старцы, талантливые наставники и воспитатели, священнослужители и духовные учителя, ученые и писатели, художники и поэты, а также другие, самые

разные, но именно в *нравственном отношении авторитетные* общественные фигуры.

Когда применительно к перечисленным категориям людей говорится, что они относятся к «нравственной элите», то речь при этом не идет о какой-то их абсолютной исключительности. К нравственной элите, естественно, могут относиться и самые обычные (по роду своих занятий) люди. И этот смысл хорошо передает известная поговорка «Не стоит село без праведника!», ибо в каждом стабильно живущем селении должны быть люди, выступающие (воспринимающиеся) проводниками нравственного поведения. «Нравственная элита» призвана выполнять некую *социальную функцию*, которая обязательно должна реализовываться, или, точнее, играть определенную *социальную роль*, необходимую сообществу. Если же эту роль некому играть, то это, скорее, исключительная ситуация, чем закономерность в жизнедеятельности того или иного сообщества. «Люди элиты» не только не стремятся изменять собственные ценности и идеалы, жизненные принципы и ориентиры, но и транслируют их другим социальным группам, для которых эти основополагающие жизненные ценности и нормы должны служить «путеводной звездой» в любых социальных условиях, пусть даже в ущерб своему текущему экономическому, административно-управленческому или политическому положению (статусу, достижениям, карьере и т. п.).

Традиционными советчиками во всех культурах являются представители старших поколений. Разумеется, сам по себе возраст не определяет большую или меньшую нравственность человека и его авторитетность в вопросах разрешения моральных противоречий. Определяющими являются другие характеристики — содержание нравственных принципов и смыслов, ценностей и идеалов, им реализуемых. Однако есть нечто, что зачастую приходит к человеку в зрелом и пожилом возрасте — знание жизни, опыт в разрешении жизненных проблем и, наконец, взвешенность суждений, рассудительность и мудрость. Не следует также считать, что для нравственной элиты обязательной является ориентация на ценности и идеалы прошлого. История знает немало примеров, когда представители именно молодого поколения транслировали большим социальным группам или обществу в целом прогрессивные идеи, нормы и ценности. И хранители ценностей предыдущих эпох, и прогрессивная молодежь выполняют одну и ту же функцию —

передают окружающим универсальные нравственные принципы и ценности, которые по тем или иным причинам (сложные внешние условия, отсутствие необходимого этического воспитания, утрата нравственных ориентиров и посприятие гуманистических идеалов, приоритет ближайших и легкодостижимых целей по сравнению с целями долгосрочными и требующими продолжительных волевых усилий) оказываются на определенное время забыты или замещены более частными и искаженными в угоду краткосрочным целям и узким интересам отдельных социальных групп.

Представители рассматриваемой категории людей, придерживаясь нравственных устоев и не допуская забвения обществом универсальных нравственных ценностей, дают интерпретацию событий жизни своих современников и общественных тенденций с позиций вечных, абсолютных, гуманистических истин. Для обозначения этой категории людей, по нашему мнению, применим термин «нравственная элита». Имеющиеся в словарях значения термина «элита» позволяют распространить его и на высоконравственных членов общества. Под *элитой* понимается социальная категория людей, *характеризующаяся* наиболее высоким уровнем развития тех или иных совокупностей качеств, свойств, способностей и *успешно проявляющая* их в конкретных сферах жизнедеятельности общества. В таком смысле вполне уместно говорить о разных *видах* элиты, что и встречается в современных публикациях: политическая и управленческая, экономическая и бизнес-элита, интеллектуальная и научная, творческая и художественная, культурная и духовная и др. В этом ряду целесообразно рассматривать и *нравственную элиту*, относя к ней тех людей, которые *достигли* высокого уровня развития нравственных качеств и которые *успешно проявляют* их в сфере человеческих отношений, в жизни реальных социальных групп, в человеческих сообществах, а также существенно *влияют* на их нравственную атмосферу, как минимум повышая ее общий уровень.

Вопрос о влиянии нравственной элиты на социальные группы и общество в целом принципиально важно отделять от более общего вопроса о влиянии каких-то конкретных социальных групп или отдельных их представителей на нравственность этих групп или общества. Более общим вопросом он является потому, что в последнем случае речь может идти не только о позитивном, но и в полной мере о негативном влиянии на уровень нравственности

того или иного сообщества людей, порождающем безнравственную атмосферу и т. п. Именно это и не может иметь отношения к влияниям нравственной элиты, быть как-то связанным с ней.

Порождение и распространение безнравственности нередко оказывается значительно более сильным, эффективным по сравнению с влиянием на развитие нравственности в обществе. Примерами тому может служить работа отдельных электронных СМИ, создающих и культивирующих образцы вседозволенности и распущенности, пропагандирующих криминальную героику, физическое насилие и агрессию, рекламирующих аморальные устремления и реальное поведение и т. п. [16]. Все это и многое другое никак не связано с влияниями нравственной элиты, хотя, по сути, представляет собой формы влияния на нравственность, но принципиально отличные от тех, что нас интересуют в контексте данной работы.

С большой долей уверенности можно утверждать, что предлагаемый здесь для специального рассмотрения вид элиты практически не исследован в современных социогуманитарных науках, в том числе в традиционных социальной психологии и психологии личности, а также в становящейся отрасли — духовно-нравственной психологии (или психологии духовности и нравственности) [6; 12; 14; 15].

Основные признаки нравственной элиты

Использование термина «нравственная элита», естественно, требует детального обоснования того, что выделяемая категория людей в полной мере отвечает главным признакам элиты, составляя при этом ее отдельный вид. (В данной работе мы сознательно уходим от подробного анализа понимания термина «элита» по современным публикациям, так как это представляет собой большой и специальный вопрос [13].) Первым шагом такого обоснования выступает определение *совокупности признаков*, которым должны соответствовать высоконравственные члены различных сообществ, чтобы быть отнесенными к этой категории. В ряду таких признаков важное место занимают следующие *необходимые* свойства и качества личности:

- качество *участия в общественно полезной деятельности* (социдательной, творческой, воспитательной и т. д.), приносящей пользу социуму, т. е. служащей благим, гуманным целям

с использованием для их достижения средств, не наносящих вреда окружающему природному и социальному миру или предотвращающих, минимизирующих и компенсирующих этот вред (что может быть характерно для защитной, правоохранительной, миротворческой, спасательной, восстановительной и т. п. видов деятельности);

- *готовность строго следовать* моральным принципам, нормам и правилам жизнедеятельности человека, достижение *уровня их реального соблюдения*, отвечающего критерию высокой нравственности;
- *способность к решению* нравственных задач и проблем, трудностей и конфликтов, разрешению нравственных противоречий как своих, так и других людей;
- *умение воздействовать, влиять* на других людей в нравственной сфере, что может осуществляться самыми разными способами, например путем убеждения и разъяснения, косвенным путем (личным примером и т. п.) или через воздействие на нравственность общества посредством продуктов труда, произведений искусства и т. д.;
- *готовность оказывать безвозмездную помощь* другим людям, реализовывать разные формы *помогающего поведения* в социальных группах, которое проявляется в виде выраженного побуждения, стремления расходовать свои ресурсы (время, материальные средства, разные виды человеческих усилий, энергию и т. п.) ради других людей и общества в целом, *склонности к занятиям* благотворительной деятельностью, альтруистскому поведению и т. д.

Кроме того, представители нравственной элиты могут выступать *активными поборниками, защитниками* моральных устоев, способными нравственно поднимать других людей, возвышать их и т. д. Такие люди и их жизненный путь зачастую являются реальными примерами для подражания, эталонами нравственного поведения для социального окружения. Возможны и другие направления их активного участия в сохранении и повышении уровня нравственности различных сообществ людей, особенно молодежи. Так, представители нравственной элиты могут целенаправленно создавать благоприятные условия и даже искусственные среды, которые по аналогии с «социальными оазисами» [17] могут обозначаться «нравственными оазисами», облегчающими и ускоряющими про-

цесс нравственного становления, прежде всего подрастающего поколения [10].

Особо следует сказать о роли *душевных переживаний, страданий, нравственных мучений* и т.п. в определении нравственной элиты. Их обязательное наличие может «претендовать» на один из важных признаков принадлежности к ней. Ее представители, особенно те, кто воспринимается в таком качестве на уровне российского общества в целом, в своем личном опыте, как правило, сталкивались с отвержением социальным окружением или официальными властями, различного рода социальными ограничениями и искусственно чинимыми препятствиями, гонениями и преследованиями, с необходимостью преодолевать непомерно тяжелые жизненные трудности, барьеры и т.д. Здесь уместно напомнить и ставшие крылатыми слова Н.В.Гоголя: «Страдание — мать Добродетели». Вопрос о внесении или невнесении описанного признака в качестве обязательного для квалификации представителей нравственной элиты остается пока открытым, как и в целом вопрос о совокупности необходимых и достаточных признаков, который потребует дальнейшей глубокой разработки.

Выделенные и возможные другие *признаки и ценности* нравственной элиты, во-первых, являются ее взаимодополняющими *содержательными компонентами*. Во-вторых, они могут одновременно характеризовать людей, относящихся к нравственной элите, поскольку, например, наиболее эффективно влиять на других может тот, кто сам строго следует нравственным нормам, и т.д. В-третьих, они представляют собой не только признаки, ценности и компоненты, но и *характеристики* (прежде всего, способности), а также *функции* нравственной элиты.

Чтобы адекватно понимать содержание термина «нравственная элита», необходимо рассмотреть противоположный ему — «безнравственная элита», т.е. использовать прием рассуждений, называемый в логике «ход от противного». В этой связи целесообразно задаться прямым вопросом: возможен ли в принципе такой феномен? И отвечать на него приходится утвердительно, так как отдельные представители многих, если не подавляющего большинства видов элит, могут быть людьми безнравственными или, по меньшей мере, совершать безнравственные поступки по отношению к другим людям, причем не столько по недоразумению, сколько вполне осознанно. Однако подобное допущение не может иметь

отношения к нравственной элите, для которой характерны нравственные либо нейтрально оцениваемые ближайшим социальным окружением поступки и действия.

Конечно, здесь возникает важный научно-практический вопрос: как же быть и что делать с безнравственной элитой или с безнравственными проявлениями со стороны того или иного вида элиты? В контексте данной работы этот вопрос может трактоваться как относительно самостоятельный и требующий отдельного специального рассмотрения. Однако в самой общей и упрощенной форме ответить на него можно следующим образом: наиболее эффективным способом противодействия безнравственной элите является формирование элиты нравственной.

Можно предположить, что возможность отнесения конкретного человека к нравственной элите определяется не только *наличием* позитивных характеристик, но также *отсутствием* ряда свойств, *препятствующих* нравственной самореализации личности. Помехами могут выступать, например, строгая приверженность конвенциональным нормам конкретного сообщества, сверхзначимость личных или узкогрупповых целей. Это же относится к подверженности личности страстям и порокам, к проявлению злонамеренных качеств, совокупность которых может быть весьма велика: властолюбие и алчность, корыстолюбие и сладострастие, агрессивность и жестокость, наглость и подлость, злословие и коварство, подхалимство и самодурство, склонность к алкоголю, наркотикам, азартным играм и т.п. являются свойствами, перечеркивающими многие нравственные достоинства выдающейся личности. В то же время можно допустить, что на определенных этапах своей жизни представитель нравственной элиты может быть подвержен каким-то порокам, однако за этим должен последовать решительный отказ от них и необходимые в российской традиции покаяние и искупление, которое способно иметь очень разные формы. Это предположение в дальнейшем желательно проверить конкретными эмпирическими исследованиями. В настоящее время хорошо известна чрезвычайная сложность диалектических связей добра и зла, добродетельных и порочных качеств человека [11].

Отсюда возникает ряд этических проблем, затрудняющих выделение признаков нравственной элиты и тем самым формулирование ее более-менее строгого определения. Во-первых, это проблема *относительности* нравственных норм отдельных социаль-

ных групп, культур и обществ, к которым принадлежит данная личность, а также исторических периодов, в которые она живет. Во-вторых, проблема *приоритета* в ее жизнедеятельности ценностей краткосрочных, среднесрочных или относящихся к далекой перспективе. В-третьих, следует учитывать различия *уровня* нравственности личности в отдельных системах ее отношений — профессиональных, семейных, дружеских и т. д. Совершенно очевидно, что трудно найти человека, одновременно успешно разрешающего противоречия между ценностями своей малой и большой группы, общества и человечества в целом, умело определяющего приоритеты достижения краткосрочных, среднесрочных и стратегических целей и, кроме того, высоконравственного во всех сферах своей жизнедеятельности. Решение личностью большинства названных проблем, как правило, предполагает неизбежные нравственные компромиссы. И, наконец, в-четвертых, упорство в борьбе за абсолютное соблюдение нравственных принципов и ценностей может граничить с фанатизмом, а методы борьбы при этом — переходить границы допустимого, согласно известной формуле «Цель оправдывает средства». В таком случае возникает закономерный вопрос: может ли существовать в реальности личность, соответствующая выделенным выше признакам и удовлетворяющая всем перечисленным требованиям, и не является ли «нравственная элита» мифом или недостижимым идеалом? Настоящую работу можно рассматривать лишь как попытку ответить на подобные вопросы.

Однако, доверяя воспитание своих детей, собственное и их физическое и психическое здоровье, судьбу и жизнь педагогам и врачам, социальным работникам и психологам, тренерам и консультантам, священнослужителям и правозащитникам, деятелям науки и культуры, представителям различных ветвей власти и другим категориям людей, несущим социальную ответственность, большинство из нас рассчитывает на то, что они окажутся не только специалистами, профессионалами, но и Людьми с большой буквы, т. е. принадлежащими именно к «нравственной элите». Историческая память народа хранит множество примеров подвижников и праведников из числа представителей многих названных групп.

Кроме того, в общественном сознании существуют социальные представления о таких людях не только из прошлых эпох, но и о наших современниках. Можно привести имена лишь неко-

торых не так давно ушедших *нравственных авторитетов*: старцы Паисий Святогорец и Николай (Гурьянов), архимандрит Иоанн (Крестьянкин) и мать Тереза, Д. Лихачев и А. Сахаров, С. Королев и Н. Моисеев, М. Ульянов и К. Лавров, А. Твардовский и А. Солженицын и многие другие. Следует отметить, что некоторые из перечисленных фигур вполне могут быть спорными, поскольку для кого-то из них, возможно, характерны отмеченные выше противоречия. Так, одни представители нравственной элиты отстаивали традиционные, проверенные временем, *консервативные ценности*, другие — *новые ценности* будущих периодов жизни человечества. Глубокая включенность многих из них в систему управленческих и иерархических отношений, занимаемые ими руководящие и формальные лидерские позиции нередко вынуждали их идти на нравственные компромиссы. Кроме того, самоотверженное служение избранному делу нередко приводило к забвению ими обязательств перед самыми близкими людьми и делало их подверженными обычным человеческим слабостям и порокам. И, наконец, каждый из представителей нравственной элиты в разной степени оказывался способным осуществлять перечисленные выше многообразные ее функции: разрешать нравственные противоречия, служить эталоном и образцом для подражания, различными способами оказывать влияние на нравственное сознание и поведение окружающих и др.

В общем контексте рассмотрения данной проблемы принципиально важно понимать, что нет никакой необходимости определять тех, кто относится к нравственной элите, так как в каждом конкретном случае это *устанавливается самими членами сообщества, группы* и т. п. Приводимые и возможные другие примеры фактически ничего не подтверждают и не опровергают, они лишь иллюстрируют (но это тоже очень важно!) наличие такой категории людей. Главное состоит совсем не в том, что какие-то конкретные люди будут вызывать неоднозначные оценки в качестве нравственных авторитетов, эталонов и т. п., и даже не в том, что для одних групп или отдельных людей нравственными примерами будут служить одни, а для других — совсем иные, а именно в том, что такие *нравственные эталоны и образцы существуют* в человеческих сообществах.

Проведенный анализ позволил предположить, что, во-первых, нравственная элита является *важнейшим и необходимым компо-*

нением общественной жизни (потребность основных масс населения в ней чрезвычайно высока). Во-вторых, сочетание всех выделенных признаков нравственной элиты в одном человеке практически невозможно и не является обязательным условием его отнесения к данной категории. В этой связи важную исследовательскую задачу представляет собой определение наиболее *существенных и необходимых* признаков, а также *недопустимых* качеств нравственной элиты и выделение условий, которые определяют совокупность таких признаков и качеств. То есть не только *наличие*, но и неслучайное *отсутствие* каких-то конкретных свойств, качеств, состояний и т.п. может, причем достаточно надежно, характеризовать представителей нравственной элиты. В качестве иллюстрирующих примеров приведем отсутствие чрезмерной самоуверенности и заносчивости, недоброжелательности и агрессивности, высокомерия, нетерпимости и многих других черт. Однако рассмотренное общее положение о требованиях к человеческим качествам нравственной элиты неизбежно приводит к необходимости формулировки специальной задачи по выделению и систематизации совокупности характеристик, недопустимых для представителей анализируемого вида элиты. В-третьих, целесообразно также выделение различных *типов* нравственной элиты, выполняющих те или иные *роли, функции* и обладающих той или иной совокупностью характеристик. Например, можно выделить представителей нравственной элиты, оказывающих наиболее сильное влияние на других людей собственным примером, а также самоотверженных хранителей традиционных ценностей или же борцов за прогрессивные идеи и, наконец, людей, заслуживших репутацию нравственных лидеров благодаря своей способности разрешать сложные проблемы и давать ответы на злободневные жизненно важные вопросы и т.д. (ниже мы специально остановимся на анализе возможных ролей и типов подробнее). Сложность в этой связи представляет дифференциация феноменов и соответствующих им понятий «нравственная элита» и «нравственный авторитет», «нравственный идеал» и «нравственный эталон» и т.д., имеющих много общих характеристик.

Можно также предположить, что убеждения (например, консервативные или прогрессивные) представителей различных типов нравственной элиты могут существенно различаться. В этом случае общество нередко становится свидетелем и участником конфрон-

тации и даже открытой борьбы между ними. Интересной и вполне решаемой задачей эмпирических исследований может стать выявление идеального образа нравственной элиты в представлениях различных групп населения современной России. В этом направлении уже сделаны значительные шаги. Так, М. И. Воловиковой и ее учениками выполнены исследования социальных представлений о порядочном человеке и представлений русских о нравственном идеале в истории российского общества [4; 7]. В то же время на сегодняшний день большинство вопросов, стоящих перед исследователями нравственной элиты, остаются нерешенными. Например, что в сознании людей отделяет просто порядочного человека от нравственной элиты, насколько четко очерчена и в какой мере преодолима эта грань? По нашему мнению, нравственная элита — это некоторое *новое качество нравственного человека*, а не просто достижение высокого уровня нравственного сознания или поведения, ранее изучавшегося в отечественной психологии [1; 2; 9]. Важно также понять основные жизненные смыслы и ориентиры, потребности и интересы личности, относящей тех или иных своих современников к нравственной элите. Изучение отношений различных социальных групп к современной нравственной элите позволит выявить много интересных феноменов, в частности упомянутые выше различные роли и, соответственно, типы нравственной элиты.

Социально-психологические категории лиц, относимых к нравственной элите, и ее роли (функции) в различных сообществах

Различными группами населения к нравственной элите чаще всего относятся представители следующих *социальных* категорий, а именно:

- создающие высокодуховные, насыщенные глубокими смыслами и вечными истинами произведения Художники (поэты, писатели, режиссеры, актеры, скульпторы, живописцы, архитекторы и т. д.);
- ищущие новые пути развития человечества и социально ответственные за последствия своей деятельности Мыслители и Исследователи (ученые, изобретатели, первопроходцы, конструкторы, испытатели и т. д.);

- воплощающие прогрессивные идеи устройства общества в конкретные социальные и материальные формы Созидатели и Подвижники (государственные, общественные, религиозные деятели, руководители разного уровня и т. д.);
- активно противодействующие аморальным общественным тенденциям и явлениям Защитники и Борцы (журналисты, правозащитники, миротворцы, общественные деятели, представители властных структур и т. д.);
- создающие условия для нравственного развития людей, наставляющие и ориентирующие их в различных системах ценностей и идеалов Учителя, Просветители и Проповедники (педагоги, воспитатели, священнослужители, духовные лидеры, наставники и т. д.);
- заботящиеся о физическом и психологическом благополучии людей Врачеватели и Благодетели (медики и психологи, опекуны и благотворители, социальные работники и представители общественных и государственных организаций);
- показывающие примеры высоконравственной жизни Праведники (представители самых разных категорий) и др.

Выделенные и другие возможные роли реализуются не только исключительно представителями нравственной элиты, они вполне могут выполняться теми, кто относится к творческой, научной, интеллектуальной, художественной, культурной, духовной элитам. В настоящее время фактически не могут быть проведены какие-то строгие, и тем более жесткие, границы между некоторыми видами элит, по меньшей мере, по выполняемым ими ролям, в том числе и описанным выше. Поэтому вполне допустимо более широкое толкование содержания понятия «нравственная элита», ее социальных ролей и функций в соответствующих сообществах. В дальнейшем перечисленные и заново выделенные роли должны быть разделены по более строгим критериям (или основаниям), в частности по тому, какого рода недостатки представителям каких видов элит и при выполнении ими какой конкретной роли прощаются или не прощаются социальным окружением. То есть специфические роли собственно нравственной элиты могут быть постепенно выделены через «ужесточение» критериев, дифференцирующих разные виды элит. В результате станет возможным определить и описать нравственные роли в узком смысле, наиболее характерные именно для нравственной элиты, однако это —

задача для специальных исследований, более подробно изучающих данный вопрос.

К нравственной элите могут быть отнесены и самые обычные люди, ведущие скромную, но нравственно достойную жизнь. В их ряду, несомненно, можно найти и Хранителей традиционных ценностей (духовных, нравственных, культурных, эстетических и др.), Мудрецов и Советчиков, людей, являющихся воплощением Гуманизма, Милосердия, Заботы и Доброты, а также многих других, отличающихся особой душевной Красотой. Психологическое воздействие высоконравственных людей, «живущих по соседству», может быть более значительным, нежели влияние удаленных выдающихся личностей, поскольку носит постоянный и долговременный характер, задавая нравственные ориентиры в реалиях повседневной жизни. В то же время воздействие выдающихся личностей, являющихся нравственными примерами, эталонами, идеалами, необходимо для более успешного жизненного и нравственного самоопределения личности, эффективного построения стратегии ее жизни, конструирования ею своего будущего и т. п.

Названия ролей, которые могут выполнять представители нравственной элиты, пока еще достаточно условны, поэтому они будут, как и их количество, уточняться в ходе будущих исследований. Скорее всего, рядом наших современников, которых респонденты в процессе исследования сочтут возможным отнести к нравственной элите, будут выполняться сразу несколько упомянутых выше ролей. Более того, может оказаться, что достойными быть причисленными к нравственной элите сочтут только тех, кто объединяет в себе две или три роли, например: Учитель-Мыслитель-Праведник, Хранитель-Мудрец-Подвижник, Созидатель-Защитник, Художник-Борец, Врачеватель-Проповедник и т. д. Каждый из возможных типов современной нравственной элиты характеризуется определенной совокупностью признаков — наличием позитивных нравственных свойств и обязательно отсутствием некоторых негативных. Так, общественное мнение может простить Художнику, Исследователю или Борцу негативные черты характера (например, несдержанность или даже проявления гнева), пренебрежение интересами близких людей и некоторые пороки (в частности, пристрастие к алкоголю или слабость к представителям противоположного пола и т. д.). Однако большинство людей сочтет эти недостатки совершенно недопустимыми для таких типов нравственной элиты,

как Учитель, Проповедник, Праведник и др., которые перестанут быть таковыми при наличии указанных негативных качеств. В связи с разными ролями и функциями нравственной элиты важно также выделить для различных культур и исторических периодов развития конкретного общества наиболее характерные и наиболее предпочтительные типы людей, заслуживающих отнесения к нравственной элите.

В то же время, несмотря на многообразие характеристик и функций представителей различных типов нравственной элиты, можно выделить определенную совокупность их общих свойств. Важно еще раз подчеркнуть, что практически в каждом более-менее крупном сообществе (например, в многочисленных типах поселений, этнических и профессиональных группах, общественных организациях и т. п.) имеются его члены, выступающие *нравственными ориентирами* для других людей. Именно они реально помогают ответить на вопрос о том, как правильно поступить в трудной ситуации, как решить ту или иную жизненную проблему, сделать моральный выбор и т. д. Нравственная элита характеризуется высокоразвитыми способностями решать сложнейшие нравственные задачи, и в этом смысле она обладает высоким «*нравственным интеллектом*», «*нравственной одаренностью*» и т. п. Последние нельзя пока считать признанными терминами, но именно они способствуют пониманию характеристик, особенностей нравственной элиты.

В этой связи целесообразно сделать несколько уточняющих комментариев. Во-первых, развитие этого вида интеллекта и одаренности, как и всякого интеллекта (общего, социального, эмоционального, психомоторного и т. д.), принципиально различно у разных людей. Вполне допустимо, по нашему мнению, нравственный интеллект рассматривать в качестве *частного варианта* социального интеллекта, однако выявление их соотношения — это дело будущих исследований. Во-вторых, решение нравственной проблемы может быть текущим, т. е. иметь актуальный характер и сниматься как проблема в результате соответствующего решения. Однако то или иное решение может иметь и так называемые отсроченные эффекты, причем достаточно серьезные, которые также необходимо предусматривать в процессе его выработки. Социальная *способность прогнозировать* подобные отсроченные эффекты при решении нравственных проблем — это важнейшая характеристика

нравственного интеллекта. В-третьих, можно предполагать, что на проявление нравственного интеллекта человека оказывает влияние *общий интеллект*, со всеми его многочисленными свойствами, однако влияние это не может быть прямым, оно, бесспорно, представляет собой более сложное явление [3].

Хорошо известно, что представители подобных групп высоко нравственных людей во все исторические периоды приносили свое материальное благополучие и даже собственные жизни в жертву не ради каких-то абстрактных идей, а ради сохранения конкретных ценностей и идеалов в качестве жизненных ориентиров как для современных им, так и для последующих поколений. Что же выступает для таких групп показателем успешной социальной адаптации? Назовем лишь некоторые возможные показатели, которые являются одновременно и свойствами нравственной элиты. Во-первых, *социальная ответственность*, которую они воспринимают и переживают как свой долг, служение или просто неотъемлемое содержание своей жизни. Во-вторых, *стойкость личности* перед лицом жизненных трудностей и социальных изменений, которая всегда считалась достоинством человека. В-третьих, важным качеством является отношение личности ко времени, в частности такой показатель, как *видение временной перспективы*. В-четвертых, необходимым свойством представителя нравственной элиты закономерно является *нравственная зрелость*. Социальная ответственность, стойкость личности в отстаивании жизненных принципов, ценностей и идеалов, зрелость личности, а также видение ею широкого временного горизонта являются конкретными свойствами подлинной *субъектности* человека. Следует также отметить, что строгое следование нравственным нормам и правилам в течение всего жизненного пути требует от человека значительных *волевых усилий*, поскольку нравственный выбор — это чаще всего выбор, невыгодный с точки зрения удобства и комфорта жизни индивида.

Таким образом, нравственная жизнь, противостояние и противодействие новым легковесным, узкогрупповым или сиюминутным принципам, ценностям и идеалам есть сознательно выбранный *способ (и тип) самоопределения* индивидуальных или групповых субъектов. Показательным в этом отношении является высказывание певицы Е. А. Камбуровой, прозвучавшее на встрече с почитателями ее творчества в телепередаче «Линия жизни» (телеканал

«Культура»): «Изучаю дух времени, чтобы от него защититься...». Это, прежде всего, свидетельствует о неизменности, устойчивости ее нравственной позиции. Ценности данной категории людей выступают как бы «центром кристаллизации» — основой сохранения и воспроизводства, передачи и формирования норм и правил, ценностей и идеалов разных, в том числе и новых, социальных групп в изменяющемся обществе. Придерживаясь абсолютных нравственных ценностей, проносимых сквозь исторические эпохи, такие люди дают интерпретацию и моральную оценку происходящих событий и новых общественных явлений, объясняя окружающим, хорошо это или плохо, полезно или вредно, допустимо или недопустимо в данных условиях для конкретной личности, группы, общества, человечества и т. д.

Из сказанного ясно, что важнейшим в рассматриваемом контексте оказывается вопрос об *основной социальной функции* нравственной элиты в обществе — сохранении и поддержании, воспроизводстве и транслировании новым поколениям абсолютных, универсальных, наиболее устойчивых, стабильных и проверенных историческим временем *нравственных регуляторов* (нравственных принципов и смыслов, ценностей и идеалов, норм и правил и т. д.) жизнедеятельности человека в обществе. Необходимость и реальное выполнение данной функции наиболее ярко высвечиваются в условиях общественных (экономических, политических и т. п.) кризисов. Представители нравственной элиты традиционно ведут себя наиболее устойчиво и последовательно вне зависимости от изменяющихся внешних социальных условий, демонстрируя другим людям, социальным группам и обществу в целом их главные жизненные ориентиры — нравственные принципы и ценности, к которым общество, пережив период социальных отклонений, обязательно должно вернуться. Именно нравственная элита не позволяет даже в сложнейших кризисных условиях утратить важные этические регуляторы общественной жизни, сохраняя в себе нравственное начало как самое святое, в том числе и при инволюционных его изменениях в конкретном обществе или социальной группе, являя своим примером достойные образцы саморегуляции, эталоны произвольного поведения и т. п. Абсолютные, универсальные нравственные ценности являются наиболее устойчивыми по сравнению с экономическими, правовыми, политическими, социальными и др.

По нашему мнению, можно постулировать высокую *независимость* сознания, самосознания и социального поведения представителей нравственной элиты от внешних социальных условий, однако лишь в строго определенном смысле: независимость от изменения этих условий, в том числе и радикального. В целом же можно с большой уверенностью утверждать, что нравственная элита тесно связана и взаимодействует с социальной средой и тем самым проявляет *зависимость* от нее. Во-первых, нравственная элита в процессе реализации своих социальных функций в сообществах всегда обращена к окружающим людям, группам и т. п. (либо непосредственно и целенаправленно, либо как-то косвенно, но всегда — через ее восприятие окружающими). Во-вторых, у представителей данной элиты зависимость от социальной среды может возникать в виде обостренных нравственных чувств или определенной модальности нравственного отношения к возникающим обстоятельствам, происходящим социальным событиям, поведению конкретных окружающих людей, различного рода общественных лидеров, руководителей и т. д.

Специфика влияния и формирования нравственной элиты

Следует отдельно остановиться на выделении *специфики влияния* нравственной элиты на других людей, социальные группы по сравнению с влиянием на них других видов элит. *Первая* особенность заключается в том, что практически все упоминавшиеся выше виды элит в общественном разделении труда всегда стремятся производить что-то *новое* или, по меньшей мере, что-то совершенствовать, вносить реальные изменения в соответствующие сферы жизнедеятельности (экономику или политику, науку или образование, бизнес или спорт и т. д.). Нравственная же элита воспроизводит и транслирует, прежде всего, уже *известные* человечеству нравственные принципы и нормы, ценности и идеалы, однако стремится сделать это в более широких масштабах, насколько это возможно или насколько это получается, наполняя их конкретным содержанием в соответствии с современными требованиями.

Вторая особенность нравственной элиты состоит в том, что ее жизненные принципы и ценности для большинства людей представляют собой *идеал*, к которому *могут и должны стремиться*

фактически все. Нравственные вопросы волнуют практически всех людей, а то, в чем наиболее ярко проявляет себя нравственная элита, тоже имеет отношение ко всем людям. И это принципиально отличает ее от других видов элит, к нормам и правилам жизнедеятельности которых реально могут, и тем более должны, стремиться лишь *отдельные* представители социальных групп современного общества. Тем самым нравственная элита не противопоставляется основным массам населения — она лишь их *авангард*, а ее поведение (в широком смысле слова) — это, хотя и труднодостижимый, но *эталон, образец, пример именно для них* и т.п. Важно подчеркнуть то, что речь в таком сравнении идет лишь об общественной необходимости и возможностях отдельных людей, а не о возможности всех достичь ценностей и идеалов нравственной элиты или даже всем приблизиться в этом отношении к ее представителям.

Среди характеристик нравственной элиты важно выделять и отдельно представлять, во-первых, функционально-целевую *рациональность*, которая была отмечена выше и которая выражается, прежде всего, в деятельности, приносящей пользу какой-либо социальной группе и обществу в целом (например, в общественно-полезной активности, бескорыстной помощи другим людям, благотворительности, альтруистическом поведении, жертвенности и т.д.), а во-вторых, некоторую *идеальность (идеалистичность)* представителей нравственной элиты, которая влечет за собой трудности в достижении их жизненных принципов, ценностей, образа жизни в целом, но одновременно и оказывает магнетическое воздействие, пробуждающее намерения и стремления большого числа людей достигнуть такого состояния или качества, которого не всякому человеку возможно достичь. Функциональная рациональность нравственной элиты может *целенаправленно* формироваться в обществе различными способами, причем многочисленными, в том числе и с помощью ее культивирования государством, властными структурами, административно-управленческими органами и т.д. Устремленность к идеалу как свойство нравственной элиты, по нашему мнению, формируется чаще всего *стихийно*, через конкретные и, как на деле оказывается, трудоемкие и далеко не всегда заканчивающиеся желаемым результатом попытки достижения целевого образа жизни или хотя бы отдельных его составляющих.

Третья особенность нравственной элиты состоит в том, что ее представители реально встречаются в любой сфере жизнедеятель-

ности общества — науке и образовании, политике и экономике, спорте и управлении, искусстве и культуре и т.д., — так как во всех них присутствуют и *человеческие отношения*, и *социальные группы*, в которых наиболее ярко может проявляться нравственная элита. В этом смысле она характеризуется тесно связанными между собой свойствами: с одной стороны, *универсальностью* своего проявления, а с другой — *интегрированностью* с другими видами элит. Поэтому в одном человеке могут одновременно сочетаться характеристики (или признаки) разных элит, по меньшей мере, любого вида элиты в сочетании с нравственной, например: научной и нравственной, художественной и нравственной, спортивной и нравственной и т.п. Именно в этом состоит *особый* (и универсальный, и интегрирующий) характер нравственной элиты, который во многом и позволяет объяснить причины хотя бы частичного «пересечения» нравственной элиты и таких ее видов, как интеллектуальная, научная, творческая, и особенно духовная и культурная.

Какой бы, однако, ни была специфика влияния нравственной элиты на социальное окружение, его реальная степень или интенсивность определяется огромным *множеством разнообразных факторов*, выявление и конкретное изучение которых представляет собой важную теоретическую и эмпирическую задачу социально-психологического исследования. В контексте данной работы необходимо кратко отметить несколько таких факторов. *Во-первых*, в любом конкретном сообществе принципиально важна *доля* людей, реально способных сохранять, воспроизводить и, тем более, изменять в позитивном направлении нравственную атмосферу жизни этого сообщества. Конечно, таких людей может быть и не так много, но их должно быть достаточно, чтобы положительно влиять на общую нравственную атмосферу в сообществе. Повышение доли таких людей в любом сообществе нужно рассматривать в качестве специальной научно-практической задачи, о решении которой пойдет речь в заключительной части данной статьи. *Во-вторых*, необходимо понимать, что, несмотря на существенную значимость количественных показателей, определяющую роль чаще всего будет играть *качественное содержание* сохраняемых или транслируемых нравственных принципов, ценностей, идеалов и т.д. К анализу перечисленных нравственных регуляторов (принципов, ценностей, идеалов, норм, правил и т.п.) необходимо подходить дифференцированно, например учитывать степень

строгости следования им, возможности приобщения к ним других людей и т. д. *В-третьих*, представители нравственной элиты своей жизнедеятельностью фактически создают вокруг себя *пространство* нравственно-психологических отношений, границы которого сложно не только прогнозировать, но и точно описывать и определять, тем более что такое пространство является не физической, а социально-психологической реальностью.

Стараясь выделить наиболее яркие особенности *Я-концепции* представителей нравственной элиты, при всей их разнородности можно отметить следующее: их главные ориентиры вынесены в сознании за пределы (или границы) пространства сиюминутных человеческих отношений или проблем, будь то проблемы отдельного человека, какой-то конкретной группы, общества или человечества в целом. Фактически речь должна идти об известном феномене *трансценденции субъекта*, его выхода за границы только человеческого существования.

В трансцендентности нравственной элиты наиболее ярко проявляется ее *гуманизм*, хотя он, безусловно, качественно отличается от традиционного гуманизма. Дело заключается в следующем: чтобы эффективно решать многие важные и сложные жизненные проблемы, человеку необходимо и полезно выходить за пределы пространства непосредственного и привычного его существования, туда, где на самом деле могут находиться решения человеческих проблем. Следовательно, важнейшая функция социального конструирования трансцендентного субъекта принадлежит именно нравственной элите.

В связи с анализом реального положения нравственной элиты в современном обществе целесообразно поставить вопрос об отношении к ее представителям со стороны других людей — ее современников. Можно утверждать, что в *отношении к нравственной элите* может проявляться вся *психологическая шкала* — от оценки ее как идеала, превознесения и обожания ее представителей до агрессивного и враждебного отношения к ним, не говоря уже о возможной недоброжелательности и критических суждениях. В социально-психологическом смысле не совсем понятно и то, что в некоторых сообществах, конкретных группах высоконравственные люди вызывают насмешливое отношение, разного рода мелкие издевки и т. п., выражающиеся на уровне обыденного сознания, прежде всего, в таких высказываниях, как: «тоже мне нравствен-

ный нашелся», «смотри, а то скоро крылья на спине вырастут», «все “простите” да “пожалуйста” — противно слышать» и т.п. (приводится из протоколов эмпирических исследований). Вопрос об отношении к представителям нравственной элиты, по большому счету, еще ожидает своего специального и подробного исследования.

Остановимся теперь на рассмотрении *проблемы формирования нравственной элиты*. Если все-таки допустить, что термином «нравственная элита» можно обозначать особые категории высоконравственных людей в социальных группах или современном обществе, то закономерным и принципиально важным становится вопрос о необходимости *формирования* (или *культивирования*) нравственной элиты, как и всякого другого ее вида (политической, управленческой, научной, художественной, спортивной и т.д.). В необходимости и возможности этого не только уже никто не сомневается, но и во многих современных обществах, в том числе российском, существенно продвинулись в целенаправленной подготовке самых разных упоминавшихся выше элит.

Научно-практическая задача формирования нравственной элиты одновременно включает как минимум две относительно самостоятельные ее составляющие. С одной стороны, принципиально важно сформировать *высоконравственного человека*, отвечающего соответствующим нравственным требованиям и обладающего признаками (или хотя бы некоторыми из них), характерными для представителей нравственной элиты. Это само по себе чрезвычайно важно и сложно! С другой стороны, этим невозможно ограничиваться, и недостаточно вырастить высоконравственного человека, если говорить о формировании нравственной элиты, так как она становится таковой лишь тогда, когда ее представители оказывают *существенное влияние на сообщества людей*, в которые они включены или для которых они представляют собой авторитеты в сфере нравственных отношений и поведения. То есть критерию влияния (или влияния), действенности (или воздействия) по отношению к сообществам людей формируемая нравственная элита тоже должна отвечать.

В обсуждении психологической проблемы формирования нравственной элиты нельзя обойти вопрос о возможности разработки и исследования специальных *психотехнологий* как средств регуляции своего социального поведения, имея в виду и нравственное поведение, а также нравственные компоненты других его видов.

В настоящее время в психологии активно формируется научно-практическое направление по созданию, в частности, тренинговых технологий работы с людьми, направленных на актуализацию положительных качеств человека, в том числе духовно-нравственных [5], позитивное изменение которых, безусловно, представляет собой практическую психологическую задачу высочайшей степени сложности. В этой связи интересно привести мнение О. Ю. Голубевой — одного из разработчиков таких психотехнологий: «Технология, направленная на позитивное изменение духовности, вскрывает психологические механизмы этапно-уровневого строения специально организованной деятельности психолога-экспериментатора, основными задачами которого являются стимулирование развития позитивных морально-нравственных качеств личности, духовных ценностей, гуманного отношения личности к своей профессии» [11]. По-видимому, данное научно-практическое направление по мере своего развития и укрепления вполне сможет стать полезным в решении поставленной выше проблемы.

В связи с формированием нравственной элиты возникает интересный вопрос о том, возможны ли в принципе *специализированные формы подготовки* (или воспитания) высоконравственных людей, или такое формирование всегда включено в другие, самые разные формы обучения и воспитания, а также в процесс общей социализации, прежде всего, молодых людей. Помочь ответить на этот непростой вопрос, по нашему мнению, может анализ опыта подготовки к служению другим людям, и обществу, и государству, накопившегося в истории нашей страны. Здесь можно привести лишь отдельные известные исторические примеры эффективной подготовки высоконравственных людей в России: воздействие старчества как духовного явления русского православия, воспитание российского дворянства, система подготовки российского офицерства, подготовка священнослужителей, воспитание в институтах благородных девиц и т. д. Именно *служение* Богу и Родине, стране и народу, государству и отечеству, обществу и человечеству составляло *главную цель* вышеперечисленных систем подготовки (обучения и воспитания) в российской истории, что вселяет надежду на нахождение и разработку подобных, но современных ее форм. В контексте данной работы особенно важно признать, что аналогичная система, по сути, возможна и сегодня, не забывая при этом, что *высоконравственный жизненный путь есть результат*

осознанного выбора, жизненного и нравственного самоопределения человека. Поэтому принципиально важно и необходимо говорить о создании окружающих условий, социально-психологических пространств и социальных сред, способствующих формированию будущих представителей нравственной элиты.

* * *

Таким образом, в российском обществе существовали всегда и существуют в настоящее время категории людей, которые целесообразно обозначить термином «нравственная элита» и которые выполняют важнейшие полезные функции в жизнедеятельности современного общества. Кроме того, имеется острая потребность больших масс людей видеть ее представителей на ключевых позициях во всех сферах общественной жизни. Планирование будущего развития России, по нашему мнению, должно обязательно предусматривать проект развития и целенаправленного формирования нравственной элиты российского общества, обеспечивающей высочайшую не только нравственную, но и психологическую культуру бытия как отдельного человека, так и его многочисленных общностей.

Все поставленные и частично рассмотренные в этой работе вопросы практически остаются нерешенными, что определяет необходимость продолжения специальных исследований. Их актуальность не вызывает никаких сомнений, а результаты будут востребованы не только разными отраслями психологии, но и различными смежными науками, прежде всего этикой. Что же касается решения практических задач, связанных с формированием нравственного сознания, подготовкой высоконравственных молодежных лидеров, воспитанием разных видов элит в современном обществе, то оно может приобретать многообразное содержание и формы, если учитывать закономерности становления, функционирования и развития нравственной элиты в конкретных сообществах. Однако все это остается пока делом будущих социально-психологических исследований.

Литература

1. Асеев В. Г. Мотивационная регуляция нравственного поведения личности // Социально-психологические и нравственные аспекты изучения личности. М., 1988. С. 36–42.

2. *Братусь Б. С.* К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 6–13.
3. *Брушлинский А. В., Темнова Л. В.* Интеллектуальный потенциал личности и решение нравственных задач // Психология личности в условиях социальных изменений. М., 1993. С. 45–56.
4. *Воловикова М. И.* Представления русских о нравственном идеале. 2-е изд. М., 2005.
5. *Голубева О. Ю.* Развитие духовных характеристик личности в условиях специально организованной деятельности: автореф. дис ... канд. психол. наук. Казань, 2005.
6. *Горбачёва Е. И., Купрейченко А. Б.* Отношение личности к деньгам: нравственные противоречия в оценках и ассоциациях // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 4. С. 26–37.
7. *Дикевич Л. Л.* Обыденные представления о порядочном человеке: дис... канд. психол. наук. М., 1999.
8. *Журавлёв А. Л., Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М., 2003.
9. *Купрейченко А. Б.* Проблемы нравственно-психологической регуляции экономической активности // Проблемы экономической психологии: в 2 т. М., 2005. С. 17–65.
10. *Лисовский В. Т.* Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России и Санкт-Петербурга. СПб., 2000.
11. *Попов Л. М., Голубева О. Ю., Устин П. Н.* Добро и зло в этической психологии личности. М., 2008.
12. Психологический универсум образования человека ноэтического / под ред. В. И. Кабрина. Томск, 1999.
13. Современная российская элита / под общ. ред. О. В. Красновой, Б. В. Кайгородова. М., 2008.
14. Социально-психологические проблемы нравственного воспитания личности / под ред. В. Е. Семёнова. Л., 1984.
15. *Хвостов А. А.* Структура и детерминанты морального сознания личности: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2005.
16. Ценностно-нравственные проблемы российского общества: самореализация, воспитание, СМИ. (Человек и общество, вып. XXXII) / под ред. В. Е. Семёнова. СПб., 2007.
17. *Чернышёв А. С., Лунёв Ю. А., Лобков Ю. Л., Сарычев С. В.* Программа проектирования развивающей социальной среды (социального оазиса) и подготовки молодежных лидеров. Курск, 2006.
18. *Чудновский В. Э.* Нравственная устойчивость личности: Психологическое исследование. М., 1981.

Р. А. Зобов, В. Н. Келасьев

СОЦИАЛЬНАЯ КВАЗИКМПЕТЕНТНОСТЬ В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Для описания современного общества требуется введение новых категорий, ибо имеющийся категориальный аппарат предназначен для описания традиционного и индустриального (капиталистического) общества. В современном категориальном аппарате важное место занимают такие понятия, как «социальная компетентность», «социальное здоровье», «социальная рефлексия» и другие. Представляется, что формированию адекватной картины современного общества будут способствовать понятия компетентности и квазикомпетентности (от лат. *quasi* — якобы, мнимый).

Не случайно анализу категории социальной компетентности посвящено большое число работ [2; 3; 5]. Однако они ориентированы либо на отдельные социальные структуры, либо на человека. Общество же как целое не было проанализировано с позиций социальной компетентности. Тем более не выявлена роль квазикомпетентности применительно к структуре российского общества, где она играет весьма значительную роль (к сожалению, негативную) в самоорганизационных процессах.

Целью настоящей работы является теоретико-методологический анализ роли квазикомпетентности в структуре российского социума на разных этапах его развития. Российское общество, как известно, всегда развивалось по принципу маятника: из одной крайности в другую. Долгое время капиталистическое (индустриальное) общество отвергалось, а сейчас прилагаются все усилия для его совершенствования. Религия после революции 1917 года считалась заблуждением, а в настоящее время она становится важным фактором жизни общества.

Такая ситуация определяется ментальностью большинства населения и отсутствием социально компетентных лидеров. В России

население обладает евразийской ментальностью. Здесь ментальность, с одной стороны, расширяет горизонты человеческого сознания, а с другой — способствует быстрому переключению с одних позиций на другие, зачастую противоположные [7]. Но так как большинство людей являются квазикомпетентными, они не в состоянии принимать те или иные решения или отстаивать их справедливость. Поэтому, когда появляется лидер, то часть населения станет его поддерживать, и если этот лидер является прогрессивным, то такая поддержка будет способствовать быстрому развитию общества. Если же лидер не является социально компетентным, то его поддержка обычно приводит к серьезным деструктивным изменениям в обществе. В истории России мы постоянно наблюдаем смену лидеров, зачастую противоположных ориентаций. Поэтому развитие приобретает непрогнозируемый, скачкообразный характер.

В современном динамичном обществе такая ситуация становится опасной, ибо смена ориентаций лидеров и правящих групп во все большей мере будет способствовать усилению хаоса, с которым мы сталкиваемся в настоящее время. В этих условиях представляет опасность отказ от традиций, таких как культурные, политические и прочие, которые хоть как-то ориентировали бы людей в плане стабильной поддержки того или иного лидера. Отсутствие лидера еще больше ухудшает ситуацию, ибо в этом случае хаос значительно усиливается.

В общем виде социальная компетентность понимается как способность принимать эффективные решения, благоприятствующие прогрессивному развитию социальной системы. Она может быть ориентирована как на конкретные социальные группы или социум в целом, так и на отдельного человека. Какая из таких ориентаций является доминирующей, определяется характером общества и уровнем его развития. Например, в античной Греции наиболее востребованными были социально компетентные люди, способствующие формированию многосторонней личности, а в России петровских времен — те, знания которых обеспечивали прогрессивное развитие государственных структур, тогда как в наше время наиболее востребованными оказываются индивиды, способные принимать эффективные меры для совершенствования и процветания элитарных структур типа политических партий, олигархов и т. д.

Что касается современной России, то здесь имеется большое число образованных людей, в том числе и с высшим образованием, но с низким уровнем эффективности деятельности в различных сферах. Отсюда упомянутый дефицит лидеров в различных областях (политике, экономике, культуре и др.). Всех волнует проблема, почему в нашей стране так много образованных людей, а общество находится на довольно низком уровне развития.

Ответ отчасти можно видеть и в том, что эти люди часто ориентированы на ложные ценности (стяжательство, потребительство и пр.). Свои знания они нередко используют в ущерб интересам общества как целого в виде корпоративизма, продвижения элитарных групп и кланов на высшие государственные должности. Более того, полученные знания часто применяются в антигосударственных объединениях типа криминальных групп, асоциальных организаций, тоталитарных сект и пр.

В наше время возник особый дефицит лидеров в сфере крупных ведомств, министерств, различных органов управления. Замена таких социально компетентных лидеров людьми, ориентированными на личное благополучие, материальные ценности, накопительство, т.е. приобщенными только к отдельным компонентам культуры, порождало в течение длительного времени выраженные деструктивные тенденции.

Важным компонентом социальной компетентности является способность к адекватной социальной рефлексии, прогнозированию принимаемых социальных и политических решений, что предполагает готовность человека учитывать требования, предъявляемые социальными структурами и обществом в целом, его открытость к взаимодействию с социальными структурами и другими людьми и т.д. Здесь возникают широкие возможности для реализации плодотворного диалога населения с представителями власти. Если же разобщенность власти и большинства населения достигает высокого уровня и некомпетентность власти накладывается на некомпетентность отдельных людей и социальных групп, то формируются мощные протестные движения, порой угрожающие самому существованию социума. В этом случае политический экстремизм выражает неспособность малокомпетентной власти предотвратить деградацию общества. Некомпетентность же людей и социальных групп в этом контексте проявляется в их неспособности найти формы диалога с властью, а тем самым адекватно

учесть как интересы государства, так и свои собственные интересы, в том числе и долговременные.

Компетентность связывают преимущественно со знанием, не смотря на то что она включает ряд других компонентов. Тем не менее многие считают, что если человек приобрел достаточный объем знаний в той или иной области, то он уже является компетентным и ему можно поручать решение жизненно важных проблем. Но число людей, обладающих обширными познаниями в той или иной области и одновременно способных эффективно использовать их весьма незначительно, и, к сожалению, их становится все меньше. В современном мире увеличивается количество образованных людей со слабо выраженной социальной компетентностью, и их деятельность часто приводит к негативным последствиям. В литературе, посвященной информационному (постиндустриальному) обществу, уже отмечается, что сама по себе приобщенность к информации зачастую не способствует эффективному решению ряда важных социальных проблем [10].

Как известно, в наиболее продвинутых науках уже начинают осознавать, что излишняя информация может даже сыграть негативную роль, ибо она затрудняет использование знаний для решения конкретных проблем. Например, в естественных науках все большее распространение получает тезис, что, скажем, «будущее физики принадлежит гениальному дилетанту», т.е. человеку со сравнительно небольшим запасом знаний, но который может творчески использовать их для решения важных социальных проблем. И не удивительно, что выдающиеся ученые (В.Гейзенберг, А.Эйнштейн, Н.Бор и др.) постоянно подчеркивали этот феномен, призывая к гармоничному сочетанию науки, философии и религии [5].

История свидетельствует, что отдельные компоненты социальной компетентности обогащают друг друга и создают условия для выхода лидера на новый уровень. Наиболее выдающиеся политические деятели, начиная с Александра Македонского и Юлия Цезаря и кончая такими фигурами, как Наполеон, О.Бисмарк, У.Черчилль и многие другие, были людьми именно такого типа. Они обладали не слишком большими познаниями в сфере социальных процессов, но ярко выраженной инициативностью и творческим подходом к решению кардинальных жизненно важных проблем.

В условиях нынешнего глобального экономического кризиса наиболее востребованными оказываются именно такого рода лю-

ди. Неудачи же в преодолении кризиса во многом объясняются тем, что новые проблемы пытаются решать традиционными методами, используя уже сложившиеся знания и технологии.

В современном обществе социальная компетентность власти должна быть направлена прежде всего на создание благоприятных условий для самореализации человека, удовлетворения его потребностей. Уровень социальной компетентности власти может оцениваться именно с позиций достигнутого уровня выраженности условий для самореализации человека. Можно считать, что на высоком уровне социальной компетентности находится то общество, в котором созданы условия как для самореализации человека, так и для приобщения его к полноценной духовной культуре.

На самореализацию влияет информатизация и глобализация общества, приводящая в наши дни к тому, что на передний план выдвигается «человек информационный», у которого, тем не менее, понижается уровень приобщения к полноценной духовной культуре. Востребованной современным обществом оказывается, к сожалению, только рациональная составляющая человека. В этих условиях социальная компетентность заменяется компетенцией информационной, что фактически означает возврат к одномерному у человеку, правда — на новом уровне.

Информатизация общества несет с собой и другую опасность, связанную прежде всего с тем, что она облегчает процесс манипулирования сознанием значительных масс людей (при условии, что уровень их социальной компетентности не слишком высок). Для властных структур и других социальных субъектов (производителей определенных товаров, социальных услуг и т. д.) возникает искушение создавать различные препятствия формированию высокого уровня социальной компетентности. Уже сейчас многие фирмы и предприятия стремятся скрыть информацию о подлинном качестве продукции, размерах получаемой прибыли, истинных мотивах повышения цен на производимую продукцию и т. д., причем для этого широко используются средства массовой информации, привлекаются высококвалифицированные профессионалы, специалисты по связям с общественностью. В результате удастся добиваться социальной некомпетентности значительной части населения. В общем нельзя не видеть, что эта тенденция нарастает по мере развития информатизации общества. Ее предстоит еще четко осознать и наметить пути противодействия ей, что представляет

собой одну из важных задач формирующегося гражданского общества.

Социальная компетентность может проявляться на разных уровнях — от социума до отдельного человека. Индивидуальная социальная компетентность проходит ряд фаз в ходе человеческой жизни. Для каждого возрастного периода могут быть предложены свои технологии формирования такой компетентности. Но на всех фазах развития человека она предполагает адекватное понимание человеком самого себя, учет своих сильных и слабых сторон, знание социальной среды и способов включения и исключения из нее, способность просчитывать последствия своих жизненных выборов и пр.

Среди индикаторов социальной компетентности применительно к человеку можно назвать такие как скорость и темп его адаптации к разнообразным ситуациям, адекватность социальной рефлексии, умение изменить позицию, инициативность, способность по-иному посмотреть на ситуацию, учесть собственные ошибки и оценить инновации, а также адекватно представлять перспективы развития самого себя, своей ближайшей социальной группы и т. д.

Как уже говорилось, в современном мире люди обладают высокой информационной компетентностью, но подавляющее их большинство оказывается неспособным использовать ее для эффективного решения конкретных проблем. Но если в социуме появляется компетентный лидер, т. е. человек, способный заинтересовать многих, инициативный, творческий, целенаправленный, с ориентацией на прогрессивное развитие общества, то его взгляды в итоге мотивируют многих на действия, ведущие к совершенствованию общества. Эта ситуация часто наблюдается в обществе на восходящей линии его развития. Естественно, общество весьма заинтересовано в поиске таких лидеров.

Опасность состоит в том, что социальная компетентность может принимать характер псевдокомпетентности, что осознается далеко не сразу. Популярный лидер, добившись привлекательности за счет своих личных качеств, настойчивости, активности, но не приобщенный к культуре как к целому и ориентированный только на один ее компонент (связанный, например, с властью, религией, наукой и пр.), становится односторонним и тем самым псевдокомпетентным. Если он приобретет большое число сторонников, то их совместными действиями в обществе будут порождаться де-

структивные тенденции. Положение здесь осложняется тем, что влиятельные элитарные группы часто поддерживают таких малокомпетентных социальных лидеров, особенно если они приносят членам этих групп материальные выгоды, удовлетворяют их политическим амбициям и т. п. Подобная ситуация закономерно ведет к деградации социума и отдельных его структур.

А что происходит в России в настоящее время? Какие идеи генерируют лидеры, и как к ним относится население? Трудно дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Во всяком случае ясно, что нынешние российские лидеры только пытаются пройти проверку на социальную компетентность. Вряд ли можно определить, в какой мере их идеи разделяются большинством населения, насколько достигнуто единство власти и подавляющего числа россиян. Без такого единства трудно представить себе формирование подлинной компетентности современного общества как на уровне отдельных людей, так и различных социальных структур.

Сейчас лидеры многочисленных политических партий в России также придерживаются односторонних ориентаций, зачастую исключая друг друга. В этих условиях особую актуальность приобретают проблемы синтеза позиций различных лидеров, выработки комплексного подхода к решению проблем страны. Хотелось бы надеяться, что демократизация общественной жизни современной России уменьшит вероятность выхода на авансцену таких односторонних лидеров.

Среди факторов, способствующих формированию псевдокомпетентности в современных условиях, можно назвать следующие:

- приобщенность российских лидеров, политиков и большинства населения преимущественно к отдельным компонентам культуры;
- бюрократизацию общественной жизни;
- нестабильность, неустойчивость социальной среды;
- отсутствие социального запроса на инициативную творческую личность;
- отсутствие масштабных социальных проектов, способствующих сплочению нации;
- закрытость информации о принятии решений по наиболее острым социальным проблемам;
- разрыв между элитарными группами и основной массой населения.

Сегодня особое значение приобретает приобщение к полноценной духовной культуре, без которой невозможно многостороннее видение ситуации, обоснование прогнозов развития общества и т.д. Если такой приобщенности нет, то компетентность будет одномерной, ограниченной только одним ракурсом рассмотрения общества и человека. При этом важно иметь в виду, что культура включает в себя как рациональные, так и иррациональные компоненты, что значительно расширяет горизонт человеческого сознания. Именно синтез рациональных и иррациональных компонентов позволяет видеть многое из того, что недоступно человеку, приобщенному только к одному рациональному (скажем, науке) или иррациональному (религия, искусство и пр.) компоненту. В силу сказанного понятно, что уровень социальной компетентности человека, приобщенного к полноценной духовной культуре, будет качественно иным по сравнению с человеком, приобщенным только к отдельному компоненту культуры. И вызывает лишь сожаление, что такая приобщенность к полноценной культуре не стимулируется пока российским государством.

Важность этого обстоятельства уже осознавалось в прошлом. Так, например, в Средние века именно в рамках университетов, где одновременно присутствовали такие альтернативные компоненты культуры, как теология и наука, формировались люди с широким горизонтом сознания. По уровню своей социальной компетентности они были несравненно выше всех других людей того времени, связанных только с религией или только с наукой.

В современном обществе на фоне бурного развития науки и техники происходит интенсивное освоение людьми преимущественно только рациональных компонентов культуры, что неизбежно приводит к их односторонности. Очевидно, что в этих условиях глубинная самореализация отступает на задний план. В такой ситуации открываются широкие возможности для манипулирования человеческим сознанием.

Кроме того, человек, приобщенный только к рациональным компонентам культуры, теряет свою индивидуальность, уникальность, неповторимость. Для него уже безразлично, в какой социальной структуре он функционирует и какие функции выполняет. Естественно, он не получает удовлетворения от своей деятельности, как бы высоко не оплачивалась его работа [11]. Понятно, что ближайшее, а тем более отдаленное, будущее уже не является для

него привлекательным. Результаты его труда используются другими людьми, зачастую для удовлетворения своих мегапотребностей. С такой ситуацией человечество впервые столкнулось в условиях рабовладельческого общества, где свободные люди формировались как многосторонние личности, которые могли удовлетворять свои потребности в самореализации, приобщении к культуре и пр. за счет труда рабов. И не удивительно, что самореализация таких людей была на достаточно высоком уровне. Не с новой ли формой информационного рабства мы сталкиваемся в настоящее время?

Социальная компетентность оказывается тесно связанной с самореализацией человека. Между тем на пути самореализации в постперестроечный период были созданы весьма значительные препятствия. Дело в том, что в России в это время сложились весьма непродуманные, непродуктивные формы взаимодействия человека с государством, поскольку примерно треть взрослого населения — те, кто работал в бюджетных организациях, — была унижена малым размером заработной платы. Россиянин, часто обладающий высокой профессиональной компетентностью, может и хочет продуктивно трудиться, получая при этом адекватное его труду материальное вознаграждение. Но сталкиваясь с отношением к себе со стороны государства, с унижающим его достоинство уровнем оплаты труда, он внутренне протестует. Протест этот выражается в разных формах. Одни профессионалы уезжают за границу (проблема «утечки умов» и ее последствия хорошо известны), другие выходят на улицы (забастовки учителей, научных работников, работников культуры стали уже привычной реальностью российской действительности), третьи не находят в себе сил для активного протеста, замыкаются в себе, спиваются. Все это — реакции на заблокированную самореализацию. Можно утверждать, что низкий уровень духовности, нравственности россиян в заметной степени определяется постоянно испытываемыми ими ощущением неуважения к себе, к своему профессиональному труду со стороны государства и чиновников, отсутствием социального запроса. Все это понижает социальную компетентность людей и ее важнейшую составляющую — мотивацию к труду.

В итоге в течение многих лет наблюдалась личностная и профессиональная стагнация больших групп населения, формировалось чувство неудовлетворенности жизнью. Потери от этого пока еще никем не подсчитаны, хотя они и огромны. Политика эконо-

мии на оплате труда «бюджетников» представляется непродуманной и непродуктивной. Она выступает следствием плоского экономоцентристского технократического подхода к использованию потенциала производительных сил общества.

Дефицит культуры можно видеть и в том, что российский бизнес не принимает на себя социальной ответственности. Зачастую бизнесмены даже не понимают, что это значит. Не развита благотворительность, а только усиливается ориентация на накопление материальных благ. Индивидуализм явно доминирует над интересами общества как целого. Недостаточный уровень культуры населения обнаруживается и в распространении среди взрослых вредных привычек — пьянства, табакокурения, наркомании, склонности к азартным играм. Жертвами таких привычек уже стали миллионы россиян.

Специфическое проявление российской ментальности — пренебрежение к собственному здоровью. Относительно немногие придерживаются здорового образа жизни, делают физические упражнения по утрам, рационально питаются. Многие взрослые россияне считают, что их здоровье — предмет заботы врачей. В результате среднестатистический российский мужчина в 1990-е годы не доживал даже до пенсионного возраста. Это яркий пример недостаточного уровня социальной компетентности в отношении к самому себе.

Становление социальной компетентности в современных условиях требует от человека творческого подхода, интеллектуальной изобретательности, инициативы. Ведь творчество значительно расширяет горизонт сознания. Оно всегда означает выход за рамки традиционных представлений, позволяет видеть объект под иным углом зрения. При этом выявляются новые моменты, которые раньше были недоступны человеку. Далее уже и другие люди, которые становятся на позицию творческого человека, способны видеть такие новые моменты и тем самым повышают уровень своей социальной компетентности. Например, картины Веласкеса позволили увидеть в шутах полноценных людей, произведения Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и др. создали психологически глубокие образы русского крестьянина. Выдающиеся русские философы и политические деятели неожиданно зафиксировали факт исключительной привязанности грузинской аристократии ко всякого рода титулам (княжеским и пр.), что позволило России сформировать основы

политики, которая в свое время привела к эффективным решениям ряда политических проблем.

Однако в общественном сознании часто путают понятия творчества и креативности. Креативность есть понятие психологическое и означает способность создавать нечто новое. Но это новое может как способствовать совершенствованию человека и социума, так и представлять для них угрозу. Творчество же обычно связывают с этическими установками, которые ведут к совершенствованию социума и человека. К сожалению, в современном российском обществе много людей креативных, но мало творцов, способных предлагать решения сложных социальных проблем.

Творчество как важный компонент социальной компетентности приобретает особую актуальность в современном обществе, где быстро растет поток инноваций, от которых зависит само его выживание, но среди этих новаций много таких, которые представляют угрозу человеку и социуму. Поэтому необходимо дифференцировать креативность и творчество, ибо в традиционном обществе акцент делался на негативных аспектах, которые могут нести инновации, и поэтому отношение к ним было отрицательным.

Разумеется, люди с ограниченной социальной компетентностью оказываются востребованными в различных сферах жизнедеятельности социума для решения ряда проблем в науке, технике, политике и пр. Действительно, хорошо решая конкретные научные, технические и прочие проблемы, они не задумываются о результатах своих действий, пытаются реализовать различные утопии. Но уже Н. А. Бердяев справедливо отмечал, что современная наука и техника опасны потому, что позволяют осуществлять различные утопии [4]. В результате растет число глобальных катастроф (типа Чернобыльской). В этом контексте социальная компетентность может выражаться в ориентации деятельности на этические нормы. Здесь нацеленность на гармоничное сочетание науки и религии является показателем высокого уровня социальной компетентности.

Однако система образования как в нашей стране, так и за рубежом ориентирует людей на решение чисто научных и технических проблем и игнорирует проблему социальной компетентности.

Из сказанного понятно, почему социальная компетентность приобретает особую остроту, на что, собственно, указывал и У. Бек [1]. Здесь первостепенное значение приобретает способность че-

ловека быстро принимать компетентные решения, направленные прежде всего на устранение или нейтрализацию тех процессов, которые представляют наибольшую опасность для человека и общества в данный момент времени или в ближайшем будущем. К сожалению, количество подобных процессов в современном обществе быстро возрастает. Среди них можно указать на такие как ухудшение экологической ситуации, демографическую проблему, угрозу тоталитаризма, рост суицидов, алкоголизм, наркоманию и многие другие. В этих условиях важно не просто знание той или иной ситуации, а способность концентрировать внимание на механизмах ее преодоления или нейтрализации.

В ходе приобщения к полноценной духовной культуре открываются новые возможности видения конкретной социальной ситуации. Ее более или менее адекватная картина формируется по мере синтеза рациональных и иррациональных (образно-эмоциональных, интуитивных и пр.) компонентов. Здесь социальная компетентность тесно связывается с проблемой толерантности.

Применительно к обществу возникает проблема формирования социально компетентного национального лидера, в прямые функции которого входит выработка новых нестандартных решений, что непосредственно связано с уровнем его приобщения к полноценной духовной культуре как целостному образованию. Формирование такого лидера — важная, но труднореализуемая задача. Если в рамках традиционного общества такой лидер готовился за счет длительного процесса воспитания, усвоения традиций, глубокого изучения истории, культуры, использования оправдавших себя стереотипов управления и т. д., то в настоящее время в качестве него часто выступает человек, компетентный только в узких рамках определенной профессиональной деятельности, не обладающий необходимой широтой мышления. Понятно, что такой лидер является односторонним, ограниченным точкой зрения конкретной социальной группы, некомпетентным за ее пределами. Приобщение к культуре как целому позволяет лучше построить систему управления обществом, более адекватно понимать представителей других культур, искать нетрадиционные решения возникающих перед обществом новых проблем. Все это способствует гармоничному развитию общества, человека, благоприятствует достижению согласия различных социальных групп и продуктивному взаимодействию социальных систем. Если во главе различных стран стоят

такие лидеры, то это оказывается фактором позитивного развития взаимоотношений Востока и Запада.

Отсутствие приобщенности к полноценной духовной культуре как целому приводит к формированию социальной псевдокомпетентности. Действительно, если лидер, исходя из интересов своих сторонников, предлагает определенные действия, которые осуществляются с целью развития отдельных компонентов культуры (науки, религии и пр.), то они часто оказываются деструктивными, ибо нарушают целостность культуры, что затем негативно сказывается и на развитии общества. Например, если лидер ограничивается только религией и его сторонники разделяют его взгляды и установки, то в результате формируется религиозно-политическая система, которая ограничивает развитие других компонентов (науки, искусства и пр.), как это видно на примере традиционного общества Средневековья и некоторых современных государств. Другим примером одностороннего подхода служит позиция поборников вестернизации России, призывающих к ориентации на западные образцы. Но западная ментальность заиклена на рационалистических представлениях, и в ее рамках (в контексте западной культуры) в индустриальном обществе востребованным является средний «одномерный человек» с явно выраженной псевдокомпетентностью.

Однако в настоящее время становится все более очевидным, что будущее России во многом определяется высотой уровня компетентности современных лидеров, который, к сожалению, остается пока невысоким. Это должны быть люди, с одной стороны, способные добиваться реализации программ, благоприятствующих прогрессивному развитию общества, а с другой — умеющие привлечь к решению этих проблем большое количество сограждан, увлечь их своими идеями, сплотить нацию. Лидеры должны обладать также высокой коммуникабельностью, активностью и настойчивостью в реализации своих программ. Все эти свойства формируются в процессе приобщения к полноценной духовной культуре как целостному образованию. Российская история дает хорошую иллюстрацию того, как отсутствие таких лидеров в сфере крупных ведомств, министерств приводило к росту деструктивных тенденций в областях жизнедеятельности, находящихся под их руководством.

Как уже говорилось, люди с односторонней компетентностью могут, конечно, способствовать развитию социума. И без таких

людей не обойтись. Однако ситуация в обществе меняется, и в новых условиях ранее позитивные действия часто приобретают негативный характер. Например, непосредственно после революции 1917 года в России действия, направленные на построение коммунистического общества, были полезны для развития страны (преодоление неграмотности, бесплатное образование, поощрение труда и социальной активности населения и т. п.). Однако по прошествии некоторого времени они начали приобретать разрушительный характер (массовые репрессии, борьба с религией и пр.).

Поэтому в быстро меняющемся современном постиндустриальном обществе все большим становится значение динамизма социальной компетентности, способности быстро переключаться на решение иных проблем и на иные социальные группы, поддерживающие такие действия. В этом контексте особую ценность приобретают люди с пластичным мышлением. Важную роль здесь играет молодежь, у которой еще не сформировались жесткие социальные стереотипы и идеологические конструкции и которая может легко переключаться с одних форм деятельности на другие. Такая пластичность мышления особенно четко проявляется в детском возрасте. Мы должны констатировать, что эта черта является важнейшей характеристикой социальной компетентности в современном обществе. Пластичность мышления должна формироваться системой образования и воспитания. Однако она не справляется с этой функцией, о чем свидетельствует все возрастающая критика в адрес российского образования.

В условиях традиционного общества ситуация была совершенно иной. Там было вполне допустимо сохранение в неизменном виде жестких структур, передававшихся от поколения к поколению на протяжении многих веков. Социальная компетентность сводилась к усвоению таких структур, и человек, хорошо их знавший и предлагавший определенные рекомендации для их стабилизации, считался высококомпетентным, ибо реализация таких рекомендаций способствовала сохранению традиций, упрочению социальных структур и пр.

В этих условиях человек оказывался включенным в ту или иную социальную структуру уже самым актом своего рождения, и его статус закреплялся требованиями ритуала, религии и т. п. Такая привязка к конкретным социальным структурам затем фиксировалась правовыми нормами. Тем самым на протяжении всей жиз-

ни человека ему гарантировалось достижение определенного уровня социальной компетентности в рамках конкретной социальной структуры (хозяйственной деятельности, цеха, ремесленного производства и пр.). Сохранение традиций выступало как некая аксиома, поддерживаемая высшим авторитетом (например, Богом). Основная масса псевдокомпетентных людей всегда поддерживала такие установки. Все это закреплялось на уровне ментальности. И в наше время у людей на уровне подсознания существует установка на поддержку того или иного лидера. В России давно сформировалось убеждение, что положение царя санкционировано свыше, и это автоматически обеспечивало поддержку всех исходящих от него указаний.

Сейчас в России лидер многими на уровне подсознания рассматривается как непогрешимая личность, и предлагаемые им мероприятия не вызывают сомнений, даже если они в действительности оказываются результатом социальной некомпетентности. С такой ситуацией мы сталкиваемся довольно часто. Люди привыкли быть объектом манипулирования со стороны власти, и далеко не всегда способны подняться до уровня равноправного партнера во взаимоотношениях с нею. Большую роль здесь играет ментальность, которая во многом предопределяет результаты тех или иных действий [8].

В современной кризисной ситуации резко возрастает необходимость повышения социальной компетентности лидеров крупных социальных субъектов. Здесь мы не ограничиваемся только критикой. Можно выдвинуть ряд предложений, способствующих повышению социальной компетентности властных структур и населения.

Как известно, администрация Президента Российской Федерации и ряд научных учреждений работают над проблемой выработки системы критериев для оценки эффективности деятельности по управлению субъектами РФ. По этим критериям может оцениваться эффективность деятельности губернаторов и других властных структур. Речь идет о таких критериях, как оценка населением деятельности губернатора, уровень безработицы, социальное самочувствие населения и т. п. Конечно, разработка объективной системы этих критериев — дело сложное и трудоемкое. Каждый социальный критерий характеризуется своей спецификой. Но в итоге всю совокупность субъектов РФ можно расположить в определенном

порядке по эффективности деятельности их руководства. Суть выдвигаемого предложения состоит в том, что этот порядок следует сделать максимально гласным, доступным всем субъектам федерации и большинству населения, используя для этого средства массовой информации, привлекая самую широкую общественность для обсуждения существующей ситуации, поиска путей улучшения положения, сложившегося в регионах. Стране должны быть известны как наиболее успешные, так и отстающие регионы. Разумеется, при этом не должно быть упрощенных подходов: положение в разных субъектах федерации весьма различное. Но руководство каждого региона должно предлагать свои оригинальные решения специфичных для него социальных проблем. В итоге страна будет знать наиболее успешных и наименее успешных лидеров. Общественное мнение будет порождать вопросы к лидерам наименее успешных регионов. Власти субъектов, оказавшихся на последних местах, станут испытывать сильное общественное давление, которое будет стимулировать и побуждать их к более эффективному решению своих социальных проблем. Понятно, что они будут прилагать все усилия, чтобы подняться вверх по иерархической лестнице успешности российских лидеров. Естественно думать, что и население регионов не окажется безразличным к поиску путей решения актуальных проблем своего региона и повышения его рейтинга. Таким образом, высказанные предложения смогут способствовать повышению уровня социальной компетентности как властных структур, так и населения.

В настоящее время ситуация резко изменилась в силу усложнения современного общества, в котором действие лидера должно быть ориентировано уже не на сохранение социума в неизменном виде, а на поддержку тех или иных инноваций, касающихся культуры и человека. Но, к сожалению, такой социально компетентный лидер часто не получает поддержки, если он не включен в систему отношений, ориентированных на элитарные группы, общепризнанные авторитеты и пр. Это, конечно, ослабляет его позиции.

Начиная с XVII века в Европе общество превращается в динамичную систему и отношения между его компонентами теряют былую стабильность. В этих условиях социально компетентным оказывается человек, хорошо осведомленный о системе как целом, а не только о той структуре, в которую он непосредственно включен. Важнейшей чертой социальной компетентности здесь стано-

вится возможность прогнозирования ситуаций, по крайней мере, на ближайшее будущее. Реализовать ее удастся обычно творческому человеку, способному принимать нестандартные решения, выходить за рамки традиционных представлений.

Современное общество стало динамичным, развивающимся на базе инноваций, и поэтому неприятие инноваций является тормозом для его развития. Сейчас многих интересует, почему инновации с таким трудом принимаются в российском обществе и, главное, каковы пути преодоления многочисленных препятствий позитивному восприятию инноваций. Известно, что основными генераторами инноваций в любом обществе являются наука и образование. Однако недалековидность социальной политики состояла в том, что за перестроечные годы наука и образование резко понизили свой уровень и не выполняли этой своей функции. В российском обществе оказались невостребованными самые образованные и творчески мыслящие люди. Нам еще только предстоит переосмыслить роль науки в современной России.

Итак, перед обществом стоит масштабная задача преодоления квазикомпетентности и повышения подлинной социальной компетентности на всех уровнях (власти, социальной группы, конкретного человека). Эта задача предполагает: изменение ментальности, повышение уровня целостной культуры власти и населения, развитие способностей к рефлексии и прогнозированию; освоение комплексного подхода к решению проблем; воспитание и поощрение активности и инициативности. Разумеется, эта проблема в определенной мере уже начинает осознаваться: подбор кадров, деловые тренинги, семинары, методы активизации творческого поиска, акцент на формировании компетенции в построении учебных планов и программ в высшей школе — реалии сегодняшней российской жизни [9]. Однако нет осознания того, что лежит в основе подлинной социальной компетентности, осмысления ее структуры, основных составляющих. Поэтому и идет подмена ее то специальным знанием, то некими компонентами науки, культуры, религии, то точками зрения отдельных политических партий и лидеров. Это приводит к выводу, что для прогресса в продвижении к подлинной социальной компетентности нужна ее научная теория, способная послужить основой для подготовки поистине компетентных людей, в которых заинтересовано общество. На базе такой теории должны быть переосмыслены не только урегулирова-

ние социальных проблем, но и практика обучения и воспитания. К сожалению, осуществляющиеся в этом направлении шаги являются пока односторонними, делающими упор на ограниченные знания, попытки копирования западного опыта и представления отдельных социальных групп.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
2. Белицкая Г. Э. Социальная компетентность личности // Субъект и социальная компетентность личности / под ред. А. В. Брушлинского. М., 1995.
3. Белкин А. С. Компетентность. Профессионализм. Мастерство. Челябинск, 2004.
4. Бердяев Н. А. Философия свободы. М., 2004.
5. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М. 1987.
6. Равен Д. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М., 2002.
7. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997.
8. Семёнов В. Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб., 2008.
9. Третьи Ковалевские чтения: Материалы научно-практической конференции. СПб., 12–13 ноября 2008 г. Секция 11: Социальная компетентность и ее формирование. СПб., 2008.
10. Уэбстер А. Теории информационного общества. М., 2004.
11. Фромм Э. Здоровое общество. М., 2005.

В. Н. Томалинцев

«РУССКИЙ МИР» И СПЕЦИФИКА ЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Основным недостатком современных тенденций, возобладавших в науках об обществе, в социогуманитарном знании в целом, является откровенная недооценка диалектического метода при характеристике становления, динамики и изменчивости феноменов истории и культуры. При таком подходе культурно-исторические факты часто воспринимаются как состояния, а не процессы. Это хорошо видно на примере бесчисленных обсуждений сложных социально-экономических и политических проблем, культурно-исторических событий, когда эпизоды истории и их действующие лица предстают либо «черными», либо «белыми» в зависимости от угла зрения или точки отсчета, когда из анализа выпадает главное — генезис эволюционного процесса, симптоматика явления, смысл поступательного движения, особенно в моменты, связанные с разворачиванием всего его потенциала — расцветом нормы, приближением к предельным и крайним состояниям (выходом на естественные и болезненные обострения). Без этого невозможно представить ни одно явление живым, развивающимся, пульсирующим, невозможно уловить причины и смысл самого движения.

Вся история нашей страны — России — демонстрирует нам то, как пульсирует, дышит огромный державный организм, то сужая, то расширяя свои границы, степень влияния в мире. И в этом случае речь следует вести уже о более широком культурно-историческом явлении, определяемом как «Русский мир», который включает в себя и то, что на протяжении долгой истории России так щедро выплескивалось за ее границы. «Русский мир» (или «Мир исторической России») — это не только военно-политический, но и культурно-интеллектуальный, духовный след, оставленный лучшими представителями нашей страны в различных частях све-

та. Основой этого мира сравнительно недавно являлась территория от Варшавы до Аляски. А очаги русской цивилизации обнаруживались в самых неожиданных уголках Земли. Русские возвели одно из первых укреплений на территории Северной Калифорнии (США) — Форт-Росс. В Китае ими основаны города Дальний (Далень), Порт-Артур (Люйшунь), Харбин, сооружена Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). В Монголии русскими отстроена современная столица Улан-Батор.

Интересен и такой исторический факт. Вскоре после посещения кругосветной экспедицией Крузенштерна и Лисянского Гавайских островов Георг Шеффер основал там русский форт, а местный король попросил Александра I взять острова под свое покровительство, поклявшись русскому царю в своей верности. Однако император не счел это предложение полезным для России. Между тем некоторое время спустя русский революционер, искатель приключений Н. К. Судзиловский, поселившийся на Гавайях в 1892 году и практиковавший там в качестве врача, волею судеб становится первым президентом Гавайских островов. Судзиловский основывает на Гавайях русскую колонию, создает «Гавайский союз русских рабочих», призывает к переселению на острова из России. Только под нажимом Вашингтонской администрации, обеспокоенной положением на Гавайских островах, Судзиловский был вынужден покинуть Гавайи, переселившись в Китай, где и умер в 1930 году [17, с. 9].

С начала XX столетия волна за волной русской эмиграции следовали в Центральную и Западную Европу, на Ближний восток, США, Канаду, Латинскую Америку, Австралию... Достаточно вспомнить выходцев из России, внесших очень значительный вклад в культурное и научное развитие западного и мирового сообщества, которые обычно упоминаются прежде всего: П. Сорокин, В. Зворыкин, И. Сикорский, Ф. Шаляпин, В. Набоков, М. Чехов... Но, кроме того, были и многие другие деятели культуры и искусства: *братья Уорнер* (выходцы из Польши, входившей в то время в Российскую Империю) и *Луис Б. Майер* (родился в Минске) — основатели Голливуда, создатели американской киноиндустрии, организаторы первых киностудий соответственно, «Уорнер Бразерс» и «Метро Голдвин Майер»; *Юл Бриннер* — американский актер, создатель образа классического американского ковбоя в фильме «Великолепная семерка» (1960); *Джордж Гершвин* (отец — петербуржец, мать — из Литвы) — выдающийся американский композитор,

автор первой национальной американской оперы «Порги и Бесс»; *Ирвинг Берлин* (родился в Тюмени) — крупнейший американский композитор, определивший дух легкой американской музыки на эстраде и в кино, один из родоначальников мюзикла; *Бенни Гудмен* (родился под Киевом) — известный американский кларнетист, руководитель джазовых оркестров, во многом определивший лицо классического джаза; *Билл Эванс* (мать — русская) — американский джазовый пианист, получивший международное признание; *Вернан Дюк* (Владимир Александрович Дюкольский) — всемирно известный американский джазовый исполнитель; *Д. З. Тёмкин* (родился в Одессе) — известный голливудский композитор, аранжировщик, дирижер, автор обработки музыки И. Штрауса к художественному фильму «Большой вальс».

Во Франции это были: *Анри Труайя* и *Морис Дрюон* — известные французские писатели; *Марина Влади* — звезда французского экрана; *Марсель Марсо* — выдающийся французский исполнитель миманса; *Джо Дассен* — популярный французский певец; *Серж Гинсбур* — известный французский шансонье.

Вместе с тем образцом наиболее острых, непримиримых позиций в оценке развития русской истории остаются кардинально расходящиеся взгляды на результаты последних русских смут (1917 и 1990-е годы), до сих пор радикализирующие и раскалывающие российское общество. На самом же деле «смутное время, по точному определению В. Аверьянова, — это глубинный вдох России, за которым неизбежно последует выдох, если только национально-государственный организм будет жить дальше» [2, с.163]. Во многом это объясняется тем, что «Русский мир», русская история — наглядное отрицание идей «открытого и закрытого общества» (К. Поппер), поскольку Россия всегда демонстрировала одновременное сочетание открытости (на Запад и на Восток) и закрытости, обусловленной собственной самодостаточностью.

Кроме того, в истории есть нечто столь тонкое, в высшей степени неуловимое, что не поддается полному рациональному объяснению. Для религиозного человека — это Воля Господня, Провидение. Для фаталиста — судьба, рок, фатум. Гегель называл это «хитростью мирового разума», К. Маркс — «иронией истории». И в этом смысле октябрьский переворот для России явился не чем иным, как грандиозным искушением истории, непреодолимым соблазном мысли и чувства великого народа. Не случайно собы-

тия в России еще накануне февральской революции сложились таким образом, что на весах истории на одной чаше оказались: нерешительность царя Николая II, усугублявшаяся болезнью единственного сына — цесаревича Алексея, страдавшего гемофилией; беспрецедентное, дискредитирующее влияние на венценосную семью Распутина, возникшее в силу способности старца к эзотерическим воздействиям на здоровье наследника; активизация внешних (Первая мировая война) и внутренних (оппозиция, революционное движение) враждебных сил. На той же чаше оказалось и стремление широчайших народных масс к освобождению и справедливости в той мере, в какой они это понимали, в какой до них донесли это понимание их лидеры и вожди. В революционных лозунгах большинство слышало то, что оно острее всего желало слышать: «Землю крестьянам, заводы рабочим, мир народам!».

Компетентную оценку обстоятельствам того времени дал активный участник тех событий, начальник Петроградского охранного отделения (ПОО) Константин Иванович Глобачёв, занимавший этот пост с февраля 1915 по февраль 1917 года. Указывая в своих воспоминаниях на подрывную роль Государственной думы и Государственного совета, он пишет: «... В существе всей работы этих людей заложена государственная измена. История не знает примеров подобного предательства. Вся последующая работа социалистов и большевиков по разложению России является лишь логическим последствием предательства тех изменников, которые подготавливали переворот, и последних нельзя так винить, как первых. Они по-своему были правы, они хотели преобразовать государственный и общественный строй России по своей программе — по тому рецепту, который является конечной целью их многолетней работы и мечтой, лелеянной каждым социалистом, какого бы он ни был толка. Это являлось осуществлением их идеологии» [6, с. 114]. По словам Глобачёва, «... к концу 1916 г. создалось такое настроение, что в лагере правительственном никого уже почти нет и что в случае решительной на него атаки никто не станет на его защиту» [6, с. 116]. Касаясь октября 1917 года, начальник ПОО особо подчеркнул, что с приходом к власти большевиков пусть ненадолго, но в Петрограде был наведен относительный порядок. Резко сократились мародерство, квартирные кражи, уличный бандитизм. Этим во многом объясняется тот факт, что население столицы до-

статочно спокойно отнеслось к смене власти и уходу Временного правительства.

Так благодаря особому хитросплетению событий страна попала в вихрь исторических перемен, хитроумная логика которых привела к образованию нового магистрального вектора развития. «Как знать, — пишет В. Аверьянов, — может быть, проводя через череду Смутных времен, мутаций и реакций, Бог приблизил нас к нашей собственной идентичности так, как сами собою, в спокойном развитии, мы бы никогда не приблизились» [2, с.150].

Все это отвечает общему закону истории, который говорит о том, что в конкретные, переломные моменты, в периоды исторических бифуркаций из множества точек зрения и соображений верх берут те, которые наиболее остро востребованы активным большинством. Это подтверждается опытом европейских буржуазных революций и большевистским переворотом в октябре 1917 года, который, в отличие от выступления декабристов на Сенатской площади в Петербурге (1825) и советских диссидентов на Красной площади в Москве (1968), привел к «триумфальному шествию советской власти». И дело не меняется от того, что после победы плоды революции попадают в руки нового меньшинства, в нужное время оказавшегося энергичнее, изворотливее большинства.

Одно остается неизменным: *во всех своих действиях человек повинуетя остроте впечатлений и переживаний. В зависимости от степени их эмоционального воздействия они влекут его за собой или отталкивают. Здесь лежит ключ к решению проблемы творческого выбора и свободы воли в целом*, поскольку в данном случае острота эмоционального напряжения, острота ощущений выступает важным элементом принципа отбора. Единственным противовесом этому выступает культура, и прежде всего нравственная культура, которую нужно воспринимать не только с точки зрения различных мировоззренческих концепций и идеологий, но и прагматично, понимая под этим культуру самосохранения или культуру коллективной безопасности.

Такой подход дает выход еще на одну проблему, которая формулируется как «психологическая усталость», что проявляется в тяге человека к обновлению или эмоциональному обострению. Подобное состояние хорошо иллюстрирует известная песня времен «перестройки», в которой рефреном проходят слова «мы ждем перемен...».

Анализ постоянно утончающихся и усложняющихся механизмов социальной жизни требует и более тонких теоретико-методологических решений. Одно из них связано с поиском и изучением экстремальных принципов в системе «человек — общество». На практике в рамках осуществления национальных проектов развития нанотехнологий многими странами уже взят курс на создание предпосылок перехода к «нанообществу» — новому типу биосоциотехнической системы, имеющей целью реализацию экстремальных принципов в жизнедеятельности человека. «Данная тенденция, — указывает А.А. Давыдов, — обусловлена общественным принципом, действующим в технических и социальных системах, а именно принципом минимакса, в данном случае минимизацией размеров изделия при одновременном увеличении функций изделия. В этой связи, — добавляет автор, — принцип минимакса является одним из принципов оптимальности и обобщает экстремальные принципы, на основе которых функционирует общество» [7, с.122].

Универсализация, систематизация законов и принципов возможна только в рамках фундаментальных исследований. В области современной философской антропологии, общего человекознания и обществоведения назрела необходимость расширения круга закономерностей и обозначающих их понятий, служащих для объяснения новых сверхсложных социальных процессов, разворачивающихся в эпоху технотронной цивилизации. Это касается, прежде всего, экстремальных (вариационных) законов и принципов, позволяющих взглянуть на человека и его деятельность в системе экстремальных координат [19].

Закономерности социальной жизни, культурного, исторического процесса, как и все в природе, отвечает требованиям социальной и общей (естественнонаучной) *экстремологии* не только в части вариационности, которая путем проб и ошибок ведет поиск конечных экстремальных принципов, обладающих наиболее фундаментальным, всеобщим, универсальным характером, но и в формулировании на этой основе наиболее простых (кратчайших) и в то же время предельно эффективных путей достижения цели, оптимальной траектории развития. В конкретных исторических условиях отдельным народам и странам удавалось овладевать новыми социальными закономерностями, находить более тонкие усовершенствованные принципы жизнедеятельности, которые вы-

водили их в мировые лидеры, предоставляя им возможность влиять на исторические события, определять систему международных отношений. Возможно это были не всегда этически и эстетически выверенные действия, но это всегда были изощренные, новаторские ходы, опережавшие время, находившие опору в неожиданных, экстремальных поступках: усилении мобильности, ужесточении иерархии и подчинения, развитии военного искусства и государственных институтов, продвижении мореплавания, дипломатии, торговли, научно-технического прогресса... Наиболее отчетливо такие социокультурные флуктуации проявились в процессе образования мировых империй: Македонской (IV век до н.э.); Римской (I век до н.э. — V век н.э.); Арабской (VII–X века); Монгольской (XIII век); Османской, или Оттоманской (XIV–XX века); Испанской (XVI–XIX века); Британской (XVIII–XX века). Сюда же можно отнести Португалию — могущественную колониальную державу XV–XVI веков — или Древнюю Грецию, являвшуюся в свое время (V век до н.э. — IV век до н.э.) величайшей культурной империей, и многие другие суперсообщества. «Географический ландшафт, — указывал Л. С. Берг, — воздействует на организм принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т.д. — все это накладывает особый отпечаток на организм. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть» [4, с. 180–181].

Логика экспансионистского развития, новейших политических технологий и социальных проектов привела к эпохе глобализации. В данных обстоятельствах задача крупных системообразующих культур состоит в том, чтобы не растерять свои естественные традиции, сохранить свой творческий потенциал, способность к самостоянию. Необходимо, не уступая давлению извне, не впадая в политику изоляционизма, привнести в процесс глобализации свои идеалы, свою систему ценностей, с тем чтобы они стали понятными, доступными и необходимыми для всех. Иначе говоря, процесс модернизации, модификации страны должен идти не путем внешних уступок и послаблений, а путем делового компромисса, путем конвергенции.

Россия, представшая перед миром отдельной, самобытной цивилизацией, доказала, что является самостоятельной системой,

в которой все элементы развивались не случайно, а закономерно. В этом отношении нельзя не согласиться с мнением о том, что «попытка осмыслить своеобразие российского пути, вскрыть его, так сказать, социалистическую предрасположенность лежит в русле научной методологии исторического анализа» [8, с. 192–194].

Как известно, в глубинах русского менталитета коллективистские установки поведения, возникшие еще у первых христиан, закреплялись под воздействием сельской (деревенской) общины, сохранявшейся в России вплоть до 1930-х годов. Столь долгое существование общинных отношений на российской почве не случайно. Оно явилось не столько следствием социально-экономического развития, сколько результатом эволюции естественных, природных предпосылок, которые в условиях жесткого географического и климатического детерминизма требовали коллективистской, кооперированной модели человеческого взаимодействия. В своем позитивном пределе такой тип социальных отношений можно определить как соборность или духовное единение. В предельно крайнем выражении этот вариант общественного развития предстает как мобилизационный.

Русская православная соборность противостоит и индивидуализму Запада, и стихийному, клановому коллективизму Востока. Согласно Л. С. Хомякову соборность — это «сочетание свободы и единства индивидов, разделяющих вечные ценности». По А. П. Карсавину, в соборности народ предстает как «симфоническая личность». Исторические условия становления и развития России как централизованного государства определяли коллективизм, единение, освященные духом соборности, в качестве главной ценности, превосходящей ценность личности. Только такая форма поведения позволила выжить как отдельному индивиду, так и этносу в целом. Одной из важнейших функций коллективного, а по своей идее соборного, сознания являлась функция освоения новых обширных пространств Евразии. Как отмечает П. И. Смирнов: «Колонизация в суровых российских условиях требует, во-первых, возможно быстрой взаимопомощи, во-вторых, быстрого, полноценного воспроизводства населения. Обе эти задачи оптимально решаются общиной» [16, с. 159].

Многонациональный, многоконфессиональный характер Евразийской цивилизации обеспечил России хотя и многотрудную, порой весьма драматичную, но по-своему почетную роль самосто-

ятельного центра, сглаживающего постоянные столкновения экспансионистских амбиций Востока и Запада. Не будь России, трудно представить, чем бы закончилось тысячелетнее противостояние двух великих, диаметрально противоположных культур.

В этих условиях Россия вырабатывала свою культуру, связавшую периферию Европы и Азии. Складываясь как самостоятельный Евразийский континент, Россия явила миру новую цивилизацию — Евразию. Эта цивилизация развивалась на идеях и традициях, синтезирующих культуры окружающих народов, привнося в них элементы умеренности, примирения, диалога.

Помимо самой нацеленности на идеалы соборности русский православный коллективизм обладает, по крайней мере, еще двумя характерными особенностями, определяющими самобытность русского национального характера. Одной из таких важнейших специфических черт русского самосознания является то, что оно рационализировало коллективизм. Это могло произойти только с русским сознанием, которое вобрало в себя многие элементы западной и восточной культуры мышления.

В отличие от западных обществ, где в процессе общественного развития рационализировался индивидуализм, восточная цивилизация оставалась в парадигме простейших и весьма архаичных коллективистских форм, которые имеют стихийный, спонтанный характер, протекают естественным образом, сохраняя близость к природе, оберегая характерологические особенности между мужчинами и женщинами, старшими и младшими, соблюдая внутреннюю сосредоточенность. Такое развитие, в большой степени, идет не по пути экспансии и агрессии, а по пути адаптации. Тайна же русской души оказалась сокрыта в тонком совмещении элементов западной и восточной культур. Только евразийское сознание смогло совместить ценности рационализма и коллективизма. Такое мироощущение, воспринявшее взаимодействие народного духа и индивидуальной души, и стало основанием национальной культуры России, ее образа жизни, приняв форму своеобразной «религии». Коллективистский уклад, соборный настрой на века определили архитектуру российской цивилизации, которая естественным образом противостоит прежде всего западному эгоцентризму и индивидуализму. Эти настроения зафиксировались в пословицах и поговорках русского народа. Одна из них гласит: «Кто родом кулак, тому не разогнуться в ладонь».

Как показывает история, с народами Востока, также тяготеющими к коллективизму и единению, при необходимости России удается находить общий язык. Это свидетельствует о другой характерной особенности русского коллективизма — о способности экстраполировать объединительное начало с межличностного на межэтнический, межнациональный уровень отношений. Традиции православной веры питали непоколебимой уверенностью и российскую верховную власть. На походном иконостасе императора Александра I было начертано: «С нами Бог разумеите языцы и покоряйтеся яко с нами Бог».

Огромная мощь интеграционной идеи, заложенной в русской ментальности, реализовалась в период объединения русских земель, в эпоху строительства Московского царства, Российской империи, формально воплотилась во времена создания и функционирования Советского Союза, ибо образование государства на принципиально новых основах, включающих в себя союзнические отношения, явилось новым словом в политике, прорывом в области социального творчества. Создание союзного государства на бескрайних просторах Евразии вскрыло подлинное содержание национальной идеи российского государства, подспудно реализуемой на протяжении всей его истории. Это понимал и Х. Д. Маккиндер — основатель геополитики, выдвинувший концепцию «географической основы истории» (1904), который утверждал: «Тот, кто владеет Евразией, — владеет миром».

Русских всегда отличали широта души, добрососедство и добродетельность, открытость и радушие. О высокой степени терпимости, толерантности русского народа, о его высокой культуре межнациональных и межконфессиональных отношений свидетельствуют факты истории. Так, Грузия, как и многие другие народы, вошла в состав России добровольно, в результате недружественных действий мусульман. Необходимо отметить при этом, что последний царь Грузии Георгий XII в своем завещании требовал передать Грузию русскому императору *не в покровительство*, но в *полное управление*. С этих пор Грузия выступила как эксклав России, так как у России и Грузии не было общей границы. Для завершения дела необходимо было присоединить к России Кавказ и Закавказье. С этой целью на Кавказ пришел А. П. Ермолов, который начал с Чечни. Война на Кавказе, разразившаяся в XIX веке и длившаяся в течение почти сорока лет, закончилась с помо-

щью политических усилий генерала А. И. Барятинского, благодаря которым был признан национальный уклад и традиции народов Кавказа, в частности элементы шариатского права, которые регулировали межсемейные, межклановые отношения, общеправовые и семейные вопросы, проблемы отклоняющегося поведения. Кавказцам было позволено носить холодное оружие. Царская охрана Александра II состояла из кавказцев («Дикая дивизия»). Со стороны Российской Империи оставалось одно требование — лояльное отношение к России, сохранение Кавказа в ее составе. Другим примером может служить пребывание Финляндии и Польши в составе Российской Империи, наличие у них собственных парламентов и широкой автономии. С территории Финляндии, например, мужчины не призывались в российскую армию. Одновременно в России существовало большое число других разнообразных форм национального и местного самоуправления.

На особую толерантность русского народа указывает то, что в современной России проживает около 160 национальностей и более 700 этносов. Не удивительно, что в первой Государственной думе России заседали представители 27 национальностей. И это при том, что Россия в силу экстремальных условий своего существования — геополитических причин — не имеет права на импровизации. Давно известно: в экстремальных ситуациях акты жизнедеятельности человека, а значит и общества, должны быть выверены, точны и единственно правильны, иначе любая ошибка может привести к катастрофе. Во всяком случае, в данных обстоятельствах необходимо действовать решительно и быстро, а если речь идет о коллективе, то дружно и централизованно. В положении осажденной крепости (коей историческая Россия всегда оставалась), в условиях долговременных холодов (зима в России порой длится до 8–9 месяцев), при безбрежных просторах, раскинувшихся между Европой и Азией, нет места для долгосрочных споров и обсуждений, нет возможности для осуществления многочисленных альтернативных проектов и долгой раскачки. Россия выстояла, объединив вокруг себя такое количество племен и народов, и это свидетельствует о том, что в социальной модели российского общества соборность выступила как элемент нравственной солидарности не только отдельных самодельных индивидов, но и комплементарных народов.

Сегодня Европа успешно реализует основные принципы государственного и общественно-политического строительства, выра-

ботанные и сформулированные в Советской России. Она опирается на *союзные отношения*, обустривая Европейский Союз (ЕС), призванный обеспечивать свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и людей, на *Совет Европы* (СЕ) — консультативную политическую организацию, созданную для содействия интеграционным процессам в области прав человека, а также на *социалистические* правительства, остающиеся у власти во многих европейских странах.

Не следует забывать и о том, что право на свободное, безвизовое перемещение граждан внутри пятнадцати республик Советского Союза являлось прообразом шенгенской зоны, действующей ныне на территории Европы. В то же время задолго до появления единой европейской валюты — евро — ту же функцию в пределах СССР выполнял рубль. Даже отказ объединенной Европы от своих духовно-религиозных (христианских) основ, введение института еврокомиссаров корнями своими уходят в советский атеизм.

Однако всякий процесс, раз возникнув, рано или поздно достигает своего предела, логического конца, т.е. полностью исчерпывает себя. Так произошло и с процессом рационализирования коллективизма. Наибольшей интенсивности он достиг в период проникновения в Россию идей социалистов-утопистов (Мор, Кампанелла, Сен-Симон, Фурье, Оуэн и др.), а затем и марксизма.

Политические и социально-экономические положения марксизма, основанные на принципах социальной справедливости, гуманизма бесклассовой человеческой общности и правды (понимаемой как научная истина), нашли широкий отклик в разных слоях российского общества. Вместе с тем уязвимым местом марксистской доктрины оказалось то, что в ней почти полностью игнорировались психологические аспекты развития человека и социума. На периферии ее интересов остались такие важные для философской антропологии и социальной философии научные дисциплины, как этика, эстетика, общее человекознание. В результате ряд положений марксизма были восприняты многими (в том числе и его последователями) слишком буквально, прямолинейно, выполнялись доктринерски, без соотнесения с исторической реальностью. О таких своих сторонниках сам Маркс писал: «Если они марксисты, то я не марксист». Более того, после октября 1917 года русская национальная парадигма развития как истинная национальная мечта, нашедшая свое завершение в идеях социализма, покоящихся на

вере в разум и сознание человека и полностью слившаяся с ними стараниями начетчиков и политиканов, была доведена до абсурда, до крайней степени экстремистских пределов. Это привело к истощению, выхолащиванию внутреннего содержания идеи коллективизма и таких понятий, как «коллектив», «коллективизация», «коммунизм», «социализм».

Как заметил однажды В. И. Ленин, для того чтобы дискредитировать любую идею, достаточно довести ее до крайности, до абсурда. Оправданием для самого Ленина, как политика, мыслителя, исторического деятеля остается его решение сделать резкий поворот от так называемого военного коммунизма к новой экономической политике (НЭП). Это была принципиальная попытка уйти от экстремистского варианта государственного развития, осуществляемого по образцу казарменного социализма и выйти на путь творческого осмысления социалистической мысли, социал-демократических идей, основанных на началах социального партнерства, исторического компромисса между трудом и капиталом, обществом и государством, личностью и обществом.

После кончины Ленина данная линия развития была прервана, что выразилось в отходе от собственно социалистических, социал-демократических принципов в развитии государства, предусматривающих использование частной инициативы на благо всего общества, кооперацию в различных формах труда, и переходе к форсированному, принудительному варианту реализации коммунистических идеалов, что неизбежно вызвало к жизни тоталитарную форму правления, полное обобществление средств производства и тому подобные меры. Дискредитация русского (советского) опыта построения социализма, резко отличающегося от того, что делалось в условиях так называемого «шведского» («скандинавского») социализма или в рамках послевоенного европейского социалистического и социал-демократического движения, позволила маятнику российской политической жизни уйти резко вправо, в сторону дикого, сплошь криминализированного рынка, т.е. той ранней стадии капитализма, которую, по словам М. Вебера, отличает господство «авантюристического склада мышления, пренебрегающего этическими нормами...» [5, с.74]. Таким образом, Россия, всей своей историей выстрадавшая социал-демократический путь развития, в очередной раз оказалась на его обочине.

В результате всех социально-политических метаморфоз, произошедших в России, пострадало первоначальное, истинное значение понятия коллективности, коллективизма, получившего в последнее время какой-то извращенный, вывернутый наизнанку смысл. Мало того, с начала перестройки в массовое сознание вбрасываются идеи, направленные на развенчание коллективистских установок и утверждение индивидуализма или персонализма. В одной из публикаций можно найти даже такое утверждение: «терроризм, насилие и войны неизбежны, поскольку и пока в мире господствует коллективистский менталитет» [11, с.122].

На самом деле вследствие слома традиционного русского общества, в котором уживались различные сословия, действовала многоукладная экономика, мирно сосуществовали разнообразные народы и религиозные конфессии, высокая идея русского коллективизма, российской соборности извратилась, мутировала в идею корпоративности. Первоначально, в послереволюционный и советский период, возобладала корпоративная мораль строителя коммунизма, провозгласившая: «нравственно лишь то, что способствует приближению коммунизма». Затем, со времен перестроечных реформ, восторжествовала глобалистская корпоративная этика, в рамках которой основная масса населения практически оказалась за скобками социальной политики государства. Сохраняющийся государственный патернализм продолжает осуществляться, но только в интересах олигархии и крупного капитала. В новых нравственно-правовых условиях за счет государства и народа взращивается новый класс миллиардеров, который также благодаря поддержке государства встраивается в мировую экономику, в идеологию «золотого миллиарда». В то же время народ, в прошлом носитель коллективистских традиций, под воздействием индивидуалистической пропаганды целенаправленно расслаивается, дробится, атомизируется. Грубая подмена органичной для русского народа коллективистской этики этикой корпоративной отражается на социальном здоровье нации, вызывая к жизни такие негативные явления, как организованная преступность, коррупция, правовой нигилизм.

Многие исследователи сходятся на том, что современный бизнес в России перекрыл пути своего развития вне криминальной среды, отсекая умных, энергичных людей, которые не могут перешагнуть криминальную черту. И здесь образовался определенный

нравственный тупик, так как у нового российского бизнеса не оказалось легитимной базы, во всяком случае, ее нет в массовом сознании, в общественном мнении, родовой культуре. Таким образом, избрав коллективистский путь развития, Россия миновала наиболее плодотворную, оптимальную точку этого процесса*.

Титаническое противостояние двух сверхдержав — Советской России и Соединенных Штатов Америки, — венчающее историческое противодействие российской и западной цивилизаций, на первый взгляд, закончилось поражением России и не только в холодной войне, но и в плане исторического выбора. Сегодня все выглядит так, будто линия исторического развития России, веками ориентированная на идеи централизации управления, патернализма, соборности, уступила напору «американской мечты» (американской национальной идеи), в основе которой лежат либеральные ценности — накопительство, индивидуализм, плюрализм, открытая конкуренция. Между тем события рубежа тысячелетий показывают, что свой оптимальный период развития прошла и западная культура, ориентированная на рационализированный индивидуализм. Современный либерализм (это хорошо видно по состоянию масс-культуры, поп-искусства, средств массовой информации, нравов) увяз в потребительской психологии и быстро перерождается, входя в фазу вседозволенности, где постоянно обостряются тенденции потакания, потворства, попустительства разного рода индивидуальным причудам, извращениям и массовым порокам. Среди основных причин разразившегося ныне глобального экономического кризиса аналитики справедливо называют непомерную изощренность операций в банковском бизнесе, излишнюю «изобретательность» в сфере финансовых манипуляций. Современную ситуацию в мире помогает понять мысль, высказанная Антуаном де Сент-Экзюпери: «Цветок, тянущийся к солнцу, всегда находит дорогу между камней. Чистый логик, если никакое солнце не притягивает его, запутывается в сумбуре проблем». Приведенные слова предупреждают нас о том, как опасно упускать из виду не только

---

* Безусловно, и в советское время коллективизм в той или иной форме продолжал проявлять себя, прежде всего в сложную пору индустриализации, в период Второй мировой войны; он помогал в освоении Крайнего севера, воздушного и космического пространства. Русский коллективизм наложил свой отпечаток на игру советских хоккеистов, которые в течение почти двух десятилетий оставались непобедимыми на всех крупнейших турнирах.

логику истории, как составную часть логики каузальности (причинности), но и диалектическую логику, включающую в себя «иронию истории». С этой точки зрения каждому отдельному народу предуготован свой путь, своя ниша исторического развития. Образуя говоря, историю народов, человечества в целом можно представить в виде некоего спелеолога, который при изучении пещеры исследует не только пути к выходу, к солнцу, но также фиксирует встречающиеся пустоты, обнаруженные завалы и тупики.

История, составляя карту лабиринта жизни, учитывает любой опыт, но, прежде всего, опыт народов, нашедших оптимальный, устойчивый путь развития. Повторим, это хорошо согласуется с положением общей и социальной экстремологии о реализации экстремальных или вариационных принципов развития, которые логически связаны с математической задачей варьирования, т. е. с поиском действительной ситуации или состояния путем перебора всех мыслимых и возможных вариантов. С помощью операции варьирования обнаруживается, как правило, минимальное, а точнее, экстремальное значение функционалов. «Кривая, как бы извиваясь, отыскивает в некотором интервале свое реальное, истинное положение и форму, короче суть кратчайшие и наиболее устойчивые из всех возможных (форма — экстремаль)» [14, с.235]. Такая вариационная задача по оптимизации, адаптации существования возложена как на отдельные, конкретные социумы, так и на человеческое сообщество в целом. Здесь полезен любой опыт, включая самый трагический.

Даже красный террор периода гражданской войны, сталинская диктатура, коммунистический тоталитаризм, столь часто вменяемые в вину России, не отменяют этого опыта, так как все эти преступления имели исторические предпосылки, свои субъективные и объективные причины. Дело в том, что руководство Советской России в период репрессий и установления тоталитаризма в стране не являлось национально ориентированным, оно было откровенно интернациональным и по своему составу и по своему внутреннему, идейному содержанию. Кроме того, в XX веке трудно найти страну, которую обошла диктатура. И удивительным является не то, что новые коммунистические диктаторские режимы пришли в азиатские страны — Китай, Корею, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу и Россию, всегда тесно связанную с самодержавием и традициями Востока. Удивительно то, что «восточные деспоты»

тии» возникли и утвердились в Европе, на родине Просвещения, демократии, прав человека. В прошлом веке фашистские режимы господствовали в Германии, Италии, Испании, Португалии, фашистские и полуфашистские — во Франции, Венгрии, Румынии, Болгарии. В разных концах света были представлены диктатуры и полудиктатуры различного толка — Маннергейма в Финляндии, Пак Чжон Хи в Южной Корее, Пиночета в Чили. Режим «черных полковников» в Греции стоит в том же ряду. Даже в цитадель Западной демократии — Соединенные Штаты Америки — в 1950-е годы проник микроб «охоты на ведьм» — маккартизм, в рамках которого политическому и правовому преследованию подверглись представители культуры, науки, политики, придерживавшиеся левых взглядов. Рецидивы политического диктата проявились в убийстве президента Д. Ф. Кеннеди, его брата Р. Кеннеди, негритянского лидера М. Л. Кинга. Сегодня на место политического пришел *коммерческий тоталитаризм*.

Таким образом, исходя из общих заблуждений необходимо не корить историю, не упрекать целые народы за пережитое ими, но поддерживать хоть слабую надежду на то, что худшее уже пройдено и, возможно, осталось позади. Англичане в таких случаях говорят: «Права или не права, но это моя страна».

«Российская Империя — тюрьма, но за границей та же кутерьма» — не случайно эти слова поэт А. Вознесенский вложил в уста камергера, дипломата Рязанова в музыкальном спектакле «Юнона и Авось». Говоря об исторических судьбах народов, необходимо придерживаться формулы дипломатии «не плакать, не смеяться, но понимать». Вот почему председатель правительства коммунистического Китая Джоу Эньлай на вопрос о том, как он оценивает результаты Великой французской революции, ответил: «Прошло еще слишком мало времени, чтобы можно было делать выводы».

Задолго до торжества идей социализма великий русский мыслитель А. И. Герцен провидчески писал: «Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей неизвестной нам революцией» [цит. по: 3, с.158].

Революция, о которой Герцен говорил, как о неизвестной, теперь известна как «перестройка» Горбачёва и реформы Ельцина.

Но, несмотря на продолжающиеся реформы, на пророчества Фукуямы о конце истории, история не закончилась. Ибо для диалектического закона отрицания отрицания, для диалектического развития в целом «нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого» [9, с.276]. И поэтому нет сомнений в том, что многие позитивные элементы исторического опыта России, как самостоятельной евразийской цивилизации, еще будут востребованы с целью оптимизации траектории магистрального хода социального развития. Произойдет это тем быстрее, чем быстрее мы осознаем, что живем в условиях исчерпаемости невозобновимых природных ресурсов. Не меньшее значение в этом процессе принадлежит и геополитическому положению России.

Выбор пути в направлении самоопределения и творческого самостояния определяется наличием и качественным уровнем национальной идеи. Национальная идея — это не просто мечта или недостижимый идеал, а необходимый атрибут, важнейший признак целостного, сильного, здорового народа.

Образ России всегда был связан с коллективистским и интернационалистским пафосом русского национального проекта. Разрушение коллективистского, соборного сознания у россиян равнозначно разрушению самой России, уничтожению ее образа. Стирание в сознании народа образа собственной истории означает утрату национальной идеи, духовного идеала, потерю осознанных и неосознанных кодов национальной ментальности. Наличие образа противостоит духовная и душевная пустота — безобразность и безобразие. Безобразность — отрицание эстетического начала, того, что мы называем упорядоченностью, красотой, совершенством. Безобразие включает в себя также отсутствие морально-нравственных, этических норм.

Национальной идеей, основной национальной ценностью России всегда выступало единение. В своей наиболее завершенной форме это трактовалось как социальное и союзное государство. Российскому сознанию остаются близки идеи демократического социализма, которые учат тому, что государственная власть должна играть определенную роль в управлении народным хозяйством. При этом оценивать результаты этого управления необходимо исходя из того, насколько оно способствует росту экономического благосостояния отдельных граждан и различных слоев населения. Подобные настроя и тенденции «полевения» последнее время вновь заявили

о себе в различных частях света: в Индии, странах Латинской Америки — Мексике, Бразилии, Венесуэле, Боливии и др.

В современных условиях урбанизации, тотальной конкурентной борьбы, перед лицом глобальных экономических, экологических, технотронных угроз назрела необходимость в разработке философско-методологических основ наиболее осознанных, благоразумных форм активного поведения человека. Такие оптимальные, творческие формы поведения должны быть противопоставлены процессу экстремизации потребительского сознания, т. е. тем тенденциям развития, которые нацелены на максимизацию индивидуального накопительства (прибыли), безудержных удовольствий, бесконтрольной власти.

Отказ от идеи строительства социального государства на постсоветском пространстве, сворачивание социальных программ в целом ряде развитых стран есть отказ от веры в человеческий разум, в линию развития, которая была выдвинута в эпоху Просвещения. Похоже, на этом этапе попытка выстраивания на рациональной основе культурно-политического и экономического развития потерпела крах. И дело даже не в том, что современное общество мирится с расколом на богатых и бедных, избранных и профанов (концепции «Севера и Юга», «золотого миллиарда» и т. п.). Важно другое: то, что в настоящее время возобладал экстремистский путь развития, ориентированный на неограниченное индивидуальное обогащение, осуществляемое в рамках корпоративной этики, в ущерб целостному оптимальному развитию.

Для современной России первостепенной целью (национальной идеей) остается возвращение исторического приоритета — построения социального и союзного государства. *Первым шагом* в этом направлении явился союз России и Белоруссии. *Вторым* — должно быть скорейшее объединение России с теми странами СНГ, которые готовы добровольно войти в Союз.

Интеграционная политика, взявшая за основу союзные отношения, обладает значительным потенциалом движения по пути «собирания земель», закладывая широкую стратегическую перспективу консолидации усилий со многими братскими и дружескими народами. Однако возвращение к союзным отношениям не должно стать возвращением к Союзу ССР. Уже в самом названии нового союза необходимо отразить его главную суть, которая должна определяться не идеологическими иллюзиями или благими по-

желаниями, как в недалеком прошлом (идея построения светлого коммунистического будущего), а строгими историческими фактами. Одним из таких важнейших фактов истории является то, что огромные территории евразийского пространства на 1/6 части Земли в период существования Российской Империи, Советского Союза, а теперь СНГ объединены Россией. На эту реальность справедливо указывалось в тексте гимна Советского Союза:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая Русь.

Та же идея сохраняется и в новом текста гимна современной России:

Славься, Отечество наше свободное,
Братских народов *союз вековой.*

Исходя из этого неоспоримого факта новый союз может быть определен как Российский Союз Суверенных Республик (РССР). Такое определение союза столь же правомерно, как правомерны определения: «Российская Федерация», «Российское государство», «Российский народ» и т. д.

Оформление нового, хотя по духу, по сути своей прежнего евразийского союза в качестве Российского Союза Суверенных Республик позволило бы, с одной стороны, всем вошедшим в этот союз народам ощутить себя равноправными и суверенными его членами наравне с *федеративной Россией*, с другой — дало бы возможность признать за Россией ее объединительную роль, указать на созидательный потенциал и исторические заслуги русского (шире — российского) народа.

Торжество справедливости — нечастое явление, но это всегда серьезный психологический фактор. Восстановление исторической справедливости по отношению к русскому народу, а также возвращение к социальной справедливости, которая состоит в нахождении баланса между общими и частными интересами, может стать тем переломным моментом в духовном возрождении России, который самым благотворным образом отразится на всей Евразии, принесет пользу всему миру.

Россия должна вернуться к тому, что в Серебряном веке было названо «чувством пути». Нельзя выпадать из процесса, тем более если он определен историей и культурой. Выход из эволюционного потока не только для отдельного человека или этноса, но и для сильного государства всегда трагичен, если не смертелен. В своей незаконченной статье «Беглецам из Семьи» А. И. Солженицын писал: «Только народу, сохранившему органическую духовную связь с наследием предков, — доступно обогатить и мировой духовный опыт» [18, с. 28]. Здесь также уместно обратиться к словам, сказанным русским патриотом Н. И. Бобриковым, в начале XX века занимавшим пост генерал-губернатора Финляндии: «Националистическое сознание и имперское сознание — это разные вещи. Националистическое сознание опасно для России, которую скрепляет и развивает именно имперское сознание. Крайности национализма и русского либерализма старался преодолеть П. А. Столыпин, пытаясь сохранить наиболее ценное того и другого».

В статье «Предшествующее и последующее в контексте проблем “Большой истории”» О. С. Разумовский пишет: «Понятия (и концепция) *предшествующего* и *предшествования* как обобщений определенных видов последовательностей, их динамики и соответствующих феноменов и объектов исторического познания должны целиком лечь в основу понимания онтологии и истории объектов любого рода, феномена историчности и историзма как исторического сознания вообще» [15, с. 82].

Говоря о православных ценностях накануне одной из поездок на Украину на встрече с представителями украинских СМИ, Патриарх Кирилл заявил: «Это те же самые ценности, которые хранят в России, Белоруссии, Молдове и других местах. Это те ценности, которые и очерчивают параметры очень важного культурного и цивилизационного понятия, которые я бы сформулировал как Русский мир. Русский мир — не означает российский, тем более, это не мир Российской Федерации. Это тот самый мир, который вышел из нашей общей купели — киевской купели Крещения. Это тот самый мир, который существует на уровне веры, интеллекта, духовности и культуры. Оттого, что кто-то отрицает этот мир, ничего не меняется: этот мир существует, это объективная реальность» [10, с. 10].

Уже в наше время на вопрос, заданный радиостанцией «Эхо Москвы», — «Должна ли Россия идти на затраты для интеграции постсоветского пространства?» — большинство откликнувшихся

слушателей (54%) ответило утвердительно, соответственно, 46% — отрицательно [12].

По данным опроса той же радиостанции, только 25% слушателей поддерживали тезис «Россия для русских» и 75% высказались против. Вместе с тем ту же мысль, но сформулированную иначе, — «Россия для русских в разумных пределах» — поддержали уже 54% респондентов [13].

Буддизм с начальных этапов своей истории руководствуется принципом «*догматического развития*», пришедшим на смену вековому религиозному принципу «догматического консерватизма» [1, с. 105–107]. Виталий Аверьянов в уже цитируемой здесь работе «Природа русской экспансии» для дальнейшего развития России выдвигает принцип «*динамического консерватизма*» [2, с. 168]. По сути, в этих двух случаях речь идет об одном — о поиске равновесного движения к рационально сбалансированной инновационности, обеспечивающей оптимальный характер развития человеческой жизнедеятельности, включенной в культурно-исторический процесс, имеющий экстремальную систему координат. При подобном подходе наилучшим образом вскрывается и глубинная, сущностная сторона национального русского архетипа.

Литература

1. Абаев Н. В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989.
2. Аверьянов В. Природа русской экспансии. М., 2003.
3. Балязин В. Возвращение (к 100-летию со дня рождения А. В. Чаянова) // Октябрь, 1988. № 1. С. 146–171.
4. Берг Л. С. Номогенез. Пг., 1922.
5. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
6. Глобачёв К. И. Правда о русской революции. Воспоминания начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 100–122.
7. Давыдов А. А. В преддверии нанообщества // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 119–125.
8. Зюганов Г. А. Верю в Россию. Воронеж. 1995.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 21. М., 1955–1981.
10. Патриарх в Одессе / Российская газета. 22 июля 2010. № 161.
11. Першец Р. Анатомия ментальности: человек и общество. СПб., 2003.

12. Радиостанция «Эхо Москвы», программа «Утренний разворот», 24 марта 2007.
13. Радиостанция «Эхо Москвы», программа «Дым Отечества», 18 января 2009.
14. Разумовский О. С. Оптимология. Общенаучные и философско-методологические основы. Новосибирск, 1999.
15. Разумовский О. С. Предшествующее и последующее в контексте проблем «Большой истории» // Философские науки. 2006. № 10. С. 60–82.
16. Смирнов П. И. Слово о России: Беседы о российской цивилизации. СПб., 2004.
17. Соколов А. Наш президент... Гавайских островов // Петербургский дневник. 10 марта 2008. № 9.
18. Солженицын А. И. Беглецам из Семьи // Российская газета. 11 декабря 2008. № 254.
19. Томалинцев В. Н. Экстремаль России. СПб., 2007.

ПРОБЛЕМА ПАТРИОТИЗМА И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Феномен патриотизма как один из базовых компонентов общественного сознания имеет комплексную структуру. Он — объект изучения ряда общественных наук: истории, этнологии, социологии, политологии и социальной психологии. Исследование проблематики, так или иначе связанной с феноменом патриотизма, имеет давнюю историю в этнической психологии и психологии межгрупповых отношений. В этих дисциплинах накоплены достаточно обширные данные, позволяющие выделить проблему патриотизма в качестве самостоятельного объекта исследования, использовать для его описания соответствующий концептуально-понятийный инструментарий и обозначить его социально-психологическую специфику.

Проблема воспитания патриотизма имеет прямое отношение к проблеме духовно-нравственной и социально-политической консолидации российского общества в современных условиях. Эта проблема напрямую связана с психологической безопасностью общества [10]. И это не удивительно, поскольку на переломных, кризисных этапах развития общества важнейшее значение приобретает такая детерминанта его развития, как тип национальной культуры, или, иначе, — преобладающий тип национально-культурной идентификации общества. Как показывает исторический опыт, слом и разрушение социокультурного ценностного ядра любой цивилизации (ее культурного архетипа) ведет либо к ее гибели, либо к глобальным катастрофическим последствиям мирового масштаба.

В связи с проблемой патриотизма особое практическое значение и возросшую актуальность приобретает исследование специфиче-

ской формы общественного сознания — *исторического сознания*, охватывающего знания, понимание и отношение субъектов к историческому прошлому в его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня. Формирование исторического сознания, исторической памяти у населения страны, особенно у подрастающего поколения, оказывает огромное влияние на формирование личности современного человека. Феномен исторической памяти непосредственно связан с формированием патриотизма как одной из важнейших подструктур личности. А одной из основных функций патриотизма, как известно, является *функция объединения государства и сохранения нации как единого целого* (культурного, территориального, государственно-политического, экономического) [5; 7].

Национальная идентификация, этноцентризм, национализм и патриотизм

Междисциплинарная специфика понятия «патриотизм» обуславливает тот факт, что его содержание трактуется неоднозначно. Различия касаются главным образом следующих моментов: широты круга явлений, к которому применяется понятие; характера его содержания; социально-нравственной оценки явлений, обозначаемых им.

Концепция патриотизма в общественных науках восходит к концепции этноцентризма, впервые предложенной видным представителем социального дарвинизма У. Самнером в 1906 году [16]. Эта концепция базируется на методологическом принципе бескомпромиссной борьбы за существование, который определяет характер отношений между людьми и группами в человеческом обществе («побеждает сильный») [17].

В содержательном плане *этноцентризм* — это совокупность групповых представлений, эмоционально-чувственных состояний и идеология взаимоотношений и взаимодействий между собственной группой и другими группами. Субъектами, носителями этноцентризма (конфликтного этнического самосознания) являются разные сообщества, которые дифференцируются от других по этническим (по происхождению, по крови), религиозным, социальным и другим признакам и могут рассматривать себя как «мы», а всех остальных — как «они». Позитивные характеристики своей группы резко подчеркиваются и преувеличиваются, а свойства

других групп и их члены оцениваются по стандартам собственной группы (далеко не всегда объективным) и при этом принижаются. Эти установки и идеология постулируют неизбежность отчужденности, враждебности и взаимной агрессивности в отношениях между сообществами.

В современном мире процесс этногенеза групп, формирования национальных образований приобрел иной характер. И качеству, известному как этничность, стали присущи новые признаки — политические, идеологические и экономические. Другими словами, по опыту современной общественно-исторической практики этноцентрические тенденции свойственны не только этническим группам в традиционном понимании (племя, народность, этнос), но и значительно более широкому кругу сообществ (включая государственные образования) [13].

Наряду с понятием этноцентризма в литературе, общественно-политической и идеологической практике используются ряд других терминов, которые либо синонимичны, либо очень близки по своему содержанию к понятию этноцентризма, либо производны от него. Речь идет, прежде всего, о таких понятиях, как «национализм» («этнонационализм»), «национальное (этническое) самосознание», «патриотизм», «интернационализм» и ряд других. Главное, как понимается национальное самосознание. Именно из этого понимания закладывается начало двух принципиально различных способов «конструирования» действительности (мировоззрения).

При одном из них национальное самосознание понимается как отождествление (идентификация) себя с национальной или этнической общностью в качестве целостного сообщества (этноса, нации, народа), объединенного теми или иными общими признаками (происхождение, культура, язык, территория и т. д.). Самосознанию свойственно стремление к сохранению этих общих признаков и через них — к своей самобытности и целостности (как культурному типу или, шире, — цивилизационному типу), готовность отстаивать и защищать их и в то же время способность (бессознательная или осознанная) ассимилировать новое, обогащающее жизнь сообщества (но на почве своей культуры) и адаптироваться к изменяющимся условиям жизни.

Главная особенность такого типа национального сознания состоит в том, что его носители признают равное право всех «других» на их собственную самобытность, их способ жизни, ценности, нор-

мы и т. п. и не считают возможным навязывать другим, тем более силой, свои представления, нормы и ценности. Такое самосознание составляет основу нормального, здорового *чувства патриотизма*, отражающего верность и преданность своей общности, а также *чувство интернационализма*, которое включает в себя нейтральность и уважительность к представлениям и образу жизни других общностей. Опыт истории человеческой цивилизации свидетельствует о том, что человек и человеческие общности в своем естественном состоянии психологически предрасположены именно к такому самосознанию [9].

Но уже на ранних этапах цивилизации это естественное состояние человека начало нарушаться сначала жизненно-материальными, затем экономическими, а позже политическими условиями. Самосознание человеческих сообществ стало принимать другие признаки. Возник и прочно сохраняется до сих пор иной способ «конструирования действительности». При этом типе «конструирования» национальное самосознание неизбежно включает в себя чувство превосходства над другими и переживание того, что «мы» лучше, умнее, сильнее, чем «они». Следовательно, эти «они» должны либо повторять то, что «мы» делаем и во что верим, либо принимать с благодарностью то, что «мы» предлагаем (и даже подчиняться нашей силе, если «неразумные» не понимают той пользы, которую несем «мы»). Такой тип самосознания и составляет сущность этноцентризма, в основе которого — чувство превосходства, основанное не только на этнических и национальных, но и на политических и идеологических измерениях.

Из различного понимания национального самосознания вытекает и разная трактовка ряда других понятий. Так, понятие «национализм» для одних оказывается синонимом патриотизма с соответствующей положительной нравственной оценкой, для других выступает как извращенная форма национального самосознания и претензия на исключительность в национальных отношениях. В том же ключе можно рассматривать попытки разделить национализм на «плохой» и «хороший». «Плохим» национализмом считается тот, который идет «сверху» и выражается в навязывании воли большой нации другим, менее крупным национальным образованиям. На политическом языке это называется шовинизмом. А под «хорошим» национализмом понимается идеология национального освобождения, борьба за национальную независимость.

Противоречие подобных трактовок национализма в том, что идеология, оправдывающая господство одних наций над другими, не может считаться идеологией движения за национальную независимость. И национализм всегда остается национализмом, если в его идеологии сохраняются представления о неравенстве, с доминированием одних наций над другими. Такая «освободительная» война основывается на принципе: сегодня вы над нами, завтра — под нами. При реализации этого принципа «белый» расизм в Европе и Америке превращается в «черный» в Африке. А русское население в некоторых бывших республиках СССР становится притесняемым меньшинством.

На основании сказанного содержательное определение понятия «национализм» в сопоставлении с понятием «патриотизм» можно сформулировать двумя способами.

Во-первых, национализм как доминанта национального самосознания может означать установку идентифицировать себя с определенной нацией или другой общностью, ставя ее по ту сторону добра и зла, признавая единственную обязанность — продвигать ее интересы, а также обеспечивать для нее больше власти и больше престижа (установка на расширяющуюся экспансию своей группы и культуры). То есть национализм, как и этноцентризм, — явление широкого социального плана, корни которого могут иметь не только этническую, но иную природу — политическую, идеологическую, религиозную.

Во-вторых, национализм многими авторами определяется как самоидентификация со своей нацией, осознание общности со своим национальным целым и естественная любовь к своему Отечеству с одновременным уважением и признанием права на национальную самобытность других национальных сообществ.

Именно на основе этих двух подходов к определению национализма следует разграничивать понятия национализма, шовинизма и патриотизма, отражающие определенные формы национального сознания, но формы, различные по своим содержанию, проявлениям и последствиям.

В этой связи необходимо отметить, что в современной отечественной литературе и в массовом сознании «национализм» употребляется в значении, предельно близком к понятию «шовинизм» [1; 6]. Между тем в отечественной литературе 1920-х годов (см., например, [15]) и в современной зарубежной научной литературе рас-

пространена другая трактовка национализма. В западных социологических исследованиях используется пять индикаторов национализма: чувство национальной гордости, но не исключительности; степень доверия к своей национальной армии; готовность защищать свою страну в случае войны; отношение к национально-государственным символам — флагу, гимну; чувство принадлежности к определенному сообществу (этническому, суперэтническому, т. е. объединяющему группу этносов) [1]. В таком понимании «национализм» становится синонимичным понятию «патриотизм», отражает осознание общности с национальным целым и исключает утверждение привилегированного положения одной нации среди других.

Национализм и патриотизм имеют общий исходный пункт — преданность и привязанность к своей социальной общности (этнической, национальной или какой-либо другой). Но затем в зависимости от того, как эта преданность воспринимается и реализуется в конкретных действиях, развиваются две системы социально-психологических установок, которые совершенно по-разному предопределяют характер отношений между людьми как представителями различных сообществ. В одном случае они строятся на основе взаимоуважения и равенства, в другом — определяются конфронтационностью, враждебностью, стремлением к превосходству.

Заключая краткий анализ вопроса о соотношении понятий, отражающих восприятие людьми своей принадлежности к той или иной общности и отношений между общностями, можно сказать следующее.

Родовым, основополагающим является понятие «этническое самосознание». В зависимости от того, как понимаются его содержание и смысл, рождаются два ряда производных понятий. В одном ряду — расизм, национализм в форме шовинизма и т. п. Для этого ряда характерны признание по тем или иным критериям неравенства человеческих сообществ и чувство превосходства «мы» над «другими», противопоставление их интересов и неизбежность жесткой конфронтации между ними на биологической, национальной, идеологической, политической и любой иной основе. Другой ряд включает такие понятия, как патриотизм и интернационализм. В их основе — признание самобытности и самоценности человеческих сообществ и в то же время осознание их права на существова-

ние без неизбежной конфронтации друг с другом. С такой концепцией общественных отношений естественно и логично сочетаются представления об общечеловеческих ценностях.

Итак, *патриотизм* — это одна из базовых составляющих национального самосознания народа, выражающаяся в чувстве любви, гордости и преданности своему Отечеству, его истории, культуре, традициям и быту, чувстве нравственного долга в его защите, а также в признании самобытности и самоценности других человеческих сообществ и в признании их права на самобытность и существование без конфронтации друг с другом.

Патриотизм — это чувство ценности и необходимости для жизни каждого человека его включения в большую индивидуальность народа и, с другой стороны, — инстинкт самосохранения народной индивидуальности и самобытности. Смысл и функция патриотизма — в объединении государства и сохранении нации как целостного единства (культурного, территориального, государственно-политического, экономического). Это духовная сила, приводящая в действие другие силы и средства, которыми поддерживается единство народа: язык, национальная культура, чувство исторической традиции и преемственности, национальные черты его религии, целостность и неприкосновенность территории. Поэтому угасание патриотизма (космополитизм) — самый верный признак кризиса социума, начала конца народа, а его искусственное разрушение — путь уничтожения народа.

Патриотизм — многогранное и многоаспектное явление, представляющее собой сложный комплекс свойств и характеристик, по-разному проявляющихся на *разных уровнях* социальной системы. На *уровне отдельного человека* патриотизм может быть рассмотрен как один из компонентов его *личностной подструктуры* и отнесен к области высших чувств и устойчивых личностных особенностей (ценностей, убеждений, норм поведения, критериев оценки социальных явлений). На *уровне макросоциума* — народа, общества — патриотизм выступает как *подструктура общественного сознания* (более точно — национального самосознания), включающая как спонтанно складывающиеся в общественной психологии, так и целенаправленно формируемые этнические стереотипы, чувства, настроения, отношения к своему народу и своей культуре, к другим социально-культурным общностям, национальные приоритеты, ценности и нормы.

Патриотическое воспитание должно учитывать и ориентироваться *на оба уровня функционирования патриотизма* как реального социально-психологического феномена.

Функции патриотизма и особенности патриотического воспитания в современных условиях

Основа патриотизма — преданность и привязанность к своей социально-культурной общности, воспринимаемой как расширенное пространство личного «Я». Патриотизм представляет высшее, духовное измерение в структуре психического мира человека: «Идея Родины предполагает в человеке живое начало духовности. Родина есть нечто от духа и для духа...», — писал известный русский философ И. А. Ильин [3]. Являясь творческим актом духовного самоопределения по отношению к своей культуре, своему народу, патриотизм проявляется в сыновей любви к Отечеству: «Патриотизм есть любовь; а не просто “предпочтение”, “склонность” или “привычка”» (там же). Будучи фактором интеграции, сохранения и поддержания нормального функционирования общества, патриотизм ориентирован на сохранение целостности народа как исторического социально-культурного образования, его интеграцию и обеспечение нормального функционирования и развития как суверенного субъекта исторического процесса во взаимодействии с другими народами.

Патриотизм как системообразующий фактор национального самосознания народа выполняет ряд функций. Выделим самые главные из них (подробнее см. [5]).

1. Будучи важнейшим внутренним резервом развития общества, духовной силой, приводящей в действие культурные потенциалы и возможности народа, консолидирующей его как единую социально-культурную общность, патриотизм выполняет *функцию объединения государства и сохранения нации как единого целого* (культурного, территориального, государственно-политического, экономического).

2. В качестве регулятора поведения, ориентированного на формирование готовности к охране и защите Отечества, его государственного суверенитета и национально-культурной самобытности от действия внешних деструктивных сил, патриотизм выполняет

функцию фактора обеспечения национальной безопасности страны в самом широком смысле слова, мобилизации народа в экстремальных ситуациях.

3. Патриотизм способствует укреплению духовной связи человека с его культурой, историей и тем самым обеспечивает историческую преемственность развития общества.

Таким образом, есть основания говорить об объективной необходимости и исторической важности воспитания патриотизма как условия существования, развития и продуктивного функционирования общества, усиления его культурно-созидательного потенциала, духовного развития составляющих его личностей, установления конструктивного взаимодействия между разными народами в рамках мирового сообщества.

Основной целью патриотического воспитания является организация системы целенаправленного воздействия, ориентированного на формирование патриотизма как свойства личности и как духовного состояния общества, элемента национального самосознания, характеризующегося приоритетностью национальных ценностей. Патриотические чувства закладываются в самом процессе жизни и бытия человека, осуществляющемся в рамках конкретной социокультурной среды жизнедеятельности. Люди с момента рождения инстинктивно, естественно и незаметно привыкают к окружающей их среде, к природе и культуре своей страны, к быту своего народа.

С другой стороны, патриотизм не исчерпывается отождествлением себя с одним из компонентов естественной для человека среды его обитания в отрыве от его духовного смысла — будь то территория, климатические условия, язык или привычный хозяйственно-бытовой уклад. Понятие «Родина» предполагает наличие определенной территории, климата, языка, но, взятые сами по себе, они еще не составляют Родину. Не определяется патриотизм и формальным гражданством человека: можно числиться гражданином страны, но не любить ее, не быть ее патриотом. Все указанное — лишь предпосылки для формирования патриотических чувств, но еще не сами эти чувства.

Патриотизм возникает там и тогда, где и когда человек усваивает указанные предпосылки, превращая их из внешних условий своего бытия во внутренние, глубинные побудители своего поведения и мировосприятия, в высшие, базовые личностные ценности. Любовь к Родине становится в этом случае одним из смыслообразую-

щих факторов жизнедеятельности человека. Таким образом, речь идет именно о высшем типе любви — любви духовной, включающей не только смутные ощущения комфорта, связанные с пребыванием в естественной для человека среде, но и осознание, прежде всего, ценностей и достоинств объекта своей любви, ориентирующих человека на их защиту, развитие и преумножение.

На нынешней стадии развития российского общества и мировой социально-экономической системы в целом при реализации программы патриотического воспитания следует учитывать конкретные реалии и новые тенденции, характеризующие состояние современного общества. При этом особое внимание должно быть уделено ряду важных составляющих сегодняшних условий воспитания патриотизма.

Прежде формированию патриотизма народа была подчинена мощная и скоординированная система образования, книгоиздательства, кино, учреждений культуры — библиотек, театров, музеев и т.д., — позволявшая достаточно эффективно решать задачи воспитания гражданско-патриотических чувств и настроений у членов общества. Ныне условия совершенно иные. Произошло разгосударствление СМИ, разных областей культуры и в значительной степени образования. *Снизилась не только объемы финансирования учреждений и организаций сферы духовной жизни, но и возможности влияния государства на развитие духовных и нравственных ресурсов общества.*

В этих условиях исключительно важное значение приобретает ориентация всей системы образования, книгоиздательства, кино, учреждений культуры, средств массовой информации на формирование позитивного отношения населения к отечественной истории. *Без этого невозможно решение задачи подлинно государственной важности — консолидации российского общества на единой духовной основе.*

Главными каналами формирования исторического сознания народа и патриотизма в настоящее время являются средства массовой коммуникации и система образования. В каком же состоянии находятся эти каналы воздействия?

Значительные возможности средств массовой коммуникации в воздействии на массовую аудиторию обуславливаются тем обстоятельством, что их содержанием охватывается весь спектр психологического воздействия в диапазоне от информирования, обучения,

убеждения и до манипуляции. Молодое поколение, мировосприятие которого складывается в изменившейся информационной среде, часто оказывается неспособным приобрести верные ориентиры в потоке сильно искаженной информации, передаваемой разными каналами СМИ. При существующем идеологическом вакууме чрезвычайная необъективность и противоречивость информационных потоков приводит к тому, что мировоззрение простых людей становится все менее цельным, подверженным манипуляции, воздействию пропаганды ложных идеалов и ценностей жизни [4].

С одной стороны, молодой человек в современной России находится в более или менее нравственной обстановке семьи, школы, вуза, с другой — на улице, в транспорте, в сфере развлечений и досуга он оказывается в совершенно иной атмосфере. Его окружает навязчивая, двусмысленная реклама, зачастую нарушающая нормы элементарной этики. Пропагандируется потребительско-бездарный образ жизни, связанный с потреблением алкоголя, пива, сигарет, сомнительных развлекательных услуг. Телевидение транслирует бесконечные сериалы о бандитах и мошенниках, вульгарные реалити-шоу (типа «Дом-2»), демонстрирующие паразитизм, безответственность, наблюдается нашествие сексуальной пропаганды, в том числе и гомосексуальной [12, с. 41].

В настоящее время СМИ выступают в качестве одного из основных социализирующих институтов, наиболее доступного и влиятельного механизма формирования личности. Телевизор для современного человека стал практически основным источником информации, познания окружающей действительности. По данным ряда специалистов, в среднестатистической российской семье телевизор работает до 7 часов в сутки [2]. Люди часто сами оценивают свою погруженность в СМИ как чрезмерную, иногда вредную. Проводимые исследования однозначно фиксируют, что значение и влияние книг, и особенно школьных учителей, упало именно в последние годы. Книгу все чаще заменяют компьютер и телевизор. В то же время за нравственный контроль над содержанием телепрограмм выступают около 80% опрошенных молодых людей. 59% молодых людей считают, что современные российские СМИ не способствуют формированию качеств гражданина и патриота. По их мнению, СМИ в первую очередь пропагандируют деньги (59%), а ценности семьи (22%), справедливости (8%) и веры (7%) — в последнюю очередь [11].

Таким образом, о средствах массовой коммуникации можно говорить как об институте, занимающем главенствующее место в системе формирования многочисленных процессов и аспектов жизнедеятельности современного общества, в том числе и его ценностной структуры, исторического сознания и патриотизма. Давать однозначную интегральную оценку роли информационных технологий в процессе социализации личности, формирования исторического сознания и ценностных ориентаций достаточно трудно. Но то, что их использование требует коренного пересмотра (в том числе на законодательном уровне), по-видимому, не вызывает сомнения.

В этой связи представляет особый интерес оценка влияния *системы образования* на формирование исторического сознания и воспитание патриотизма в стране на современном этапе. Многие специалисты, опираясь на исследовательские данные, утверждают, что сегодня ни школа, ни вуз не решают в полной мере проблемы формирования исторического мышления. Исторический процесс предстает перед школьниками нередко как набор дат, имен, событий. Это приводит к тому, что учащимся и студентам не удается проследить причинно-следственные связи в истории, понять закономерности исторического развития [8]. Опыт показывает, что недооценка государством роли управления формированием исторического сознания молодежи привела к резкому снижению уровня патриотических чувств, гражданской ответственности и в целом к дестабилизации социального развития государства. *Сегодня необходимо изменить подход к данной проблеме, превратив ее в объект внимания государственных и общественных структур, реализующих единую стратегию развития исторического сознания молодежи и воспитания патриотизма.*

Рассмотрим вопрос о влиянии содержания учебников истории, которые используются сегодня в средней школе для формирования исторического сознания детей и подростков.

Исследователи, опираясь на данные контент-анализа учебников истории (см., например, [8]), утверждают, что большинство из них могут быть названы учебниками только номинально. Часть учебников истории страдают алогичным изложением материала, другие содержат огромное количество фактических ошибок и недостоверных сведений. Абсолютному большинству из них присуща идеологическая заданность, из-за чего события и факты подаются

под определенным углом зрения. Существенным их недостатком является то, что они не дают возможности составить представление о логике исторического процесса, о движущих силах истории, т. е. не способны сформировать историческое мышление у школьной молодежи. В целом анализ содержания учебников, используемых сегодня в учебном процессе, показывает, что только некоторые из них адекватно и объективно описывают историю нашей страны и не содержат тенденциозных оценок исторических событий. Однако они не отвечают задачам формирования исторического сознания молодежи.

Патриотизм как сложное психологическое и социально-психологическое явление включает три аспекта — *когнитивный* (знания, представления), *эмотивный*, или *эмоциональный* (отношение, чувства), и *поведенческий* (готовность к действию, установка и непосредственные действия). В соответствии с этим задачи патриотического воспитания и основные условия его реализации целесообразно структурировать следующим образом.

В области *когнитивной* (т. е. в сфере передачи знаний молодому поколению) необходимо ориентировать систему образования и воспитания, средства массовой информации, пропагандистский аппарат государства на формирование у российских граждан знаний о героических страницах истории и богатейших культурных традициях России, о самоотверженной борьбе народа за сохранение суверенитета и государственной независимости страны, о подвигах наших патриотов-соотечественников как в прошлом, так и в настоящее время.

Школы, вузы, средние специальные учебные заведения, опираясь на соответствующие учебные пособия, на отечественную классическую литературу и искусство, призваны формировать у учащихся глубокие знания об истории и культуре России. В связи с этим необходимы проведение тщательной экспертизы учебников на предмет их соответствия задачам патриотического воспитания, использование разнообразных методов воздействия — информирования, убеждения, внушения, применение наиболее эффективных психолого-педагогических воспитательно-образовательных технологий.

Серьезной переориентации требует деятельность ведущих средств массовой информации, призванных решать задачи консолидации общества вокруг идеи развития и укрепления России,

пропагандировать образцы высоконравственного, духовного поведения, внедрять в сознание людей высшие ценности, в том числе патриотизм как идею любви к Родине и служения ей. Это предполагает одновременно критическое отношение к тем сторонам действительности, которые имеют деструктивный, разрушительный для социума характер. Целесообразно пресекать откровенно «антироссийские» программы, оскорбляющие чувства и унижающие достоинство народа.

При этом необходимо обеспечивать и реализовывать *принцип разнообразия*. Россия — многонациональная и многоконфессиональная страна с коллективистским типом культуры, в отличие от развитых западных стран с индивидуалистским типом культуры. В этой связи в наших условиях на современном этапе, по-видимому, следует говорить о *государственно-культурном патриотизме и, соответственно, воспитании*. Под этим имеются в виду, с одной стороны, — любовь и преданность своему многонациональному Отечеству, олицетворяемому федеративным государством, которое на общегосударственном уровне отстаивает и защищает национальные интересы (экономические, политические, безопасности) и культурную самобытность всех народов нашей страны как целостного российского суперэтноса, с другой — сохранение культурной самобытности каждого этноса, входящего в состав российского государства.

Система патриотического воспитания в равной степени должна быть приемлема как для атеистов, так и для верующих граждан. Большую роль в духовном возрождении России, в утверждении в общественном сознании идей государственности и патриотизма играют традиционные религиозные конфессии, способствующие развитию и утверждению в обществе нравственных идеалов и общечеловеческих ценностей, рассматривающие служение Родине как высший духовный долг и предназначение человека. Современная ситуация с состоянием национального самосознания народа характеризуется глубоким разрывом с многовековой историей страны: около четырех поколений граждан жили в условиях воинствующего атеизма и отрицания духовно-нравственных, в том числе и религиозных, ценностей, связанных с тысячелетним бытием и самосознанием своего Отечества. Восстановить церковь в ее исконной функции — важного воспитательного и социально-го ресурса общества [14], источника его консолидации — значит

сделать важные шаги по развитию патриотических начал в самосознании народа. С этой точки зрения целесообразны разработка и введение в образовательные программы дисциплины, условно называемой «История традиционных религий России». Она должна в числе прочего предусматривать и знакомство подрастающего поколения с наиболее известными деструктивными религиозными культами, с разъяснением их разрушительного влияния на духовное и физическое здоровье человека. Введение подобной дисциплины и методология ее преподавания выполняли бы две основные функции: с одной стороны, восстановление связи с тысячелетним духовно-историческим бытием страны и культуры, преодоление разрыва в исторической памяти и национальном самосознании народа, с другой — охранную функцию защиты личности от деструктивного влияния тоталитарных сект и культов, наводнивших нашу страну и оказывающих разрушительное влияние на духовное развитие и физическое здоровье человека. Несмотря на видимое возрождение традиционных для России конфессий — православия и ислама — в подавляющей массе население страны продолжает оставаться «атеизированным», «религиозно безграмотным». Мы являемся свидетелями духовной экспансии невиданной силы и масштаба со стороны конфессий и религиозных объединений, нетрадиционных для наших культурно-исторических реалий (католических, протестантских, сектантских разного толка и направлений). Именно этими причинами диктуется необходимость введения подобной дисциплины в общегосударственном масштабе. Естественно, разработка и реализация подобной программы должна осуществляться в равноправном и согласованном сотрудничестве представителей академической науки, педагогов и традиционных религиозных конфессий.

В области *эмоциональной* (т.е. в сфере формирования патриотических чувств населения страны), используя разные средства и методы воздействия, необходимо воспитывать у людей патриотические чувства — любовь к Родине, гордость за ее богатейшую, высокодуховную культуру и историческое прошлое, создавать оптимистические настроения относительно перспектив развития России и творческих созидательных возможностей российского народа.

Необходимо противодействовать в равной степени как идеям и чувствам национальной исключительности России, сугубо осо-

бого пути ее развития в отрыве от общецивилизационного движения, так и попыткам сформировать у наших людей *чувство вины за свое историческое прошлое*, за якобы имперский характер политики страны, внушению им мысли о культурной отсталости русского народа от «передовых» стран.

Как уже отмечалось, важно *восстановить связи духовного развития современного общества с историческим бытием страны*. Разрыв между разными историческими эпохами в развитии страны — досоветской, советской, постсоветской, — созданный в сознании людей искусственно, обуславливает частичную идентификацию себя лишь с одним из фрагментов истории страны, с тем или иным аспектом отечественной культуры. Такое положение ведет к возникновению конфликтности в сознании людей, формирует *стойкие эмоциональные состояния неудовлетворенности и ущербности* в восприятии своей истории, обедняет их историческое мировосприятие, уменьшает базис развития национального самосознания. Образно выражаясь, как нельзя любить свою мать осенью и зимой и ненавидеть ее весной и летом, так и невозможно быть патриотом своей Родины, любя лишь один период ее истории и ненавидя, отвергая или не зная других.

Крушение ценностей и идеалов социализма для многих людей стало почвой для «разочарования» в своем Отечестве. Не только молодые, но и старшие поколения оказались не связанными кровно с историческим бытием и самосознанием своей страны — бытием и самосознанием, которые по своей общечеловеческой ценности не уступают истории и культуре любой другой страны. В результате в настоящий период в подавляющей массе граждане страны дезориентированы в духовно-ценностном аспекте: имеют место размытость и неопределенность национального самосознания и национальной самоидентификации; распространены настроения и мнения о «ненормальности», «нецивилизованности» и «некультурности» России, о необходимости «учиться и жить, и мыслить» у западных стран; внушается идея о связи исторических перспектив развития России с ее вступлением в «цивилизованный мир». Важно помочь людям осознать единство и одновременно многообразие исторического прошлого России, преемственность культурных традиций, их безусловную ценность как основания развития современной культурной и общественно-государственной жизни.

В *поведенческой* сфере (т. е. в области формирования готовности людей действовать в соответствии с патриотическими чувствами) следует воспитывать у людей общественно ориентированные формы поведения, готовность принимать во внимание не только личные интересы, но и интересы общества, государства, отстаивать и защищать их как свои собственные. Способность действовать, руководствуясь надличностными, общественно значимыми целями и ценностями — критерий сформированности патриотизма как устойчивой подструктуры личности, мировоззрения и морального регулятора поведения.

* * *

Говоря о тенденциях развития российского общества в контексте современных цивилизационных процессов, необходимо выделить те трудности, которые возникают на пути реализации воспитания патриотичности общества и личности. К их числу относится, прежде всего, усиление политики глобализации, одним из аспектов которой является создание однополярного мира, в том числе и в сфере культурно-идеологической жизни. Искусственное внедрение в сознание людей чуждых нашей культуре ценностей, стремление унифицировать народы, подчинить их неким наднациональным целям, нивелировать их самобытность — это реалии современного глобализирующегося мира.

Противостоять этому может, в первую очередь, целенаправленная национальная политика государства, объединяющая и консолидирующая все здоровые силы общества.

История развития любого общества формирует национальное сознание и делает нацию, национализм и так или иначе понимаемый патриотизм одной из сознательных движущих сил человеческой, и в частности политической, деятельности людей. Чтобы оценить значение идей о патриотизме и национализме в общественном сознании и потенциальные последствия их распространения, эти идеи необходимо рассматривать в *конкретном историческом контексте*. Следует, прежде всего, прояснить, *какие социальные силы формируют содержание национализма и патриотизма*. Всякий конкретный вид национализма и патриотизма выступает в качестве *символа*. И право определять содержание этих символов оспаривается различными группами [6, с. 175].

В каком же современном контексте идет борьба групп за право контроля над символами «нация», «национализм», «патриотизм»? Современная Россия вовлечена в лавинообразный процесс переосмысления результатов поражения в «холодной войне», среди которых — разрушение государства, приход к власти этнократических элит в новых государствах, пересмотр границ, перераспределение ресурсов и собственности.

В национальных республиках на постсоветском пространстве этноэлиты конструируют образ нации (и соответствующее понимание патриотизма), наполняя его содержанием, отражающим интересы титульных наций в ущерб остальным. В России на федеральном уровне ситуация совершенно противоположная. Под лозунгом защиты прав народов и прав личности формируется *образ многополюсной фрагментированной нации*. Такие понятия, как «титульная нация», «государствообразующий этнос», «базовая культура», «пропорциональное представительство во властных структурах», «этническое ядро», «коренные и некоренные народы», в целом исключены из политического лексикона и употребления. Сам энтоним «русские» либо вообще не употребляется (его нет в Конституции РФ), либо употребляется с оглядкой и чаще всего заменяется другим «этнонейтральным» определением — «русскоязычные».

Такая политика властных элит России связана с закреплением в общественном сознании народа идей индивидуализма и приоритета личных интересов над общественными. Это выражается в ориентации на утверждение и формирование в России принципов либерально-демократического устройства, которые малосовместимы с ценностями и традициями, присущими тысячелетней культуре России. Поэтому насаждение сверху либерально-демократических принципов на российской культурной почве в исторической перспективе представляется тупиковым вариантом нашего государственного развития. В этой связи становится весьма проблематичным воспитание патриотизма в современной России в отрыве от собственной истории и культуры.

Здесь уместно привести мнение отечественного философа И. Б. Орловой: «В России контроль над символом “нация” и его значениями принадлежит сегодня антинациональной элите, не заинтересованной в сильной единой России, организующей “дрейф” страны к Западу, во власть глобальных управленцев... Изъять на-

циональные богатства у народа, имеющего устойчивую идентичность, сознающего свои национальные интересы и гордящегося своей историей, — сложно. Совсем другое дело, если надэтнический синтез раздроблен, фрагментирован, если идентичность самого многочисленного, государствообразующего народа — русских, ослаблена, если в народе культивируется чувство неуверенности, ущемленности, стыда; если ему внушается, что именно он ответствен за якобы “мрачное” прошлое страны. Вся история страны трактуется как череда отрицаний. Каждый последующий этап строится на оболгании, оглуплении и обесценивании периода предыдущего. Сбрасываются с пьедесталов одни герои, на их место временно возносятся другие. Уничтожаются целые социальные слои — носители культуры, традиций, духа народа. Нарушается преемственность как социально-историческая основа целостности культуры и прочности государства» [6, с. 176].

Пространство России пока еще объединяют русский язык и русская культура. Но их уязвимость перед вызовами глобализации заставляет задуматься: надолго ли сохранится устойчивость этого последнего оплота?

Управленческий слой в 1990-х годах получил возможность повышать свое благосостояние не за счет организации производства, а за счет захвата и перераспределения собственности. Новая российская элита должна формироваться из людей, способных к созидательной, а не перераспределенческой деятельности. Современная элита достигла объективного предела своей компетенции — она не способна к принципиальному изменению подходов в управлении государством и корпорациями. Нужна смена менталитета элиты, связанная не просто с ужесточением государственной политики, а с переходом от неуважения к труду и заискивающего преклонения перед западным обществом потребления к приоритетам развития национально ориентированного капитала. Формирование национально ориентированной элиты, патриотических настроений интеллигенции и создание национально ориентированного капитала — важнейшая задача формирования единого патриотического общества.

В области идеологии с началом перестройки (М. Горбачёв, Б. Ельцин, Е. Гайдар и др.) насаждались индивидуалистические настроения и установки, культ власти и денег, не отвечающие менталитету народа, его многовековым традициям и противоречащие формированию высших духовных ценностей.

Особая роль государства состоит в защите главного ресурса общества — народа, его состояния и жизни. В целом действия властных структур, не воспринимаемые большинством людей как способствующие их жизненному благополучию, формируют у народа негативные настроения и ослабляют единство общества.

Ответственное отношение к решению проблем патриотического воспитания российского общества на современном этапе предполагает серьезный анализ идейно-политических и социально-психологических аспектов жизни социума как необходимое условие перспективного планирования и организации идейно-воспитательной работы.

Литература

1. *Доган М.* Угасание национализма в Западной Европе // Социологические исследования. 1993. № 3.
2. *Дроздов А. Ю.* Агрессивное телевидение: социально-психологический анализ феномена // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 62–64.
3. *Ильин И. А.* Наши задачи: историческая судьба и будущее России. Т. 1–2. М., 1992.
4. *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. М., 2000.
5. *Кольцова В. А., Соснин В. А.* Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 4. С. 89–97.
6. *Орлова И. Б.* Всероссийская перепись: цифры и комментарии // Наш современник. 2004. № 8. С. 163–176.
7. *Орлова Л. Я.* Патриотизм и историческая память. URL: <http://www.vestnik.info.ru/ntv/12.9.6.pdf>
8. *Пуяттина Т. П.* Формирование исторического сознания школьной молодежи в условиях трансформации российского общества: дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.
9. *Роцин С. К.* Проблема этноцентризма: теория и политическая действительность XX века // Расы и народы (современные этнические и расовые проблемы). № 23. М., 1993. С. 59–104.
10. *Роцин С. К., Соснин В. А.* Психологическая безопасность: новый подход к безопасности личности, общества и государства // Российский мониторинг. 1995. № 6.
11. *Семёнов В. Е.* СМИ и молодежь: социально-психологический анализ // Вестник политической психологии. 2004. № 1. С. 62–64.

12. Семёнов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 37–43.
13. Соснин В. А. Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 1. С. 50–60.
14. Соснин В. А. Психология религии: американский опыт // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 2. С. 118–127.
15. Трубецкой Н. С. Европа и человечество. М., 1993.
16. Le Wine R. A., Campbell D. T. Ethnocentrism: theories of conflict, ethnic attitudes and group behavior, N. Y., 1972.
17. Metraux A. Darwinism social // The Encyclopedic Dictionary of Psychology. Oxford, 1983. P. 137–138.

А. А. Русалинова

ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ ИДЕОЛОГИИ И МЕНТАЛИТЕТА РУКОВОДИТЕЛЕЙ НА КАЧЕСТВО ПРИНИМАЕМЫХ РЕШЕНИЙ

На современном этапе радикальных социально-экономических преобразований, которые продолжает переживать наша страна, государственные власти официально провозглашают основной целью развития нашего общества создание «социального» государства. В этих условиях приобретает особую актуальность ***проблема качества социального управления***, от которого зависит его результативность. Решение этой проблемы возможно только при наличии системы критериев и параметров его оценки. При этом качество социального управления на уровне государства в целом можно оценить только на основе предварительного осуществления дифференцированной оценки качества управления каждой из сфер жизнедеятельности общества, в первую очередь социальной сферы и ее отдельных составляющих, поскольку каждая из них специфична и ***имеет тенденции развиваться по своим собственным законам***.

В то же время комплексный социологический и социально-психологический анализ реальных процессов социального управления современным российским государством позволяет выделить несколько общих факторов, оказывающих значимое влияние на качество социального управления, которые обычно выпадают из зоны внимания исследователей. В данной статье на примере реформы системы образования предполагается рассмотреть три таких фактора.

Первым из этих факторов, на наш взгляд, выступает ***исходная идеологическая платформа***, содержание и характер которой обуславливают концептуальный подход руководителей системы социального управления. Определенная идеологическая концепция

всегда лежит в основе государственного уклада, социальной политики и организации всей социальной жизни любого государства. Хотя при разрушении советского государства и в начале проведения социально-экономических преобразований был объявлен лозунг деидеологизации нового государственного образования, отказ от идеологии — это тоже идеология. К сожалению, за лозунгом отказа от идеологии обычно скрывается либо просто полная неясность представлений самих управителей о конечных целях проводимых реформ, либо преднамеренное сокрытие истинных, как правило, корыстных клановых целей (либо и то и другое).

Идеологическая платформа современного руководства российского государства представляет собой внутренне противоречивое сочетание лозунга создания «социального государства» и опоры на «рыночную экономику», на принципы самоокупаемости и прибыльности всех сфер жизнедеятельности общества. Попытка в 1990-е годы реализовать тотальное одномоментное внедрение рыночной экономики на основе введения частной собственности убедительно доказала невозможность для большинства сегментов социальной сферы жизнедеятельности общества существовать и развиваться одновременно на обоих принципах. Более того, заранее не просчитанная и организационно не продуманная приватизация практически обрекла отечественную реальную экономику на почти полный развал и расхищение, за которые никто не понес ответственности и последствия которых мы до сих пор ощущаем.

Этот горький опыт развенчал миф о том, что базисом развития общества является экономика, а идеология всего-навсего представляет собой одну из «надстроек» над экономикой. Наоборот, экономика строится на базе определенной идеологии, которая задает цели и экономике, и всему социальному развитию общества; именно она лежит в основе целеполагания в этом процессе. Фактически именно идеология, положенная в основу организации определенного общества, в первую очередь определяет качество социального управления. Сама же идеология практически реализуется в официальном законодательстве, в котором четко должны быть прописаны не только конечные цели, но и организационные механизмы их реализации, т.е. система социальных институтов, призванных обеспечивать их достижение.

Идеологические взгляды современных руководителей отечественной системы высшего образования проявляются, прежде

всего, в полном отрицании идеалов и принципов социализма, а также любых достижений советского периода развития нашей страны в социальной сфере. Жесткой критике и отрицанию правомерности сохранения ее лучших традиций подверглась и советская система высшего образования. Главный аргумент в этой критике: мы выучили слишком много инженеров, нам столько было не нужно. Конечно, если разрушить всю отечественную промышленность, то, действительно, подготовленные в советское время инженеры оказываются невостребованными. Другой вопрос — а не было ли преступлением уничтожение этой промышленности, которая при всех своих недостатках все-таки выпускала необходимые населению товары, которые сейчас мы втридорога завозим из-за границы?

Совершеннейшая несостоятельность данного, безусловно идеологизированного аргумента в настоящее время подтверждается дефицитом молодых инженерных кадров во многих областях реальной экономики. Этот дефицит связан вовсе не с недостаточно высоким качеством их подготовки в вузах, а с тем, что ни оплата труда, ни статус инженера на производстве в современном российском обществе новое поколение специалистов не устраивает. В то же время достижения советского и даже постсоветского времени в высшем образовании подтверждаются тем, что наши специалисты до сих пор оказываются достаточно конкурентоспособными на внешнем рынке. Иначе откуда взялась бы проблема «утечки мозгов» из нашей страны, которая весьма отчетливо осознается обществом как серьезнейшая недоработка с ценнейшими кадрами? ***Но дело здесь не в недостатках высшего образования, а в недостатках системы работы с кадрами на предприятиях и в организациях после окончания вуза, в реальной экономике,*** не создающей должных условий для реализации их потенциала и поддержания их чувства собственного достоинства.

Советская система высшего образования имела свои определенные преимущества по сравнению с другими мировыми образовательными системами. Главным из этих преимуществ была именно логическая целостность, системность и комплексность подбора учебных предметов по каждому из направлений профессиональной подготовки квалифицированных специалистов. Эта система предусматривала не только достаточно полный набор изучаемых дисциплин и их взаимосвязанность, но и развитие отно-

сительно широкого общего кругозора, обеспечивающего, на первый взгляд, даже некоторую избыточность знаний. (Отмеченные достоинства советской образовательной системы в известной мере сохранились и в нынешней российской системе образования.) В то же время психологи, изучающие склонность людей к творчеству, креативность, отмечают исключительную важность для ее развития именно способности притягивать к себе **избыточную информацию** в самых различных областях знаний и сферах жизнедеятельности человека. Поэтому не случайно выпускники отечественных вузов достаточно быстро и успешно адаптируются за рубежом: оказывается, наша столь рьяно критикуемая система подготовки специалистов изготавливает вполне конкурентоспособный продукт! И этот продукт оплачивается за рубежом гораздо выше, чем в своей родной стране. Но это не вина нашей системы высшего образования...

Идеологическая несостоятельность современной реформы образования проявляется также в отказе от гуманистической направленности социального управления в пользу чисто рыночного отношения к человеку в обществе как к возможному социальному капиталу, будущему источнику экономической прибыли. Эта идеологическая позиция проявляется прежде всего в стремлении подчинить действия участников образовательного процесса (как преподавателей, так и обучающихся) тотальному контролю на всех этапах. Подобный тотальный контроль выражает полное недоверие управленческих структур как к компетентности и честности преподавателей, так и к добросовестности учащихся, а на практике приводит к максимальному отчуждению субъектов образовательного процесса друг от друга.

Второй фактор, приводящий к ошибкам в решении проблем совершенствования высшего образования, связан уже с *неверностью общего методолого-теоретического подхода* и с *полной педагогической неграмотностью* тех людей, которые допущены к командным высотам в сфере государственного управления системой образования, в том числе с незнанием ими мировой истории развития образовательных систем и законов саморазвития этого сегмента социальной жизни общества.

На протяжении всей истории развития человечества проблема отставания высшего образования от требований жизни никогда не снималась с повестки дня, и всегда любую систему высшего образо-

вания современники обвиняли в подобном отставании. Именно это обвинение предъявляется отечественными «реформаторами» к нашей современной высшей школе. С ним нельзя не согласиться, хотя бы частично, но навязываемые «сверху» пути преодоления этого отставания несостоятельны не только идеологически, но также методологически и теоретически.

Ошибочность теоретико-методологического подхода к решению проблем совершенствования системы высшего образования проявляется в установках на гарантированное получение сразу по окончании вуза готового для работы в новых условиях специалиста. С этой целью в некоторых вузах даже разрабатывается перечень нескольких десятков «компетенций», которыми должен обладать выпускник в результате обучения (или даже в результате изучения какой-либо отдельной учебной дисциплины).

«Рыночный» подход к необходимости подготовки специалистов, узко ограниченной пусть даже самыми современными профессиональными знаниями и навыками, не соответствует требованиям как технического, так и социального развития общества вообще, и современного общества в особенности. Необходимо также учитывать высокодинамичный характер рыночного спроса к компетенциям специалиста, в силу которого этот спрос предъявляет требования не столько к конкретному объему и содержанию определенных знаний, сколько к способности человека «учиться на ходу», осваивать новые знания непосредственно в процессе их возникновения. Планируемая и проводимая реформа никак не направлена на решение этой задачи. Те «компетенции», которые мы искусственно придумываем для выпускников вузов сегодня, могут быть совершенно недостаточными завтра.

Некоторые наиболее рьяные идеологи реформ даже требуют, чтобы новая система высшего образования работала на принципе «упреждения потребностей жизни» (читай «рынка»). При выдвижении подобного требования чувство реальности у его авторов теряется полностью: еще никто никогда не сумел предвидеть, какие знания и на каком уровне понадобятся будущему выпускнику вуза; и это происходит потому, что *сами эти знания еще не родились*, они точно так же, как и студенты, находятся в процессе своего развития.

При этом, во-первых, никаких универсальных объективных критериев для оценки уровня освоения предписываемых вы-

пускнику вуза «компетенций» никто дать не может, равно как и указать на конкретные методы их формирования посредством преподавания отдельной учебной дисциплины, гарантирующие стопроцентный успех. Весь процесс образования — это вероятностный, стохастический процесс, результат которого непредсказуем прежде всего потому, что мы не можем сегодня конкретно определить будущие потребности пресловутого рынка вообще, равно как и предвидеть содержание и структуру конкретной профессиональной деятельности выпускника, подготовить его к определенному рабочему месту на конкретном предприятии (в организации).

Во-вторых, сфера образования тем и отличается от материального производства, что она дает не сиюминутный, а отсроченный результат, который может понадобиться и проявиться иногда через много лет после окончания вуза. Любой выпускник вуза будет проходить и периоды профессиональной и социально-психологической адаптации, и этапы освоения профессионального мастерства, а также должен будет совершенствовать свои знания и практические навыки в течение всей своей трудовой жизни. Немаловажное значение в процессе формирования специалиста имеют и индивидуальные личностные характеристики каждого человека; попытки подогнать под один стандарт их «компетенции», т. е. знания и умения, тем более их способности, обречены на полный провал. Таким образом, требования, предъявляемые нынешним руководством системы высшего образования к ее выпускникам, явно завышены и нереалистичны.

В то же время в мировой практике и представителями педагогики, и психологами в теории давно и многократно доказано, что главный результат высшего образования — получение *постоянно развивающегося и самосовершенствующегося специалиста*, способного даже радикально поменять свою профессию или дополнительно освоить другую, если в процессе жизни окажется, что он обладает более богатым потенциалом для успешной работы в другой профессии или если освоенная им профессия окажется не востребованной обществом. Профессионально необходимые качества современного специалиста в любой отрасли деятельности — высокая обучаемость и самообучаемость, мобильность, познавательная и деятельностная активность, психологическая готовность к любым видам труда, интеллектуальная и физиче-

ская выносливость. При этом важную роль играет формирование активной и устойчивой профессиональной мотивации: интереса к профессии, убежденности в ее важности и значимости, чувства преданности ей. Удовлетворение потребности общества именно в таких специалистах и должно стать «направлением главного удара» при реорганизации системы высшего образования. Если сложившаяся в стране система высшего образования не во всем удовлетворяет этому своему предназначению, то это связано с **недостаточным организационно-техническим и информационным обеспечением процесса обучения в вузе**, что требует специального анализа.

Третий фактор, определяющий недостаточно высокое качество управленческих решений, принимаемых в сфере отечественного высшего образования, — такая социально-психологическая особенность, как **менталитет управленческого аппарата**, сложившийся еще на высших уровнях советской системы социального управления. Этот менталитет пока что не стал предметом научного анализа, хотя он создает существенные реальные затруднения в развитии социальной сферы в государственном масштабе.

Можно выделить несколько характерных особенностей отечественного управленческого менталитета. Первый из них — **неправильная расстановка приоритетов в соотношении структуры и функций управления**. При реорганизации любого сегмента социальной сферы, как правило, не производится анализ причин невыполнения старой структурой ее функций, а только констатируется ее несостоятельность. Поэтому при разработке любых инноваций мы считаем необходимым в первую очередь сломать **старую структуру** управления и срочно заменить новой. Предполагается, что изменение структуры управленческих органов автоматически приведет к более успешной реализации предписываемых данным органам функций. Однако в работе любой организованной системы главным является не структура, а содержание работы, качество выполнения предписанных ей функций. При отсутствии внимания к совершенствованию **механизмов** эффективной реализации предписанных функций новые структуры через некоторое время также оказываются неэффективными.

На самом деле целей оптимизации управления социальными процессами следует добиваться не **ломкой, а созданием условий для максимально полной реализации функций** данной системы,

что можно сделать с гораздо меньшими финансовыми затратами, но с большей реальной эффективностью. Принцип «разрушим до основания, а затем...» давно дискредитировал себя, и в этом смысле опыт большевистских революционных преобразований должен был бы научить властные структуры сначала отмерить семь раз, а потом уж резать. Но нет — мы режем «на глазок», вообще ничего не измеряя, без каких-либо научных обоснований.

Вторая специфическая, притом неуничтожимая характеристика отечественного управленческого менталитета — упорное **сохранение принципа номенклатурности** при подборе и расстановке управленческих кадров: новые структуры образуются из все тех же старых управленческих кадров, сохраняющих привычный стиль управленческого мышления, в частности традиционный подход **авторитарного принятия шаблонных управленческих решений**. Необходимо отметить, что борьба против принципа номенклатурности, которую начинали вести демократы в конце 1980-х годов, потерпела в нашем новом обществе сокрушительное поражение: номенклатура оказалась непотопляемой основой сохранения российского управленческого менталитета. Последний яркий пример проявления этого принципа — перевод дискредитировавшего себя бывшего министра образования А. С. Фурсенко на должность советника Президента по высшему образованию...

Третья особенность управленческих традиций, получившая даже еще более широкое развитие в постсоветской России, — принцип семейственности и клановости при подборе руководящих кадров. В связи с действием этих принципов в новые управленческие структуры все чаще попадают непрофессионалы; будучи лично зависимыми в своей карьере от высшего руководства, они характеризуются более высокой управляемостью и поэтому удобны для вышестоящего руководства. Качество социального управления под влиянием этой тенденции, естественно, значительно ухудшается.

При управлении социальной сферой в менталитете руководителей государства сохраняются и другие атавизмы большевистской (не путать с коммунистической!) идеологии: как представители властных структур, так и политологи в определении судеб различных сегментов социальной жизни общества негласно исходят из чисто волюнтаристических предпосылок: внедрять в жизнь общества можно любые «нововведения», общество все перева-

рит. Поэтому государство позволяет себе принимать радикальные управленческие решения в сфере образования, явно ущемляющие права человека и противоречащие принципу создания равных возможностей, чему свидетельством является насильственное внедрение Болонской системы высшего образования, ЕГЭ, принятие постановлений о сокращении количества вузов и их государственного финансирования и т. д.

Четвертое проявление управленческого менталитета заключается в том, что латентным, скрытым мотивом насаждения на уровне всей страны предлагаемых инноваций является вовсе не их целесообразность, но чисто субъективный, психологический фактор — властями предержащими остро переживается необходимость *оправдать свое существование во власти* и показать, что они *работают* и не зря получают свое жалованье. Это поведенческая установка также является специфическим проявлением менталитета представителей властных структур: они боятся, что их управленческая активность без таких радикальных решений не будет заметна ни высшему начальству, ни населению...

Все эти издержки управленческого менталитета приводят к весьма негативным последствиям в системе образования: под влиянием этого субъективного фактора внимание управленцев переключается с разработки новых подходов к *содержанию* образования на *процессуальную сторону, в частности на технологию образовательного процесса*, что значительно легче реорганизовать, чем обеспечить его более высокую содержательность. Основной упор в реорганизации высшего образования в настоящее время приходится на так называемые «инновационные технологии», которые в руководящих документах превращаются в самоцель. Сущность и целесообразность предлагаемых технологий не подлежит обсуждению, они задаются «сверху», и никакие возражения ученых и педагогов во внимание не принимаются.

Между тем мировая педагогическая наука много веков назад определила, что ведущей стороной образовательного процесса всегда является его *содержание*, хотя сама организация, методика и процедуры, т. е. *технология* обучения, также имеют важное значение, поскольку они должны развивать мыслительные способности обучающихся, а не только накачивать их знаниями.

К чему же сводятся внедряемые в вузах «инновационные» технологии? Квинтэссенцией подобных технологий является Болон-

ская система обучения, сущность которой составляет прежде всего дробление целостной системы обучения по любому учебному предмету на отдельные структурные элементы, каждый из которых оценивается определенным количеством баллов. Процесс обучения максимально индивидуализируется и атомизируется: каждый студент сам выбирает, какие из элементов общей структуры процесса обучения по данному предмету он удостаивает своим вниманием и о процедурном выполнении заданий лишь по ним отчитывается перед преподавателем.

По каждому предмету устанавливается минимум баллов, необходимый для зачета, причем Болонская образовательная технология предполагает, что разные студенты могут набирать необходимый минимум баллов за счет различных разделов программы, но никакой системности при этом не предусматривается; единой целостной информационной базы для всех студентов эта система не обеспечивает. Контрольные (проверочные) задания в основном строятся по принципу так называемых тестов: студенту предлагается ряд конкретных вопросов, на каждый из которых необходимо выбрать один из готовых ответов. Развития связной логичной речи, целостного системного ответа по любым предметам, в том числе и по гуманитарным, не предполагается и не требуется. Обучение сводится к натаскиванию на минимальную сумму фактографических знаний. И все это называется «инновационной технологией».

Самое интересное заключается в том, что подобные попытки в истории отечественного высшего образования не новы: еще в 1970-е годы в отечественной педагогике активно муссировались идеи «программированного обучения». К счастью, в советское время к педагогам все-таки прислушивались, и «гуманитариям» удалось доказать, что философия, филология, социология, психология и другие социальные науки не могут быть алгоритмизированы, что внедрение контроля за результатами процесса обучения в виде проверочных «тестов» гарантирует только фрагментарность и отрывочность знаний студентов. При этом уже сейчас можно заметить у современных поколений студентов слабое развитие связной развернутой речи; их мышление становится все более конспективным, а знания — точечными и диффузными.

К негативным особенностям управленческого менталитета в сфере управления высшим образованием можно отнести также

сохранение и даже усиление тенденций применения крайне авторитарного стиля управления. Если в 1990-е годы, в начале социально-экономических реформ, был провозглашен лозунг развития демократии в образовании и поощрялись частные инициативы отдельных преподавателей и руководителей кафедр в модернизации учебных планов и программ, то последние годы активно внедряются спускаемые «сверху» **образовательные стандарты по каждой из специализаций.** При этом никто из руководителей Министерства образования не осознает, что принцип стандартизации образования на всех его уровнях находится в полном противоречии с принципом инновационного подхода к образовательным технологиям: **стандартизация образования на корню пресекает любую частную инициативу образовательных организаций и отдельных преподавателей,** что не может не снижать эффективности управления таким сегментом социальной сферы жизнедеятельности общества, как высшее образование.

Кроме того, внедрение новых образовательных технологий предполагает введение ряда жесточайших форм бюрократического контроля за деятельностью преподавателей: все они не только должны переделать по новым стандартам свои учебные планы и программы, но при этом планируется ввод в действие огромного количества разнообразной отчетной документации. Некоторые петербургские вузы уже верноподданнически выпустили в печать методические рекомендации по внедрению новых форм отчетности. Только сами такие формы занимают около 70 страниц! Заполнение предлагаемой документации, во-первых, требует от каждого преподавателя значительных затрат времени. А ведь конкретному преподавателю придется заполнять эти формы по трем-четырем (а то и более) учебным предметам, которые он преподает...

Помимо этого, внедрение подобной громоздкой системы отчетности переключает внимание преподавателя с процесса содержательной и методической подготовки к занятиям (в том числе и с разработки своих собственных инновационных технологий и практик преподавания) на процесс заполнения многочисленных форм, которые будут обязательными для всех работников высшей школы вплоть до профессоров и академиков. Все они будут поставлены под строжайший контроль специально выделенных чиновников. (Мой многолетний опыт педагогической деятельности, к сожалению, дает основания для вывода о том, что на посты чи-

новников чаще всего пробиваются далеко не лучшие преподаватели — лучшие получают удовлетворение от своей конкретной педагогической работы и не рвутся контролировать и поучать других, как им работать.)

Предполагаемые формы отчетности заранее обречены на их полную ненужность, *потому что никакого времени на чтение этих отчетов не хватит ни у кого из чиновников*. Зато уже формируется новая каста чиновников от образования — ведь их должности будут введены в каждом вузе. Следовательно, новая система предполагает мощный рост числа чиновников, которые будут иметь право судить тех, кто занимается конкретными процессами преподавания.

Основным результатом внедрения подобных «инноваций» в высшей школе становится потеря интереса к образовательному процессу и мотивации преподавательской деятельности в коллективах преподавателей высшей школы. Тем самым теряется и основа формирования творческих профессиональных объединений коллективов преподавателей, духовного объединения их усилий в совместной деятельности; преподавание становится сугубо индивидуальным рабским трудом, цель которого — не развитие творческого потенциала студентов, а элементарное выживание даже не в профессии, а просто в сфере оплачиваемого труда.

Конечно, некоторые зародыши этих традиций управленческого менталитета можно было бы отнести к издержкам советского периода развития нашей страны. Однако, судя по произведениям великих русских писателей, корни некоторых принципов, приемов и методов принятия управленческих решений, которые демонстрируются в настоящее время, были заложены в управленческих традициях российского государства задолго до революции 1917 года. Галерею ярких образов подобных управленцев создал М. Е. Салтыков-Щедрин в знаменитой «Истории города Глупова».

В целом рассмотренные особенности управленческого менталитета представителей государственной власти представляют собой не что иное, как систему защитных психологических реакций, связанных с профессиональной некомпетентностью и необходимостью защитить свой должностной статус, а также свое материальное и социальное благополучие. Все эти особенности существенно препятствуют поиску и принятию грамотных и рациональных управленческих решений в системе высшего образования.

Именно поэтому ход реформы этой системы продолжает вызывать серьезное противостояние общества и власти, а значит, требует детального анализа и оценки качества управления социальной сферой. Одним из важнейших условий эффективной разработки и осуществления реформы высшего образования представляется осознание обществом неотложности преодоления этих негативных тенденций управленческого менталитета, что, в свою очередь, обуславливает необходимость срочного созыва Всероссийской конференции руководителей и преподавателей отечественных вузов для обсуждения ситуации в системе высшего образования и нормализации процессов управления ее развитием.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ПРОБЛЕМ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Н. Шаров

ПЕТЕРБУРЖЦЫ-2012: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Наблюдаемый период в развитии современного российского общества можно охарактеризовать как время достаточно высокой адаптивности населения к сложившейся в обществе ситуации, но также и как время напряженных ожиданий и опасений, обусловленных как сравнительно низким уровнем жизни основной массы населения страны, так и ощущением «ненадежности» человеческого существования в этих условиях. Последнее вызвано, по всей вероятности, тем, что экономика в целом развивается однобоко, как сырьевая, постоянным оттоком капиталов за рубеж, общей невысокой экономической активностью в стране и некоторыми другими родственными факторами.

В нашем исследовании на материалах массового опроса мы прозондировали такие моменты, как степень удовлетворенности жизнью, доминирующие ценности, основные ожидания и озабоченности работающего населения Санкт-Петербурга и его отношение к будущему. Всего опрошено 604 человека, выборка квотно-случайная, опрос проводился в мае-июне 2012 года по анкете на бумажном носителе. В опросе приняли участие представители следующих социальных групп: рабочие промышленных предприятий (промышленные рабочие), работники сферы обслуживания, инженерно-технические работники (ИТР), гуманитарная интеллигенция, государственные служащие, служащие частных фирм, предприниматели. Все данные в статье в простых распределениях и таблицах приведены в процентах к числу опрошенных.

В качестве интегрального индикатора, характеризующего оценку человеком самого себя, своей жизни и всех жизненных обстоя-

тельств применялся часто используемый показатель общей удовлетворенности жизнью.

На вопрос «Удовлетворены ли Вы тем, как складывается Ваша жизнь?» получены следующие ответы:

- да, полностью удовлетворен(ена) 21,7%;
- скорее удовлетворен(ена), чем не удовлетворен(ена).... 46,0%;
- скорее не удовлетворен(ена), чем удовлетворен(ена).... 25,2%;
- полностью не удовлетворен(ена) ..... 6,8%.

Из приведенных данных видно, что две трети петербуржцев либо полностью удовлетворены, либо «скорее удовлетворены, чем не удовлетворены» тем, как складывается их жизнь. Доля же полностью не удовлетворенных жизнью невелика (6,8%). Это достаточно неожиданный результат, и он резко контрастирует с некоторыми данными, которые будут приведены ниже. Во всяком случае, он свидетельствует о выраженном балансе жизненных запросов горожан и уровня их достижения.

Таблица 1. Удовлетворенность жизнью различных групп работающих петербуржцев
(% от численности соответствующей группы опрошенных)

Категория работающих	Удовлетворены ли Вы тем, как складывается Ваша жизнь?			
	Да, полностью удовлетворен(ена)	Скорее удовлетворен(ена), чем не удовлетворен(ена)	Скорее не удовлетворен(ена), чем удовлетворен(ена)	Полностью не удовлетворен(ена)
Промышленные рабочие	18,5	40,3	26,9	14,3
Работники сферы обслуживания	19,5	36,8	33,3	10,3
ИТР	21,3	44,0	28,0	6,7
Гуманитарная интеллигенция	23,6	56,9	16,7	2,8
Государственные служащие	21,4	48,0	27,6	3,1
Служащие частных фирм	31,6	46,1	21,1	1,3
Предприниматели	18,7	56,0	20,0	5,3

Как можно видеть из табл. 1, наиболее высока доля тех, кто без оговорок удовлетворен тем, как складывается его жизнь, среди

служащих частных фирм. Наиболее низок этот показатель у рабочих промышленных предприятий и, как это ни покажется странным, — у предпринимателей. Если неудовлетворенность рабочих можно объяснить невысоким уровнем заработной платы, плохими условиями труда и другими подобными факторами, то низкая удовлетворенность предпринимателей обусловлена скорее общими условиями ведения бизнеса в городе, стране.

Представляет интерес тот факт, что общая удовлетворенность жизнью, включающая полную и по показателю «скорее удовлетворен(ена), чем не удовлетворен(ена)», наиболее высока у гуманитарной интеллигенции (80,5%); несколько ниже, но также высока она у предпринимателей и служащих частных фирм. И если для гуманитарной интеллигенции она обусловлена (при том невысоком, мягко говоря, уровне ее доходов), скорее всего, тем, что эти люди имеют возможность заниматься любимым делом, то для последних двух социальных групп имеет значение также и уровень материальной обеспеченности. Наиболее низка эта доля для промышленных рабочих (58,8%) и работников сферы обслуживания (56,3%).

Самый высокий процент тех, кто полностью не удовлетворен жизнью, выявлен среди рабочих промышленных предприятий и работников сферы обслуживания.

Заметную роль в оценке удовлетворенности жизнью играет уровень образования респондента (см. табл. 2).

Можно видеть, что здесь соблюдается прямая зависимость — чем выше уровень образования респондента, тем выше его удовлетворенность жизнью, и наоборот. Нужно отметить, правда, что общая доля удовлетворенных жизнью лиц с наиболее низким (общим и неполным средним) образованием, включающая как полную удовлетворенность, так и вариант «скорее удовлетворен(ена), чем не удовлетворен(ена)», достаточно велика и составляет 53,0%.

Ценности и ценностные векторы являются одним из основных индикаторов сознания и поведения человека, состояния конкретного общества в целом. Ценности выступают в качестве фактора, определяющего жизненные достижения, проблематизацию и оценку основных условий существования человека.

На вопрос «Что, по Вашему мнению, главное в жизни? (выберите только один пункт)» нами получены следующие ответы:

— хорошая работа, семья, дети 44,9%;

Таблица 2. Удовлетворенность жизнью различных групп петербуржцев с разным уровнем образования (% от численности соответствующей группы опрошенных)

Уровень образования	Удовлетворены ли Вы тем, как складывается Ваша жизнь?			
	Да, полностью удовлетворен(ена)	Скорее удовлетворен(ена), чем не удовлетворен(ена)	Скорее не удовлетворен(ена), чем удовлетворен(ена)	Полностью не удовлетворен(ена)
Общее среднее и неполное среднее	16,3	36,7	30,6	16,3
Среднее специальное	18,6	42,2	32,4	6,9
Высшее	25,6	51,9	18,9	3,7

- любовь близких, уважение окружающих, чувство собственного достоинства 29,8%;
- надо в жизни сделать что-то полезное, оставить после себя добрую память 7,1%;
- жизнь дается один раз, и надо прожить ее богато, красиво, и гори все огнем!..... 6,5%;
- да все равно, что будет, то будет..... 4,8%;
- не задумывался(-алась) над этим..... 6,6%.

Мы видим, что доминантными ценностями из предложенного списка являются семья, дети, хорошая работа. Речь идет, безусловно, о прочной семье и достаточно интересной и также достаточно хорошо оплачиваемой (не обязательно высокооплачиваемой) работе. На втором месте по значимости — ценность отношений с окружающими — «любовь близких, уважение окружающих, чувство собственного достоинства». Содержательно к ним примыкает также вариант «надо в жизни сделать что-то полезное, оставить после себя добрую память».

Напомним, что в ходе опроса разрешено было выбрать только один блок ценностей из списка. Таким образом, при анализе нужно иметь в виду, что респонденты в своих ответах отмечали лишь ведущую для себя ценность, хотя, безусловно, другие ценности также имеют для них какое-то (но не первостепенное!) значение.

Из приведенных данных видно, что три четверти ответов включают ориентацию на базовые жизненные ценности — работу, семью, детей, любовь близких, уважение окружающих, чувство собственного достоинства. Надо полагать, что большинство тех, кто выбрал первый вариант ответа, могли бы также выбрать и второй, и третий варианты — все они вместе составляют ядро ценностной матрицы в традиции российского общества. Другие ценности (включая «сделать что-то полезное, оставить после себя добрую память») резко уступают им по популярности. Жить «богато, красиво» в качестве ведущей для себя ценности указали лишь 6,5% опрошенных. Не особенно озабочены ценностями жизни чуть более 11%.

Итак, можно фиксировать, что подавляющее большинство опрошенных петербуржцев ориентированы прежде всего на традиционные ценности. По нашему мнению, данная ориентация определяет отношение к будущему, основные ожидания и озабоченности работающего населения Санкт-Петербурга.

Каково, однако, распределение ценностных ориентаций петербуржцев в зависимости от их принадлежности к той или иной социальной группе? Распределение их соответствующих предпочтений в зависимости от социальной принадлежности иллюстрируют данные табл. 3.

Согласно этим данным доминирующая для горожан ценность — хорошая работа, семья, дети — стоит на первом месте во всех социальных группах. Разница между максимальным значением (для гуманитарной интеллигенции) и минимальным (для предпринимателей) составляет менее 10%. Это свидетельствует о значимости для горожан традиции и о все еще сохраняющейся ценностной однородности общества. Хотя здесь речь идет только о петербургском обществе, можно предположить, что подобная тенденция имеет место в стране в целом: ценностные ориентации весьма инерционны. Картина сохраняется, если мы суммируем ценности семьи и работы, а также любви близких, уважения, собственного достоинства. При этом максимальное значение суммы этих показателей обнаружено у гуманитарной интеллигенции (81,7%), и это также можно связать с ее функцией быть своего рода хранителем духовного начала общества.

Все другие ценности из предложенного списка резко уступают первым двум по значимости: их предпочтительность за редким ис-

Таблица 3. Ценности различных групп работающих петербуржцев
(% от численности соответствующей группы опрошенных)

Категория работающих	Что, по Вашему мнению, главное в жизни?					
	Хорошая работа, семья, дети	Любовь близких, уважение окружающих, чувство собственного достоинства	Надо в жизни сделать что-то полезное, оставить после себя добрую память	Жизнь дается один раз, и надо прожить ее богато, красиво, и гори все огнем!	Да все равно, что будет, то будет	Не задумывался(лась) над этим
Промышленные рабочие	40,8	23,3	10,0	6,7	9,2	10,0
Работники сферы обслуживания	48,3	36,8	1,1	4,6	1,1	8,0
ИТР	45,3	30,7	2,7	5,3	5,3	10,7
Гуманитарная интеллигенция	49,3	32,4	14,1	2,8	—	1,4
Государственные служащие	49,0	30,6	7,1	3,1	4,1	6,1
Служащие частных фирм	44,0	26,7	8,0	14,7	4,0	2,7
Предприниматели	39,5	31,6	6,6	9,2	7,9	5,3

ключением не превышает 10-процентного рубежа. Тем не менее в нашей таблице только одна пустая ячейка: никто из представителей гуманитарной интеллигенции города не выбрал ответ «Да все равно, что будет, то будет»! Можно отметить также и то, что на общем фоне выделяется выбор варианта «Жизнь дается один раз, и надо прожить ее богато, красиво, и гори все огнем!». Его выбрали 14,7% служащих частных фирм и 9,2% предпринимателей. Весьма красноречивый результат.

Близкая по характеру картина была получена для зависимости выбора ценностей от уровня образования респондента (см. табл. 4).

Здесь следует обратить внимание разве лишь на то, что для лиц с общим полным и неполным средним образованием ценности хорошей работы, семьи, желания сделать в жизни что-то полезное, а равно и стремления «прожить богато, красиво» относительно менее значимы, чем для лиц с более высоким образованием. В то же время в этой группе оказалась наибольшая доля тех, кто «не задумывался над этим» и кому «все равно, что будет, то будет».

Что более всего заботит сегодня петербуржцев? Что, по их мнению, представляет наибольшую угрозу их жизни сегодня? Распре-

Таблица 4. Ценности различных по уровню образования групп петербуржцев
(% от численности соответствующей группы опрошенных)

Уровень образования	Что, по Вашему мнению, главное в жизни?					
	Хорошая работа, семья, дети	Любовь близких, уважение окружающих, чувство собственного достоинства	Надо в жизни сделать что-то полезное, оставить после себя добрую память	Жизнь дается один раз, и надо прожить ее богато, красиво, и гори все огнем!	Да все равно, что будет, то будет	Не задумывался(лась) над этим
Общее среднее и неполное среднее	40,8	28,6	3,1	4,1	10,2	13,3
Среднее специальное	44,4	28,3	8,8	8,8	3,9	5,9
Высшее	47,0	31,8	7,4	5,4	3,7	4,7

деление вариантов ответов приведено ниже (можно было отметить несколько пунктов, поэтому сумма ответов превышает 100%):

- остаться без работы, без заработка 29,8%;
- потерять то, что нажито с большим трудом 22,0%;
- то, что придется менять привычный образ жизни, планы на будущее 15,7%;
- может произойти такое, с чем я не смогу справиться .. 30,0%;
- стать жертвой теракта 19,7%;
- жизнь в постоянном напряжении, ожидании неприятностей..... 16,4%.

В ответах респондентов упоминаются и другие проблемы, которые беспокоят сегодня петербуржцев: будущее детей (внуков), молодежи вообще, уровень пенсионного обеспечения, здоровье (свое и близких), рост преступности, наркомании. Высказываются и такие пожелания, как необходимость «коренных изменений» в обществе, необходимость «сменить власть» и некоторые другие.

Как можно видеть, угроза «чисто материальных» возможных потерь («остаться без работы, без заработка» и «потерять то, что нажито с большим трудом») составляет более 50% ответов. Если иметь в виду, что речь не идет о каких-то необычных, особо больших накоплениях, имуществе, но об условиях и об имуществе, обеспечивающих обычный семейный достаток, то потери, о которых

идет речь, действительно жизненно важны и, естественно, должны вызывать тревогу за будущее.

В то же время наибольшее число опрошенных признало в качестве основной угрозы вариант «может произойти такое, с чем я не смогу справиться». К этому выбору примыкает выбор ответа «жизнь в постоянном напряжении, ожидании неприятностей». В сумме они также составляют почти половину опрошенных. Это значит, что такая, казалось бы, отвлеченная вещь, как неопределенность будущего, невозможность предвидеть его, является одним из основных факторов, обуславливающих озабоченности горожан. К этому можно приплюсовать также то, что каждый пятый из опрошенных петербуржцев озабочен возможностью стать жертвой теракта. По всей видимости, такая высокая доля опасений терактов обусловлена ситуацией, сложившейся на момент опроса, и рассматривать ее как устойчивый фактор нельзя, но само по себе это симптоматично. Все это свидетельствует о наличии напряженности в обществе, которую нельзя просто проигнорировать.

Показательно также то, что лишь 15,7% работающих петербуржцев боятся того, что придется менять привычный образ жизни, планы на будущее, что свидетельствует о достаточно адекватном восприятии перемен в нашем обществе, даже резких и неожиданных и, по крайней мере, вербальной готовности реагировать на них соответствующим образом.

Распределение ответов на вопрос «Что более всего Вас заботит? Что представляет наибольшую угрозу в Вашей жизни сегодня?» в зависимости от социальной принадлежности приведено в табл. 5.

Здесь обнаруживаются следующие тенденции. Одна из двух наиболее значимых негативных перспектив для петербуржцев — потерять работу. Эта угроза важна потому, что касается наиболее массовых социальных групп — лиц наемного труда. При этом чаще других эту угрозу для себя отмечают представители гуманитарной интеллигенции, одной из самых низкооплачиваемых социальных групп в обществе. К ним по критерию угрозы потерять работу приближаются ИТР. Менее всего видят для себя угрозу потерять работу представители частного сектора — сами предприниматели, а также служащие частных фирм, что можно объяснить относительной устойчивостью экономической обстановки в России. Однако и здесь каждый четвертый не уверен, что все у него будет в порядке. В других группах положение также неблагоприятное:

Таблица 5. Проблемы, которые более всего заботят петербуржцев разных профессиональных групп (% от численности соответствующей группы опрошенных)

Категория работающих	Что более всего Вас заботит? Что представляет наибольшую угрозу в Вашей жизни?					
	Остаться без работы, без заработка	Потерять то, что нажито с большим трудом	То, что придется менять привычный образ жизни, планы на будущее	Может произойти такое, с чем я не смогу справиться	Стать жертвой теракта	Жизнь в постоянном напряжении, ожидании неприятностей
Промышленные рабочие	32,7	18,6	22,1	23,0	22,1	16,8
Работники сферы обслуживания	31,7	22,0	19,5	39,0	13,4	30,5
ИТР	40,3	27,8	9,7	40,3	18,1	11,1
Гуманитарная интеллигенция	53,9	21,9	15,6	32,8	29,7	15,6
Государственные служащие	33,7	25,3	14,7	29,5	21,1	11,6
Служащие частных фирм	23,5	27,9	22,1	33,8	20,6	16,2
Предприниматели	25,0	26,5	13,2	32,4	25,0	23,5

до трети и более рабочих, работников сферы обслуживания и государственных служащих ощущают потерю работы как реальную угрозу.

К этой угрозе примыкает опасность «потерять то, что нажито с большим трудом». Здесь не выявляется явных лидеров среди социальных групп. Можно лишь отметить, что меньше всего эту перспективу как угрозу ощущают представители наемного труда. Как говорится, «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей».

Однако на первом месте для работающих петербуржцев оказалась угроза того, что «может произойти такое, с чем я не смогу справиться». Эта угроза порождена непосредственно теми протекающими в нашем обществе социальными процессами, в результате которых массы людей оказываются «за бортом» новой экономики. Можно отметить, правда, что среди работников сферы обслуживания и ИТР таких людей несколько больше, чем в других группах.

По другим показателям, связанным с угрозами благополучию или даже самому существованию человека наблюдаются схожие

тенденции. Распределение ответов на те же вопросы не выявляет какой-либо зависимости оценки значимости различных угроз от уровня образования человека.

Каким видят будущее наши респонденты? Насколько приведенные выше оценки и настроения влияют на их ожидания? Мы можем хотя бы в ограниченном плане выяснить это из следующего распределения ответов на вопрос анкеты «Какие чувства в отношении своего будущего Вы испытываете в настоящий момент?»:

- я уверен, что со мной и с моими близкими все будет хорошо 34,4%;
- испытываю некоторую тревогу за свое будущее 49,2%;
- боюсь, что в будущем у меня будут большие неприятности..... 10,1%;
- испытываю страх перед будущим..... 5,8%.

Ответы на этот вопрос показывают, что, несмотря на высокий уровень негативных ожиданий и опасений, в целом будущее воспринимается петербуржцами отнюдь не в черных тонах: 83,6% опрошенных либо уверены, что с ними и с их близкими все будет хорошо, либо испытывают лишь некоторую тревогу за свое будущее. Исходя из приведенных выше данных об угрозах и опасениях, которые горожане испытывают сегодня, можно было бы ожидать более пессимистических оценок. В то же время ожидание крупных неприятностей, страх перед будущим испытывают 15,9% опрошенных. Это достаточно высокий процент, что все же должно вызвать озабоченность общества.

Насколько велика разница в оценке будущего для представителей различных социальных групп? Да и есть ли она?

Как можно видеть из данных, приведенных в табл. 6, по этому вопросу также наблюдаются различия между представителями основных социальных групп общества, и иногда эти различия весьма значительны. Так, наибольшую уверенность в своем будущем («я уверен(а), что со мной и с моими близкими все будет хорошо») демонстрируют, в первую очередь, две социальные группы: государственные служащие и служащие частных фирм, причем последние — еще и с заметным отрывом. Несколько менее оптимистичны представители ИТР и гуманитарной интеллигенции. Замыкают список промышленные рабочие, работники сферы обслуживания и предприниматели. Позиция этих групп, безусловно, объясняется (хотя и по-разному) тем, что в современном российском обществе

**Таблица 6. Уверенность в будущем у петербуржцев
разных профессиональных групп (% от численности
соответствующей группы опрошенных)**

Категория работающих	Какие чувства в отношении своего будущего Вы испытываете в настоящий момент?			
	Я уверен(а), что со мной и с моими близкими все будет хорошо	Испытываю некоторую тревогу за свое будущее	Боюсь, что в будущем у меня будут большие неприятности	Испытываю страх перед будущим
Промышленные рабочие	26,7	51,7	11,7	10,0
Работники сферы обслуживания	29,9	50,6	11,5	8,0
ИТР	36,5	41,9	14,9	6,8
Гуманитарная интеллигенция	37,5	56,9	2,8	2,8
Государственные служащие	40,2	46,4	9,3	4,1
Служащие частных фирм	46,1	50,0	3,9	
Предприниматели	29,3	48,0	16,0	6,7

не существует ощутимых гарантий устойчивости, необходимых для прогнозирования будущего.

Если же суммировать негативные ожидания (показатели «боюсь, что в будущем у меня будут большие неприятности» и «испытываю страх перед будущим»), можно обнаружить, что примерно пятая часть рабочих, работников сферы обслуживания, ИТР и предпринимателей ожидает либо крупных неприятностей, либо просто испытывает страх перед будущим. В несколько меньшей степени такие настроения присущи государственным служащим, и только гуманитарная интеллигенция и служащие частных фирм в этом смысле чувствуют себя в безопасности.

Таким образом, можно утверждать, что в петербургском обществе сегодня существует достаточно благоприятный баланс ожиданий и оценок реального положения дел. В то же время нельзя не отметить, что имеют место потенциал неудовлетворенности тем, как складывается жизнь, и наличие в общественном сознании пе-

тербуржцев довольно высокого уровня тревожности, вызываемого ощущением угрозы со стороны жизненных обстоятельств. Следует обратить внимание также на противоречивость некоторых из приведенных данных, что делает актуальными дальнейшие исследования проблемы.

По данным опроса, для подавляющего большинства петербуржцев характерны ориентации, прежде всего, на традиционные ценности (хорошая работа, семья, дети, любовь близких, уважение окружающих, чувство собственного достоинства). Этот вывод относится ко всем социальным группам населения города.

Данные показывают, что для петербуржцев актуальна угроза чисто материальных возможных потерь (остаться без работы, без заработка или потерять то, что нажито с большим трудом), что, естественно, вызывает тревогу за будущее. Еще более важно: основную массу людей беспокоит то, что может произойти такое, с чем они не смогут справиться, неопределенность будущего, а это обуславливает наличие напряженности в обществе, которая не имеет конкретной причины, экзистенциальна по своей природе и требует к себе особого внимания.

Тем не менее свое будущее петербуржцы видят отнюдь не в черных тонах. Большинство горожан уверены, что с ними и с их близкими все будет хорошо, или в крайнем случае испытывают лишь некоторую тревогу за свое будущее.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ

По какому пути пойдет Россия, насколько реальна ее трансформация из посттоталитарного государства в демократическое гражданское общество? Своеобразие планируемых и осуществляемых социально-экономических преобразований зависит как от прогрессивных изменений в законодательстве или типе власти, так и во многом от формирующейся идеологии или особенностей общественного сознания россиян. Социологические исследования, проводимые с середины 1990-х годов по настоящее время, показывают, что общественное сознание современной России не является однородным и имеет специфические особенности в различных социальных группах. Принято говорить о полиментальности современного российского общества. Достаточно четко обнаруживаются несколько существенно различающихся между собой менталитетов и соответствующих им типов поведения. Так, В.Е. Семёнов выделяет пять основных (советско-социалистический, западно ориентированный, православно-российский, криминально-групповой, стихийно-мозаичный) и ряд менее распространенных менталитетов, свойственных национально-этническим группам и другим религиозным конфессиям. Сравнение жизненных ценностей и поведенческих установок позволяют ему заключить, что «указанные менталитеты плохо совместимы между собой, и это неизбежно порождает противоречия, проявляется и в повседневном поведении, и в общении» [2, с. 7]. Неотложную задачу государства он видит «в выработке адекватных концепций и средств мирного цивилизованного сосуществования российских менталитетов» [3, с. 4].

Будут ли интегрированы различные менталитеты в некую непротиворечивую целостную структуру — российскую менталь-

ность — или ряд жизненных ценностей потеряет свою привлекательность и значимость, и тем самым сгладится часть противоречий, зависит как от объективных тенденций развития нашего государства, так и от субъективных приоритетов наиболее влиятельных социальных групп. Общество строят люди, и результат зависит от того, какими представлениями, ценностями, нормами морали они руководствуются. Особое значение, как нам представляется, имеет характер протекания процесса социализации подрастающих поколений. Важно понять, на какие жизненные ценности ориентируется современная молодежная интеллектуальная элита, так как от их выбора зависит будущее нашего государства. Какие факторы могут определять формирование их жизненных приоритетов, и можно ли оказывать влияние на этот процесс?

Как считает В. А. Ядов, анализ «ценностных ориентаций в структуре личности позволяет уловить наиболее общие социальные детерминанты мотивации поведения, истоки которых следует искать в социально-экономической природе общества, его морали, идеологии, культуре, в особенностях социально-группового сознания той среды, в которой формировалась социальная индивидуальность и где протекает повседневная жизнедеятельность человека» [4, с. 16]. Следовательно, тип общества, которое мы строим, можно описать на основе изучения системы доминирующих жизненных ценностей молодых людей, родившихся и повзрослевших в период реформирования российского государства. Те, кому сегодня 17 лет, родились и выросли в новой России и в процессе социализации освоили доминирующие в обществе ценности. В их ментальности отражаются новые тенденции идеологических ориентиров и формирующихся ценностей реформирующегося российского общества.

Еще в середине прошлого века один из крупнейших советских психологов Б. Г. Ананьев обратил внимание на то, что «имеется общий центр, в котором сходятся исследования социологов, социальных психологов и психологов. Этим общим центром являются ценностная ориентация групп и личности, общность целей деятельности, жизненная направленность или мотивация поведения людей» [1, с. 299–300]. Действительно, в системе осознанных отношений человека к внешнему миру сложнейшим образом интегрируются социальные и индивидуальные побудители деятельности.

Имеется богатая литература, посвященная изучению разнообразных состояний готовности личности к определенному спосо-

бу действий. Их называют по-разному — жизненная позиция, направленность интересов, социальные установки, доминирующая мотивация, ценностные ориентации и т. п. Как отмечал В. А. Ядов, «все это не что иное, как диспозиции личности — фиксированные в ее социальном опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия деятельности, а также действовать в этих условиях определенным образом» [4, с. 3]. Он показал, что диспозиции личности не хаотичны, но образуют систему. Высший уровень диспозиционной иерархии образуют ценностные ориентации человека, формирующие образ желаемого будущего. На основе иерархии жизненных ценностей выдвигаются цели, формируются поведенческие планы и программы, отбираются способы достижения этих целей, согласованные с представлениями о нормах поведения, которые человек рассматривает в качестве желательных или допустимых, выстраивается система поступков и формируется образ жизни личности.

Своеобразие становления индивидуального жизненного пути человека выражается в том, что цели, способы и средства его деятельности не содержатся в готовом виде в общечеловеческом опыте и не являются однозначными для всех. Каждый человек в силу своих индивидуальных свойств и особенностей социализации становится самостоятельным субъектом деятельности. Общество предоставляет спектр возможностей, и влияние собственно социально-средовых факторов на формирование мировоззрения личности изучено достаточно хорошо. До сих пор остается малоизученным, какие именно индивидуальные особенности человека и на каком этапе его развития оказывают значимое влияние на предпочтение и принятие тех или иных ценностей и формируют выбор им жизненного пути.

Цель настоящего исследования состояла в выявлении индивидуальных факторов, влияющих на формирование системы жизненных ценностей молодежи. Оно было проведено в марте 2008 года в одной из гимназий Санкт-Петербурга с углубленным изучением математики и иностранных языков, а также с расширенным курсом предметов культурно-эстетического цикла. В комплексном психологическом обследовании приняли участие учащиеся трех 11-х классов, всего 63 человека. Исследуемая выборка полностью однородна по возрастному и образовательному признакам, уравновешена по гендерному составу (30 юношей и 33 девушки), не

имеет значительных различий по социально-экономическим показателям уровня жизни (нет подростков из малообеспеченных и высокообеспеченных семей).

Психологическое обследование учащихся 11-х классов проводилось с использованием следующих методик: тест структуры интеллекта (Амтхауэр), личностный опросник Кеттелла (форма А, переработанная для старшеклассников Ясюковой), методика для изучения правового и гражданского сознания (Ясюкова), тест социального интеллекта, коммуникативных установок, самооценки (Фидлер—Ясюкова), методика жизненных ценностей (Ясюкова). Результаты представлены в таблицах 1–4. Цель исследования состояла в определении интеллектуальных и личностных особенностей подростков, влияющих на выбор того или иного жизненного пути. Анализировались также различия, связанные с гендером, чтобы выявить возможное влияние данного фактора на формирование жизненной позиции. Оценка достоверности межгрупповых различий проводилась с помощью критерия Стьюдента (t).

Для изучения жизненных ценностей старшеклассников была разработана специальная методика. Еще В. А. Ядов отмечал, что «решающее условие достоверной интерпретации ценностных структур — выделение системных “образов”, а не ранжирование списка ценностей и изолированное их рассмотрение» [4, с. 50]. Поэтому мы отошли от традиционно используемых анкет с перечнями ценностей, результатом которых являются те же перечни, но только записанные в порядке предпочтения респондентов, а задались целью создания методики, которая позволяла бы получать новую и более содержательную информацию.

Для разработки методики жизненных ценностей использовались данные исследований О. В. Белавиной и Л. А. Ясюковой, проводившиеся в 1996–2006 годах (общий объем выборки — около 500 человек). В этих исследованиях применялся переработанный вариант методики Рокича. На основе корреляционного анализа ранговых баллов, полученных при ранжировании старшеклассниками ценностей, были выделены шесть независимых плеяд. Можно предположить, что каждый выделенный комплекс взаимосвязанных ценностей представляет собой некую ментальную структуру, определяющую ту или иную жизненную позицию человека. Выделенные структуры были интерпретированы в зависимости от содержания вошедших в корреляционные плеяды ценностей:

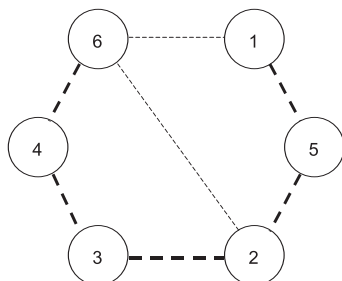

1) прагматические ценности (материально обеспеченная жизнь, трудолюбие, эффективность в делах, общественное признание, карьера, практичность, жизненная мудрость, здравый смысл); 2) гедонистически-эгоистические ценности (свобода, независимость, жизнерадостность, оптимизм, чувство юмора, везение, умение использовать случай, развлечения, приятное времяпровождение); 3) социально-культурные ценности (образованность, общая высокая культура, воспитанность, хорошие манеры, общительность, умение разбираться в людях, альтруизм, забота о всеобщем благе); 4) базовые человеческие ценности (здоровье, семья, друзья, любовь); 5) духовно-интеллектуальные ценности (интеллект, познание, творчество, реализация способностей, самосовершенствование, внутренняя гармония, духовность, общение с искусством, эстетическое развитие); 6) морально-волевые ценности (смелость, воля, целеустремленность, честность, принципиальность, чистая совесть, чувство долга, ответственность, верность слову, самоконтроль, дисциплина).

Разработанная методика прошла апробацию при обследовании 63 учащихся 11-х классов. Результат корреляционного анализа приведен на рис. 1. Значимые отрицательные связи между шестью обозначенными жизненными позициями указывают на то, что выбор одной из них приводит к подавлению других. Следовательно, выделенные комплексы жизненных ценностей не только независимы, но некоторые из них и антагонистичны, т.е. не могут быть реализованы параллельно и одновременно. Результаты корреляционного анализа позволяют предположить, что окончание школы — это период, когда происходит становление ментальности и выбор определенного жизненного пути.

Рис. 1. Характеристика взаимосвязей ценностных структур

(1 — прагматические ценности, 2 — гедонистически-эгоистические ценности, 3 — социально-культурные ценности, 4 — базовые человеческие ценности, 5 — духовно-интеллектуальные ценности, 6 — морально-волевые ценности; --- — отрицательная связь на уровне значимости 0,01; - - - — отрицательная связь на уровне значимости 0,05)

Если для молодого человека становятся приоритетными прагматические ценности (1), то, как следует из отрицательных связей на рис. 1, исключаются духовно-интеллектуальные интересы (5) и формируется невосприимчивое, пренебрежительное отношение к моральным нормам (6). При этом его практическая деятельность может быть нацелена как на достижение личного благополучия (2), так и на благо близких ему людей (4) и общества в целом (3), поскольку с данными комплексами антагонистические отношения отсутствуют. В этой краткой характеристике, как представляется, вполне узнаваемы современные бизнесмены.

Если молодой человек отдает приоритет гедонистически-эгоистическим ценностям (2), то они вытесняют духовно-интеллектуальные интересы (5), закрепляют негативно-пренебрежительное отношение к культурным традициям, общественным ценностям (3) и нормам морали (6). При этом человек может посвятить свою жизнь только себе или своим близким (4), а также пытаться реализовать себя в профессионально-деловой сфере (1).

При выборе в качестве приоритетных социально-культурных ценностей происходит полное вытеснение установок на базовые человеческие приватные (4) и эгоистические (2) ценности, общественное становится выше личного. При этом человек может реализовать себя в науке, искусстве (5), профессионально-деловой (1), а не только в общественной сфере, действуя с соблюдением всех требований и норм морали (6). В этой жизненной позиции достаточно четко просматривается советско-социалистический менталитет.

Если молодой человек полностью ориентирован на приватные базовые человеческие ценности (4), то возникает отторжение, неприятие любых внешних (3, 6) по отношению к его маленькому миру норм и требований (государственных, общественных, культурных, этических). Формируется полная приоритетность частной жизни, любая общественно-политическая деятельность отвергается. Такой человек может посвятить свою жизнь удовлетворению собственных потребностей (2), иметь научные, эстетические или практически-профессиональные интересы (5, 1). Можно сказать, что это классическая жизненная позиция обывателя.

Выбор в качестве приоритетных духовно-интеллектуальных ценностей (5) приводит к непрактичности (1) и отсутствию эгоистической направленности (2). В крайнем выражении — это «бес-

сребреники», полностью посвящающие свою жизнь научному или художественному творчеству, принципиальные, морально неподкупные (6), не думающие ни о выгоде, ни о славе. Данная направленность может сочетаться как с социально-культурной ориентацией (3), т.е. общественно-политической и педагогической деятельностью, так и с уходом в частную жизнь, самоизоляцией, дистанцированием от общественных проблем (4).

Выбор морально-волевых ценностей (6) в качестве основы жизненной позиции формирует у человека негативное отношение к ценностям частной жизни (4), неприятие ее практически-прагматических аспектов (1); неприемлемыми для него становятся и любые эгоистические устремления, нацеленные на реализацию личных потребностей (2). Данная направленность может сочетаться с принятием духовно-интеллектуальных и социально-культурных ценностей, т.е. человек способен реализовать себя в науке, искусстве, педагогике, общественной деятельности. Как нам представляется, абсолютизация морально-этических установок имеет отношение к религиозному мировоззрению и отражает формирующуюся православно-русскую ментальность.

Анализ результатов обследования по методике жизненных ценностей показал, что жизненная позиция обывателя является абсолютно доминирующей среди обследованных молодых людей. У 88,9% из них наиболее явно выражено предпочтение базовых человеческих ценностей. Однако это свидетельствует скорее о «погруженности» подростков в семейную жизнь, отражает их фактическую социальную несамостоятельность. Такая интерпретация представляется наиболее вероятной еще и потому, что, кроме частных ценностей, еще одна ценностная структура (что видно из данных табл. 4) всегда получала близкие по значимости баллы (чем ниже балл, тем более значимы соответствующие ценности). Именно это позволяет сделать вывод о неокончателности выбора, о незавершенности процесса ценностного и жизненного самоопределения. У семерых старшеклассников уже к настоящему времени оформились иные ценностные предпочтения. Для четверых наиболее значимыми являются духовно-интеллектуальные ценности, а для троих — морально-волевые.

На основе представленных в таблицах средних значений можно охарактеризовать обследованных выпускников гимназии следующим образом. Из табл. 1 видно, что уровень интеллектуального

развития молодых людей по всем показателям превосходит (или значительно превосходит) среднюю возрастную норму. Можно заключить, что большинство из обследованных учащихся являются одаренными и смогут в дальнейшем принадлежать к молодой интеллектуальной элите нашего общества. Согласно данным табл. 2 значения большинства факторов (по Р.Кеттеллу) находятся в средней зоне, свидетельствуя об индивидуальной вариативности личностных особенностей. В качестве общей характеристики группы можно отметить, ориентируясь на выходящие за средние нормативы значения факторов, что для большинства обследованных молодых людей свойственно стремление к лидерству (фактор Е), активному неформальному общению (фактор А) и развлечениям (фактор F), что объясняется их возрастными особенностями. На основе данных табл. 3 можно заключить, что большинство учащихся самокритичны (индексы Р отрицательны), доброжелательны в общении (индексы MPC выше 7 и индексы LPC выше 4), но несколько субъективны, категоричны в суждениях о людях (индекс ASO выше 15).

Таблица 1. Характеристика интеллекта учащихся 11-х классов
(тест Амтхауэра)

Группа испытуемых	A ₁	A ₂	A ₃	A ₄	A ₅	A ₆	A ₇	A ₈	A ₉	A _{общ.}	n
11-е классы	10,15	12,12	11,24	10,19	11,15	14,49	11,71	14,31	18,02	113,47	63
Юноши	11,15	11,92	11,42	10,73	12,50	15,54	11,62	14,77	17,54	117,19	30
Девушки	9,36	12,45	11,09	9,76	10,09	13,67	11,79	13,94	18,39	110,55	33
«Праг- матики»	10,18	11,65	11,12	8,18	9,82	13,29	10,71	13,06	17,12	105,12	17
«Эгоисты»	9,53	13,12	11,06	9,18	9,71	13,76	13,18	14,12	17,65	111,29	17
«Обществен- ники»	10,86	10,71	10,57	11,43	12,43	15,57	12,86	14,71	18,14	117,29	7
«Интел- лектуалы»	10,15	13,00	11,54	11,92	12,92	14,92	11,15	15,31	18,85	119,77	13
«Моралисты»	10,22	11,67	11,44	12,67	12,22	16,00	10,89	15,33	19,11	119,56	9

Примечание: A₁...A₉ — субтесты; A_{общ.} — сумма по субтестам; n — число испытуемых.

Таблица 2. Характеристика личностных особенностей учащихся 11-х классов (опросник Кеттелла)

Группа испытуемых	A	E	F	G	H	L	M	N	Q ₁	Q ₂
11-е классы	8,36	7,15	7,98	6,46	7,61	4,32	5,37	6,68	5,71	4,61
Юноши	8,27	7,31	7,73	6,27	7,58	4,15	5,04	6,88	6,38	4,88
Девушки	8,43	7,03	8,18	6,61	7,64	4,45	5,64	6,52	5,18	4,39
«Прагматики»	9,24	8,12	8,35	6,53	8,12	4,59	5,65	7,94	5,76	4,71
«Эгоисты»	8,94	7,82	9,12	5,53	8,35	4,94	5,24	6,59	6,47	3,58
«Общественники»	7,14	6,14	7,86	7,14	6,43	5,29	4,57	6,57	4,29	4,29
«Интеллектуалы»	7,08	6,08	8,08	6,15	7,92	3,31	6,38	5,77	6,08	5,54
«Моралисты»	8,33	6,33	5,67	8,00	6,11	3,89	3,78	6,44	4,67	5,11

Примечание. Во всех столбцах, начиная со 2-го, приведены значения факторов, по которым выявлены значимые различия в зависимости от приоритетных жизненных ценностей.

Таблица 3. Характеристика коммуникативных установок и самооценки учащихся 11-х классов (тест Фидлера—Ясюковой)

Группа испытуемых	MPC _д	MPC _л	LPC _д	LPC _л	CO _д	CO _л	ASO _о	P _д	P _л
11-е классы	7,27	7,13	5,40	4,82	6,93	7,00	15,21	-3,36	-1,27
Юноши	7,14	6,86	5,45	4,71	6,87	6,87	14,64	-2,77	0,02
Девушки	7,36	7,35	5,36	4,91	6,99	7,10	15,65	-3,82	-2,86
«Прагматики»	7,31	6,89	5,47	4,99	6,96	6,81	14,85	-3,53	-2,29
«Эгоисты»	7,12	7,05	4,81	4,24	7,23	7,44	17,17	0,94	6,26
«Общественники»	7,03	6,94	5,10	4,33	6,17	6,34	16,66	-8,57	-4,29
«Интеллектуалы»	7,31	7,26	5,38	4,74	6,64	6,78	15,34	-6,85	-4,38
«Моралисты»	7,21	7,36	6,36	5,58	7,18	7,12	12,53	-0,33	-3,00

Примечание: MPC_д — отношение к деловым качествам друзей и близких людей; MPC_л — отношение к личным качествам друзей и близких людей; LPC_д — отношение к деловым качествам людей, которые не нравятся; LPC_л — отношение к личностным качествам людей, которые не нравятся; CO_д — оценка своих деловых качеств; CO_л — оценка своих личных качеств; ASO_о — умение разбираться в людях или субъективность, категоричность суждений; P_д — самокритичность в оценке деловых качеств; P_л — самокритичность в оценке своих личных качеств.

**Таблица 4. Характеристика жизненных ценностей
и правового сознания учащихся 11-х классов (методики Ясюковой)**

Группа испытуемых	ЖЦ₁	ЖЦ₂	ЖЦ₃	ЖЦ₄	ЖЦ₅	ЖЦ₆	П_Б	П_Д	П_Г	П_З	П_О
11-е классы	13,28	13,71	14,47	5,70	13,58	14,26	5,71	3,78	4,12	5,61	15,34
Юноши	12,46	13,67	14,36	6,32	14,37	13,87	6,12	3,50	4,27	5,77	15,65
Девушки	13,92	13,77	14,56	5,21	12,96	14,58	5,39	4,00	4,00	5,48	15,09
«Праг- матики»	9,82	14,21	14,78	4,90	15,25	16,04	5,41	4,29	3,82	5,65	15,35
«Эгоисты»	15,12	10,09	15,29	4,51	14,56	15,37	5,53	4,18	4,59	5,65	15,94
«Обществен- ники»	13,89	16,39	9,18	8,43	13,86	12,75	7,71	3,29	4,43	5,00	16,86
«Интел- лектуалы»	14,83	15,04	15,44	6,52	8,87	14,31	5,15	3,15	4,28	5,38	14,31
«Морали- сты»	13,58	15,81	13,92	8,14	14,56	9,00	6,33	2,87	2,89	5,89	14,00

Примечание: ЖЦ₁ — прагматические ценности; ЖЦ₂ — гедонистически-эгоистические ценности; ЖЦ₃ — социально-культурные ценности; ЖЦ₄ — базовые человеческие ценности; ЖЦ₅ — духовно-интеллектуальные ценности; ЖЦ₆ — морально-волевые ценности; П_Б — правовое сознание в бытовой сфере и межличностных отношениях; П_Д — правовое сознание в деловых отношениях и профессиональной деятельности; П_Г — гражданская зрелость (социальный инфантилизм); П_З — правовые знания; П_О — общий уровень правового сознания.

Различия, связанные с гендером, появились в следующем. Из данных табл. 1 видно, что юношей отличает большая практическая осведомленность, широта интересов и кругозора по сравнению с девушками (субтест А₁ — «логический отбор»; $t=4,791$). Больше достоверных различий в структуре и уровне интеллекта обследованных юношей и девушек не обнаружено. Различия проявились в личностных особенностях (по факторам теста Кеттелла). Юноши более рационалистичны, а девушки более чувствительны, интуитивны, эстетически развиты, более тревожны, мотивированы, эмоционально напряжены. Юноши более спокойны, характеризуются волевым самоконтролем, целеустремленностью, мобильностью, склонностью к экспериментированию. Девушки более консервативны и менее организованы, и эти недостатки, по всей вероятности, им приходится компенсировать за счет более интенсивного

личностного напряжения. Из данных табл. 3 следует, что девушки самокритичны, доброжелательно относятся к окружающим людям, но проявляют некоторую категоричность в суждениях о них. Юноши более объективны в суждениях о людях (индекс ASO ниже 15), чем девушки, доброжелательны в деловом общении (индекс МРС_д выше 7), но проявляют скепсис в отношении личных качеств людей (индекс МРС_л ниже 7). При этом сами они не замечают своих личных недостатков (индекс Р_л положителен), адекватно и самокритично оценивая только собственные деловые возможности (индекс Р_д отрицателен). Как будет видно из последующего анализа, связанные с гендером различия фактически не пересекаются с интеллектуальными и личностными особенностями, характеризующими каждый из выделенных на основе приоритетных жизненных ценностей социальных типов.

В целях дальнейшего анализа вся выборка была разбита на 5 групп в зависимости от того, какие жизненные ценности (кроме базовых человеческих) оказались наиболее значимы для каждого из обследованных учащихся. Выделенные группы получили условные названия в соответствии с наиболее значимыми ценностями: «прагматики», «эгоисты», «общественники», «интеллектуалы» и «моралисты». Сравнительные данные по этим группам приведены в таблицах 1–4. Следует сразу отметить, что в выборке представлены поровну и абсолютно преобладают «прагматики» и «эгоисты» (и тех и других по 27%). «Интеллектуалы» составляют 20,6%, «моралисты» 14,3% и «общественники» 11,1%.

Сравнительный анализ интеллектуального развития данных групп учащихся представлен в табл. 1 и показал следующее. Достоверные различия выявлены по 4-му субтесту (понятийная категоризация) теста Амтхауэра: прагматики — общественники ($t=2,096$), прагматики — интеллектуалы ($t=2,941$), прагматики — моралисты ($t=3,109$), эгоисты — интеллектуалы ($t=2,170$), эгоисты — моралисты ($t=2,766$). Достоверные различия обнаружены по 5-му субтесту (математическая интуиция): прагматики — интеллектуалы ($t=2,093$), эгоисты — интеллектуалы ($t=2,302$), а также по 7-му субтесту (образный синтез): прагматики — эгоисты ($t=3,471$). Достоверны также различия по общему уровню интеллектуального развития между прагматиками и интеллектуалами ($t=2,306$).

Смысл полученных различий можно интерпретировать следующим образом. Понятийная категоризация отвечает за обоб-

щение и систематизацию научных знаний, является важнейшей характеристикой теоретического мышления, а также основой для формирования структурно-лингвистических способностей, позволяющих легко освоить несколько иностранных языков. Математическая интуиция является важнейшей мыслительной операцией для работы в любой области, где требуются математические расчеты (освоение углубленных программ по математике и физике, программирование, экономика, финансы, техника и пр.). Следовательно, прагматические и эгоистические ценности выбирают молодые люди, имеющие хороший (выше возрастной нормы), но не высокий уровень интеллекта, в структуре развития которого имеются определенные недостатки. У них не сформировались полноценное теоретическое мышление и интеллектуальные операции, необходимые для углубленного освоения профилирующих предметов (иностранные языки, физика, математика, программирование). Старшеклассники с наиболее высоко и гармонично развитым интеллектом ориентируются на духовно-интеллектуальные, социально-культурные и морально-волевые жизненные ценности. Достоверных различий в успеваемости между данными группами учащихся не обнаружено. Все обследованные учащиеся успешно окончили гимназию и поступили в высшие учебные заведения.

Образный синтез является важнейшим компонентом практического интеллекта, обеспечивает целостное представление проблемы, быструю ориентацию в ситуации, поведенческую гибкость и, соответственно, приспособляемость. Именно этой способностью отличаются молодые люди с эгоистической направленностью. У прагматиков образный синтез развит значительно слабее.

Сравнительный анализ личностных особенностей учащихся с различным типом доминирующих ценностей представлен в табл. 2. Достоверные различия получены: по способности устанавливать и поддерживать неформальные контакты (А) — между прагматиками и интеллектуалами ($t=2,285$), эгоистами и интеллектуалами ($t=2,380$); по склонности к лидерству (Е): между прагматиками и интеллектуалами ($t=2,240$), эгоистами и интеллектуалами ($t=2,304$). Прагматики ($t=2,696$) и эгоисты ($t=3,833$) более оптимистичны, веселы, характеризуются легкостью общения (F) по сравнению с моралистами. Эгоисты беспринципны, неисполнительны (G) по сравнению с моралистами ($t=2,638$). Эгоисты также отличаются социальной смелостью, легко завязывают новые отношения

и быстро адаптируются в новой обстановке (Н), особенно по сравнению с моралистами ($t=2,709$). Они же отличаются и конформизмом, легко осваиваются в любой группе (Q_2), особенно по сравнению с интеллектуалами ($t=2,638$). Эгоисты также характеризуются мобильностью, гибкостью поведения, способностью легко менять свои взгляды и мнения (Q_1), особенно в сравнении с общественниками ($t=2,646$).

Если обобщить выявленные различия, то личностные особенности молодых людей, у которых доминируют эгоистические ценности, можно охарактеризовать следующим образом. Они социально активны, легко осваиваются в любой новой ситуации, устанавливают близкие отношения с отдельными людьми, присоединяются к любой группе, оптимистичны, веселы, приятны в общении, исключительно адаптивны, гибки в поведении, готовы экспериментировать, легко отказываются от «устаревших» ценностей, меняют взгляды и мнения, не связывают себя чувством долга, выполнением обещаний. Тип их интеллекта вполне соответствует личностным особенностям, повышая их адаптивность. У эгоистов отсутствует социальный инфантилизм (табл. 4, P_I). Они, особенно в сравнении с моралистами ($t=2,475$), прекрасно понимают, что никто в этой жизни о них не позаботится, необходимо действовать самостоятельно и полагаться можно только на себя. Эгоисты наиболее самоуверенны и абсолютно несамокритичны в оценке как своих личных качеств, так и деловых способностей (табл. 3; индексы P_L и P_D положительны), особенно по сравнению с интеллектуалами ($t=2,113$ и $t=2,487$). Самоуверенность позволяет им развивать исключительную активность, и при этом легко переносить критику и неудачи, не принимая их на свой счет. В оценке окружающих людей они могут быть категоричны и несправедливы (табл. 3; индекс ASO_O выше 15 баллов). У эгоистов по сравнению с другими, и особенно с моралистами ($t=2,113$), достаточно хорошо развиты общие правовые установки (табл. 4, P_O), готовность ориентироваться на законодательство и использовать его положения в любом случае, если это будет необходимо для достижения своих целей или собственной защиты.

Прагматики похожи по коммуникативным характеристикам на эгоистов. Они социально активны, легко устанавливают и поддерживают неформальные контакты, но конформизм для них уже не характерен, и у них нет стремления к приспособлению. Прагма-

тики отличаются дипломатичностью (N), особенно по сравнению с интеллектуалами ($t=3,375$), и пользуются этим для реализации своих интересов и достижения собственных целей. Именно прагматики склонны к доминированию, способны быть лидерами, и при этом у них присутствуют чувство долга, ответственности, верность слову. Они обладают достоверно более развитыми правовыми установками, необходимыми в профессиональной деятельности и деловых отношениях (табл. 4, индекс P_d), особенно по сравнению с моралистами ($t=2,134$). Взаимодействуя с людьми, они не полагаются на их обещания, скептически оценивая личные качества даже друзей и близких (табл. 3; индекс MPC_d ниже 7 баллов). Прагматики хорошо разбираются в людях, не склонны к резким и категоричным суждениям (табл. 3; индекс ASO_o ниже 15 баллов). Своими личностными характеристиками прагматики напоминают современных «деловых» людей.

Молодые люди с высоким уровнем интеллекта, полноценно развитым теоретическим мышлением и хорошими специальными способностями, позволяющими легко осваивать предметы, требующие углубленного изучения, отвергают эгоистические и прагматические установки и склоняются к выбору духовно-интеллектуальных, социально-культурных или морально-волевых ценностей. Достоверных различий в уровне и структуре интеллекта учащихся, делающих выбор в пользу одной из трех последних жизненных ценностей, не выявлено. По всей вероятности, их выбор определяется личностными особенностями, в которых проступили достоверные типологические различия.

Общественники имеют достоверно самые низкие показатели по фактору Q_1 ($t=2,646$). Это указывает на то, что они отличаются приверженностью традициям и верны идеалам, настроены на стабильность, консервативны, безусловно доверяют авторитетам и готовы следовать за лидерами, некритично воспринимают официальную и многократно повторяющуюся, ставшую привычной информацию. Они наиболее законопослушны, придают исключительно большое значение соблюдению прав человека, вопросам равноправия и корректности в межличностных отношениях, принимая и уважая национальные, религиозные и любые другие особенности взглядов и жизненных ценностей людей (табл. 4; P_o и P_b). В этом общественники достоверно превосходят не только прагматиков ($t=3,230$) и эгоистов ($t=3,302$), но и интеллектуалов ($t=3,897$).

У общественников достоверно наиболее высокие баллы по фактору L ($t=2,484$), что свидетельствует об их честолюбии, стремлении к общественному признанию, желании превзойти и поучать других людей. Такая позиция вполне сочетается с их скептической оценкой личных качеств людей (табл. 3; индекс МРС_л ниже 7 баллов). Общественники невысокого мнения даже о близких им людях, полагая, что по-настоящему хороших, морально безупречных, альтруистичных людей в современном обществе нет, но они сами готовы нести в мир разумное, доброе, вечное. Данный личностный тип и ценностные установки в наибольшей степени совместимы, как нам представляется, с общественно-педагогической деятельностью.

Интеллектуалы нацелены не на карьеру, а на деятельность, так как имеют достоверно самый низкий уровень честолюбия (фактор L при $t=2,484$). Они искренни, открыты в общении, не пытаются поучать других, наименее дипломатичны (фактор N при $t=3,375$). Интеллектуалы в наименьшей степени стремятся к установлению неформальных отношений с окружающими людьми, общение не является для них приоритетным занятием (фактор A), особенно по сравнению с прагматиками ($t=2,285$) и эгоистами ($t=2,380$). Им не свойствен конформизм, они самодостаточны, не поддаются групповому давлению, предпочитают индивидуальную, а не коллективную деятельность (фактор Q₂ при $t=2,638$). Интеллектуалы наиболее самокритичны из всех обследованных молодых людей в оценке как своих личных качеств, так и деловых возможностей (табл. 3; индексы P_л и P_д отрицательны, а также $t=2,113$ и $t=2,487$). Им не свойствен социальный инфантилизм (табл. 4; П_г при $t=2,420$). Они понимают, что никто в этом мире не обязан о них заботиться (ни родители, ни наставники, ни начальники, ни государство, ни Бог), каждый сам в ответе за собственную жизнь. Тем не менее именно интеллектуалы наиболее мечтательны и непрактичны (фактор M при $t=3,083$), что может характеризовать их как творческих личностей. Сферы приложения их деятельности, по всей вероятности, — наука, искусство, культура.

Моралисты наиболее серьезны и рассудительны, для них не характерно стремление к развлечениям (фактор F), чем они отличаются от других учащихся, особенно от прагматиков ($t=2,696$) и эгоистов ($t=3,833$). Они и наиболее исполнительны, ответственные, с развитым чувством долга (фактор G), особенно в сравнении

с эгоистами ($t=2,636$). Однако у моралистов достоверно наиболее низкие баллы по фактору Н, особенно по сравнению с эгоистами ($t=2,709$). Это означает, что им не свойственна личная социальная активность, они могут обращаться с просьбами, наставлять, советовать, но активных действий ожидают от других. Это сочетается и с их социальным инфантилизмом (табл. 4; P_r при $t=2,475$ и $t=2,420$), уверенностью в том, что начальство, государство или еще кто-то обязаны заботиться о простых людях, обеспечивать каждому достойный уровень жизни. Моралисты признают приоритет справедливости над правовыми нормами. У них и наиболее низкий уровень общих правовых установок (табл. 4; P_o при $t=2,113$). Это означает, что для них нормы морали выше установлений закона. В деловых отношениях они также проявляют наивность (табл. 4; P_d при $t=2,134$), готовы доверять честному слову, пренебрегая официальными трудовыми соглашениями и договорами. Моралисты наиболее высокого мнения о людях, способны видеть хорошие стороны даже в тех, кто им не нравится (табл. 3; наиболее высокие значения индексов МРС, и особенно индексов LPC). Они не склонны категорично судить о людях, проявляют терпимость, избегают резких высказываний (табл. 3; индекс ASO_o значительно ниже 15 баллов). Моралисты имеют достоверно наиболее низкие баллы по фактору М, что свидетельствует об их явно выраженной практической ориентации, а не о творческом витании в облаках ($t=2,789$, $t=2,128$, $t=3,083$). Полученный психологический портрет близок к описанию качеств верующего человека православной конфессии. Моралисты, вероятнее всего, будут выбирать в качестве профессиональной деятельности прикладные аспекты гуманитарных направлений (история, философия, этика, психология, религия), связанные с работой с людьми. Это могут быть, например, психологическое консультирование, психотерапевтическая помощь, социальная работа, педагогическая и проповедническая деятельность.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Ценности пореформенного российского государства, усваиваемые молодой интеллектуальной элитой, способствуют укреплению позиции обывателя и формированию, в первую очередь, деятельных прагматиков и беспринципных эгоистов, легко приспособляющихся к любым условиям жизни и деятельности. В современном обществе сохраняется и воспроизводится также

ментальность, свойственная научной и художественной интеллигенции. Просматривается ментальность, характеризующая своеобразие российских демократов, которые выступают одновременно как борцы и за сохранение традиций, и за права человека; при этом сами они исполнительны, конформны, ориентированы на совместную выработку решений и сильного лидера (главу государства). Достаточно явно в современном российском обществе проявляет себя ментальность, отражающая этику православия: нравственность, верность долгу, справедливость, терпимость. Освоение в процессе социализации той или иной ментальности зависит как от уровня и типа интеллекта подростка, так и от его личностных особенностей, формируемых микросоциальной средой, семейным воспитанием и всей историей его самостоятельной жизни. Образовательные программы, способствующие интенсивному и гармоничному интеллектуальному развитию молодежи, создают базу для восприятия ими позитивных жизненных ценностей.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
2. Семёнов В. Е. Основные менталитеты в современном российском обществе и проблема их совместимости // Человек в условиях кризиса / под ред. В. Т. Лисовского и др. СПб., 1994.
3. Семёнов В. Е. Современные российские менталитеты и молодежь // Молодежь в условиях социально-экономических реформ / отв. ред. В. Т. Лисовский и др. Вып. 2. СПб., 1995.
4. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.

Т. И. Самсонова

КОМПЕТЕНТНОСТЬ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ И БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Успешное социально-экономическое развитие современной России, ее национальная безопасность и конкурентноспособность на международной арене являются приоритетными задачами настоящего времени. Решение этих задач невозможно без активного участия молодежи, ведь подростки и молодежь являются основным инновационным потенциалом общества, существенной силой его развития. Степень эффективности этого участия определяется не только тем, насколько молодое поколение знает, разделяет и принимает цели и задачи государственного и общественного развития, связывает с ними свои жизненные перспективы, не только тем, насколько оно имеет необходимые возможности для активного участия в развитии страны. Не менее важно, обладает ли молодое поколение теми социальными и психологическими качествами, которые позволили бы ему не просто комфортно существовать, адаптируясь к быстро меняющимся социальным условиям, но и, преодолевая трудности, связанные с восприятием новаций, создавать качественно новое социальное пространство, быть субъектом социального развития и позитивных социальных преобразований.

Интегративным понятием, отражающим совокупность таких качеств, является понятие компетентности. В настоящее время в мировой образовательной практике компетентность выступает в качестве одного из центральных понятий и как желаемый и прогнозируемый результат образования. Еще в конце прошлого века В. Хутмахер приводил в своем докладе принятое Советом Европы определение пяти ключевых компетенций (*key competence*), которыми должны быть оснащены молодые европейцы [4]. К этим компетенциям относятся: политические и социальные компетенции —

способность принимать ответственность, участвовать в принятии групповых решений; компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе; компетенции, относящиеся к владению устной и письменной коммуникацией; компетенции, связанные с возрастанием информатизации общества и способностью учиться на протяжении всей жизни. Формирование компетентностей рассматривается как ответ на такие стоящие перед Европой вызовы, как сохранение демократического, открытого общества, мультилингвизм, мультикультура, новые требования рынка труда, развитие комплексных организаций, экономические изменения и др.

Само понятие «компетентность» («компетенция») является междисциплинарным и используется в самых разных науках. Поскольку это понятие обозначает сложное, многокомпонентное, многоаспектное явление, то, безусловно, есть различия в его определении, отмечается разнообразие взглядов при рассмотрении структуры, видов и особенностей компетентности. Но есть и такие аспекты компетентности, по которым разногласия минимальны, или их нет совсем.

Очевидно, что все компетентности социальны в широком смысле этого слова, поскольку они вырабатываются, формируются в социуме. Лингвистически социальная компетентность (от лат. *competentis* — соответствующий, способный, пригодный, подходящий) определяется как знания и способности в области общественных отношений, как способность, пригодность к жизни в обществе. Поэтому ключевые компетенции можно считать социальными, отражающими особенности взаимодействия, общения, применения информационных технологий в современном обществе. Нет разногласий и относительно роли социальной компетентности в жизни каждого человека. Именно социальная компетентность определяет успешность его социальной адаптации, обеспечивая адекватное понимание и ориентацию в социальной реальности. Также многие исследователи согласны с тем, что в настоящее время социальная компетентность уже не может исчерпываться только усвоенными знаниями, умениями, навыками в какой-либо области — межличностной, профессиональной, политической, экономической и т.д. В условиях постоянных изменений в обществе, усложнения повседневной жизни и взаимоотношений людей социальная компетентность — это умение разрешать жизненные ситуации, принимать самостоятельные ответственные решения.

Разрабатываемая в России с 1990-х годов концепция компетентного подхода в образовании выдвигает на первое место уже не информированность молодого человека, а умения разрешать проблемы, возникающие в различных сферах социальной жизни [2]. Социальная компетентность определяется как способность личности эффективно решать проблемы, возникающие в процессе реализации своего потенциала в социальной среде [5]. При этом выделяются три ее составляющие. Первая — интеллектуальная компетентность — умения и навыки, позволяющие эффективно решать проблемные ситуации в той или иной предметно-познавательной сфере, опираясь на сформированную базу знаний. Также в структуру социальной компетентности входят ситуативное самоопределение (умение делать ответственный выбор в разных сферах жизни на основе личностных качеств, особенностей, наклонностей и способностей) и культура соотнесения (способность выделить и сформировать собственную ценностную позицию, соотнести ее с ценностными позициями других людей и найти оптимальное решение). Социальная компетентность рассматривается и как мера личной зрелости, умение анализировать жизненные ситуации [1]. Она дает возможность гибко менять стратегию и планы поведения с учетом узкого (особенности социальной ситуации) и широкого (социальные нормы и условия) контекста.

Таким образом, одной из важнейших в структуре социальной компетентности представляется способность принимать решения для преодоления проблем в различных социальных ситуациях. Процесс принятия решений предполагает следующие этапы:

- осознание проблемной ситуации, ее анализ и оценка;
- нахождение возможных вариантов решения проблемы;
- определение последствий того или иного варианта;
- выбор одного из них;
- реализацию принятого решения.

Способность анализировать ситуации и принимать самостоятельные, ответственные решения необходима как для преодоления повседневных насущных проблем, которыми наполнена жизнь человека в быту, в семье, с друзьями и коллегами, на улице, на производстве, так и для реализации отдаленных жизненных перспектив — выбора профессии, построения карьеры, создания семьи. Эту способность можно рассматривать как показатель ответственности личности за результаты своей социальной деятельности, как

один из показателей полезности и эффективности жизни человека, свидетельство активизации его жизненного потенциала. Без развития у молодежи способности принимать самостоятельные взвешенные решения невозможно формирование социально активного и ответственного молодого поколения, что, в свою очередь, является необходимым условием улучшения социального устройства в современной России, повышения качества жизни, укрепления роли российского государства в жизни мирового сообщества. Кроме того, следствием наличия способности делать выбор в социальных ситуациях взаимодействия с людьми и нести ответственность за свое поведение является усиление сопротивляемости личности негативным влияниям социальной среды, что крайне важно для воспитания психически и физически здоровой молодежи. А это основа благополучия любого общества.

Социальная среда сегодня очень агрессивна, особенно в отношении молодого поколения. Огромное число факторов социального риска обрушиваются на молодежь с самого начала ее сознательной жизни. Это аморальность и безнравственность теле- и кинопродукции, а также рекламы, соблазны легкой наживы, доступность наркотиков и алкоголя. Так, количество мест продажи алкогольных напитков и табачных изделий, их ассортимент превышает все мыслимые нормы и становится уже социально опасным для здоровья населения, и прежде всего молодежи. Несмотря на существование соответствующих законов, все еще нередки ситуации, когда в непосредственной близости от школ можно увидеть магазины и павильоны, торгующие алкогольными напитками и сигаретами. Их продавцы не видят ничего страшного в том, чтобы ради увеличения прибыли продать несовершеннолетним алкоголь или сигареты, способствуя распространению в среде подростков девиантных форм поведения. Особую опасность представляют распространители наркотических веществ, действующие вблизи учебных заведений. Наркотики можно встретить и в самой школе [10]. Сколько молодых людей «сели на иглу», не сумев сказать твердо «нет» предлагающему наркотики, или просто из любопытства? Сколько юношей и девушек начали курить и употреблять алкогольные напитки, в том числе пиво и «энерготоники», не осознавая их вредного влияния на организм, особенно неокрепший? Сколько подростков согласились участвовать в краже, угона машины, чтобы «просто покататься», боясь насмешек группы, не задумываясь,

чем это может закончиться, или надеясь на то, что «все обойдется», а если даже поймают, то «ничего за это не будет»?

На теле- и киноэкране бандиты, мошенники и маньяки, «менты», криминализированные бизнесмены и «новые русские» уже давно стали «героями нашего времени». Криминальная тематика прочно соседствует с пропагандой гламура, вульгарной роскоши и культом шальных денег. Абсолютная праздность и развлечения, пошлейший юмор, жестокость и безнаказанность становятся теми образцами, которые молодежь ежедневно видит на экранах и под влиянием которых она все чаще выстраивает свою жизненную стратегию. Средства массовой информации — важнейший канал воспитания и социализации молодежи — альтернативы не предлагают... Сколько молодых людей под влиянием криминальной романтики сериалов и русского шансона искалечили жизнь себе и своим близким? Усугубляет ситуацию реклама, в том числе пива, сигарет, энергетических напитков, в изобилии присутствующая в СМИ и на улицах и призывающая: «Бери от жизни все!», «Живи настоящим!» Навязчивая и агрессивная, она поражает своей вульгарностью, неэтичностью и нередко демонстрирует просто безнравственные образцы поведения [9]. В таких условиях молодежи необходим запас «прочности», здравомыслия, критичности, активной жизненной позиции.

Молодые люди легче адаптируются к быстрым изменениям по сравнению с взрослыми, более открыты новшествам, но они одновременно и более уязвимы, беззащитны перед факторами риска, поскольку часто еще не обладают развитыми социальными навыками и умениями. Чтобы выжить и физически, и духовно, молодой человек должен критично оценивать ситуации, уметь отстаивать свое мнение, противостоять давлению других и нести ответственность за свое поведение. Очевидна необходимость наличия уже в подростковом возрасте способности принимать решения. В условиях засилья рекламы, подмены ценностей, распространенности девиантных образцов поведения подросток каждый день должен делать выбор, противостоять соблазнам жизни, сохранять психическое и физическое здоровье и отстаивать свою жизненную позицию.

Особенностью принятия решений по преодолению социальных проблем является то, что человек всегда включен в социальную ситуацию, а это требует постоянной саморефлексии, способству-

ющей адекватному восприятию личностью себя и своих действий. Неотъемлемое условие успешного решения проблем при социальном взаимодействии — восприятие и понимание людьми друг друга, коммуникативная рефлексия.

Принятие решений в процессе социального взаимодействия требует оценки текущей ситуации, а также видения перспективы, прогнозирования развития социальной ситуации и анализа уже свершившихся событий. По временному признаку выделяются три вида рефлексии: перспективная, ретроспективная и ситуативная (актуальная) [6]. Перспективная рефлексия обеспечивает анализ предстоящей деятельности и поведения, планирование, прогнозирование вероятных исходов. Объектами ретроспективной рефлексии являются предпосылки, мотивы и причины произошедшего, содержание прошлого поведения, а также его результативные параметры, и в особенности допущенные ошибки. Ситуативная рефлексия обеспечивает непосредственный самоконтроль поведения человека в актуальной ситуации, осмысление ее элементов, анализ происходящего. Дифференциация проявлений рефлексии по критерию направленности предполагает выделение двух ее типов — интерпсихической (межличностной) и интрапсихической. При этом первый тип соотносится с рефлексивностью как способностью к пониманию психики других людей, а второй тип — со способностью к самовосприятию содержания своей собственной психики и его анализу.

Саморефлексия, формирующая образ «Я», коммуникативная рефлексия, способность к прогнозированию и ретроспективному анализу, рефлексия актуальной ситуации входят в интегративное понятие рефлексии. Поэтому в качестве базового компонента в структуре социальной компетентности человека выступает рефлексивность — личностное свойство, лежащее в основе навыка анализа ситуаций и принятия решений.

Понятие рефлексивности является ключевым в теории структуры Э. Гидденса. Он утверждает, что фундаментальной характеристикой, отличающей общество «модерна» от эпохи «постмодерна», является внутренне присущая «модерну» рефлексивность поведения человека. Всякое социальное действие становится возможным благодаря способности индивида к дискурсивной и практической интерпретации природы и причин своих поступков. Основным элементом в стратификационной модели действующего

субъекта становится «рефлексивный мониторинг действия». Это неотъемлемая характеристика повседневного действия любого человека, означающая, что индивиды «не только сознательно отслеживают ход своей деятельности, ожидают, что другие поступают аналогично, но что они также рутинно отслеживают физические и социальные контексты, в которых находятся» [3]. При этом он особо подчеркивает, что этот механизм включает в себя отслеживание всей системы взаимодействий, в которую включен человек, а не только поведения отдельных, непосредственно доступных индивидов.

Рефлексивность сознания современной личности Гидденс неразрывно связывает с задачей самоактуализации человеческого «Я», предполагающей диалог со временем, и постоянной оценкой и переоценкой «равновесия возможностей и рисков», так как современное общество ставит перед человеком массу сложных проблем, требующих разрешения. В силу постоянной изменчивости социальных ситуаций, с которыми сталкивается человек, ему приходится делать нелегкий выбор стратегии поведения в условиях неопределенности и риска. Рефлексия остается единственной «путеводной нитью жизни», помогающей человеку «мобилизовать траекторию своего жизненного пути».

Процесс принятия решений — анализ происходящего, планирование своих действий, прогнозирование вероятных исходов — обеспечивается уровнем развития рефлексии. Однако сама оценка ситуации как проблемной и требующей решения, выбор цели, достижение которой приведет к решению проблемы, оценка возможных вариантов решения проблемы, принятие одного из вариантов определяется ценностно-нормативной системой личности, поскольку сама рефлексия не включает в себя какой-либо заданной направленности. Поэтому в структуру социальной компетентности необходимо включить еще один компонент — нравственный, ценностный аспект процесса принятия решений, тем более что для современной российской действительности характерны снижение культурного уровня, моральная деградация и криминализация общества, размытость ценностей и социальных норм, что предъявляет повышенные требования к нравственному облику молодого человека, желающего изменить общество к лучшему.

Принятое решение требует своей реализации, осуществления. На пути к поставленной цели приходится преодолевать как внеш-

ние, так и внутренние препятствия, иначе принятое решение так и останется на уровне замысла (особенно это касается решений, требующих длительной реализации). Внешние препятствия — противодействия социальной среды, отсутствие помощи и поддержки, внутренние препятствия — недооценка своих сил, отсутствие настойчивости, целеустремленности, самостоятельности, умение противостоять давлению социальной среды. Поэтому третий компонент социальный компетентности — это качества, отвечающие за реализацию принятого решения. Основными среди них являются настойчивость личности в достижении цели и самостоятельность — качество, необходимое при принятии решения и его реализации.

Социальная некомпетентность молодого человека как неспособность анализировать социальные ситуации и принимать самостоятельные решения может проявляться следующим образом. Отсутствие межличностной рефлексии при социальном взаимодействии — неумение встать на место другого, понять его состояние, предвидеть его реакции на собственное поведение, принять адекватное решение при взаимодействии — закономерно приведет к конфликтам с социальным окружением, следствием которых вполне может быть исключение, по крайней мере частичное, из круга друзей, одноклассников, однокурсников. Постоянные грубые ответы учителям и преподавателям, игнорирование их замечаний, отсутствие реакции в ответ на просьбы и требования родителей, невнимание к ним — все это приводит к ухудшению отношений с социальным окружением, конфликтам и в конце концов к возможному исключению из соответствующих социальных сред — отчислению из школы, вуза, уходу из дома.

Непонимание роли образования для личности, жизнь «одним днем» (недостаток перспективной рефлексии) приводит к безответственному, несерьезному отношению к учебным занятиям (к пропускам уроков и лекций, невыполнению домашних заданий). Следствие этого — плохие успеваемость, аттестат и диплом, ограничение возможностей продолжения обучения, невозможность достичь социально одобряемых символов успеха легальными способами. Неумение и нежелание разобраться в собственных склонностях и способностях (неадекватная интрапсихическая рефлексия), отсутствие представлений о будущей профессии и о конкретных способах достижения профессионального мастерства в избранной

области, боязнь выбора приводят к затягиванию ситуации самоопределения, выбору «за компанию». В свою очередь, это приводит к разочарованию в будущем в своей профессии, формированию непродуктивного специалиста.

В ситуациях социального риска недостаток компетентности ведет к еще более трагичным последствиям. Молодые люди могут не осознавать опасности даже однократной пробы наркотических веществ, не предвидеть трагических последствий угона машины, чтобы «просто покататься», или пребывания в состоянии алкогольного опьянения, не заподозрить подвоха в предложении незнакомого человека заработать большую сумму денег, не особо напрягаясь. Это свидетельствует о недостаточном развитии рефлексивного компонента социальной компетентности. Такая молодежь плохо понимает социальные ограничения и запреты, не зная, что можно делать, а чего нельзя, не до конца осознает последствия своих поступков, диапазон которых очень широк: от угонов машин и телефонных звонков в милицию о минировании школы или станции метро до убийств и самоубийств.

Даже если молодой человек знает о вреде алкоголя, наркотиков, собственное здоровье может не являться для него ценностью, что означает ущербность ценностного компонента. Недоразвитие этого компонента может проявляться и в наличии ложных ценностей. Зачастую молодые люди полагают, что употребление наркотических веществ является признаком нестандартной креативной личности, стимулирует творческое начало в человеке, способствует самореализации, что, конечно, ошибочно.

И, наконец, правильная оценка ситуации риска, умение предвидеть последствия своих поступков могут оказаться бесполезными при слабом развитии деятельностного компонента социальной компетентности — неумении отказаться от предложений приятелей, боязни быть осмеянным группой, нерешительности, неуверенности в себе, зависимости от мнения своего окружения. Зачастую молодой человек, так активно отстаивающий свою самостоятельность в отношениях с родителями, оказывается совершенно беспомощным в случаях, когда надо проявить решительность и отказаться от сомнительных мероприятий, предлагаемых сверстниками. Сами несовершеннолетние правонарушители признаются, что на преступления их толкнули «собственная глупость», «плохие товарищи», «стечение обстоятельств» [7]. А ведь это не что

иное, как моральная, духовная и социальная неразвитость, попытка снять с себя личную ответственность.

На низкую социальную компетентность подрастающего поколения — неспособность самостоятельно принимать решения, отвечать за свои поступки, предвидеть последствия своих действий, «сначала подумать, потом сделать» — указывают многие специалисты. Нами было проведено эмпирическое исследование социальной компетентности подростков как способности анализировать социальные ситуации и принимать решения. Изучались три выделенных компонента — рефлексивный, ценностный и исполнительно-деятельностный.

В исследовании принимали участие мальчики-подростки — учащиеся 8–10-х классов общеобразовательной школы №170 и школы-лицея №265 Красногвардейского района Санкт-Петербурга. Объем типологической выборки — 254 человека. Цель исследования заключалась в выделении групп подростков, различающихся по уровню социальной компетентности. Для этого было необходимо реализовать следующие задачи:

- определить уровень развития рефлексивности подростков, как основу способности к принятию решений;
- изучить структуру ценностей подростков;
- определить уровень развития исполнительно-деятельностного компонента;
- разделить выборку подростков на группы по уровню социальной компетентности в зависимости от степени выраженности ее компонентов.

Для определения уровня развития рефлексивности подростков использовалась методика диагностики рефлексивности А. В. Карпова [6]. Поскольку процедура разработки данной методики указанным автором проводилась на выборке, возрастной состав которой находился в диапазоне от 16 до 50 лет, было принято решение об адаптации текста данного опросника для подростков. Утверждения подверглись некоторому упрощению по своей структуре, что, однако, как выяснилось с помощью экспертной оценки специалистов, не привело к искажению их смысла. По той же причине была проведена стандартизация результатов измерения уровня рефлексивности для подростков 14–16 лет.

Изучение исполнительно-деятельностного компонента проводилось с помощью опросника Р. Кеттелла для диагностики лич-

ностных свойств-факторов (форма С, 105 вопросов). В соответствии с задачами исследования из этого опросника были взяты две шкалы, измеряющие два личностных свойства (фактора) — фактор Q_2 (самостоятельность — зависимость от группы) и фактор Q_3 (целеустремленность, настойчивость — слабая воля, плохой самоконтроль).

Высокие значения по Q_2 подразумевают самостоятельность, самодостаточность, независимость от чужого мнения в принятии решений. Лица с высокими оценками по этому фактору предпочитают все делать сами: сами принимают решения, сами добиваются его исполнения, сами несут ответственность за свои поступки. Низкие значения Q_2 свидетельствуют о несамостоятельности, зависимости от группового мнения в процессе принятия решений, привязанности к группе. Эти люди в своем поведении ориентируются на групповое мнение, нуждаются в постоянной опоре, поддержке окружающих, в совете и одобрении. У них отсутствуют инициатива и смелость в выборе собственной линии поведения.

Высокие значения по фактору Q_3 свидетельствуют о целеустремленности, организованности, умении действовать планомерно и упорядоченно, упорно преодолевать препятствия, доводить начатое дело до конца. Низкие оценки по этому фактору указывают на недостаток волевых качеств и настойчивости в достижении цели, означают плохой самоконтроль в реализации собственных программ социального поведения. Деятельность таких людей неупорядочена, хаотична. Они не умеют организовывать свое время и определять порядок выполнения дел. Нередко они оставляют дело незаконченным. Иными словами, значения по этому фактору показывают, насколько человек способен осуществлять самоконтроль при непосредственной реализации принятых решений. Представляется, что данные факторы (черты личности) вполне соответствуют содержанию исполнительно-деятельностного компонента социальной компетентности. В результате тестирования каждый подросток получал определенное количество баллов по каждому фактору, которые затем переводились в стандартные баллы.

Для изучения ценностного компонента в анкете подросткам был задан вопрос: «В какой мере для вас значимо следующее в жизни?». К нему прилагались варианты ответа «Очень значимо», «Имеет определенное значение», «Вообще не значимо» для выражения своего отношения к таким ценностям, как: 1) учеба, образование,

знания; 2) возможность жить легко, ни о чем не задумываясь; 3) наличие денег; 4) тихая размеренная спокойная жизнь; 5) развлечения, удовольствия, отдых; 6) острые ощущения, риск, приключения и опасности; 7) хорошие отношения с одноклассниками; 8) забота о здоровье; 9) индивидуальная независимость, самостоятельность; 10) хорошие отношения с родителями; 11) возможность распоряжаться своей судьбой; 12) наличие верных друзей; 13) хорошие отношения с учителями.

Интерес для нашего исследования представляли так называемые «социально опасные», «рискогенные» ценности при условии их высокой значимости для подростка: «Острые ощущения, риск, приключения и опасности», «Развлечения, удовольствия, отдых», «Возможность жить легко, ни о чем не задумываясь», особенно в сочетании с низкой значимостью ценностей «Учеба, образование, знания», «Забота о здоровье», «Хорошие отношения с родителями».

Разделение подростков на группы по уровню социальной компетентности как способности принимать решения в зависимости от степени выраженности ее рефлексивного и исполнительно-деятельностного компонентов проводилось с помощью иерархического кластерного анализа. В результате были выявлены следующие группы.

1-я группа состоит из 30 человек, которые характеризуются низким уровнем развития рефлексивности, при этом достаточно независимы от окружающих, самостоятельны, однако не часто доводят начатое дело до конца.

2-я группа включает 54 человека, которые также не склонны к глубокому анализу ситуаций, но отличаются более выраженной способностью реализовывать принятые решения.

3-я группа состоит из 33 человека, представители которой обладают низкой рефлексивностью, недостаточным упорством и настойчивостью и сильной ориентацией на групповое мнение.

В 4-й и 5-й группах (56 и 44 человека соответственно) более выражено умение планировать свои действия, анализировать причины неудач; те и другие независимы, не особо нуждаются в одобрении и поддержке со стороны. Однако представителям первой из них не всегда удается реализовать начатое дело, их отличают недостаточные упорство и настойчивость, тогда как входящие в состав 5-й группы характеризуются умением настойчиво бороться с возникающими препятствиями.

6-я группа включает 23 человека, которые обладают высокоразвитой рефлексией; при этом у них также ярко выражена сила воли, но им важно одобрение группы, они ориентируются на групповое мнение, нуждаются в поддержке окружающих, в совете и помощи.

И последняя, 7-я, группа состоит из 14 человек, которые могут быть охарактеризованы как самостоятельные, настойчивые в достижении цели, ответственные люди, наделенные ко всему прочему и достаточно выраженной рефлексией.

Представителей первых трех групп можно отнести к индивидам с низкой социальной компетентностью, причем наименее успешная группа — третья; средний уровень социальной компетентности — это четвертая и шестая группы, а высокой социальной компетентностью обладают представители пятой и седьмой группы.

Наибольшее беспокойство вызывают представители третьей группы. В ситуациях социального риска вполне вероятно, что они не смогут предвидеть последствий своих поступков, адекватно оценить опасность (так как не склонны к рефлексии) и едва ли сумеют противостоять давлению группы (так как сильно ориентированы на групповое мнение). Те из них, кто ценит риск и приключения, острые ощущения (а таких в этой группе 31,3%), могут и не захотеть это сделать. Развлечения, удовольствия и отдых в этой группе очень значимы для 75% респондентов, а такая ценность, как «возможность жить легко, ни о чем не задумываясь», — для половины всей группы, тогда как ценность «учеба, образование, знание» — только для 34,4% подростков этой группы, а «забота о здоровье», равно как и ценность «хорошие отношения с родителями» имеют значение лишь для половины респондентов. Результаты нашего исследования были предоставлены социальному педагогу и психологу указанных школ, для того чтобы обратить внимание на учащихся «группы риска» по уровню социальной компетентности и использовать полученные данные для дальнейшей работы с подростками в целях формирования их социальной компетентности.

Что касается методов формирования социальной компетентности, и в частности важнейшей в ее структуре способности анализировать социальные ситуации и принимать самостоятельные взвешенные решения, то сегодня в арсенале школьного психолога существует большое их разнообразие. Школьный психолог и социальный педагог при работе с учащимися, в том числе с «трудными» подростками, проводят индивидуальные или коллективные

беседы о важности здорового образа жизни, вреде алкоголя, табака и наркотиков, о необходимости предвидеть последствия своих поступков, о недопустимости девиаций. Они могут подготовить уроки соответствующей тематики. В активе психолога есть и такие технологии формирования различных социальных навыков, как психологические тренинги. В школах проводятся тренинги жизненных навыков, формирования здорового жизненного стиля, уверенного поведения в ситуациях социального риска, целью которых является развитие у подростков стратегий и навыков преодоления жизненных проблем, коммуникативных умений, снижение риска приобщения к употреблению психоактивных веществ и возникновения других проявлений недостаточного уровня компетентности. Реализуются дополнительные образовательные и воспитательные программы для учащихся, направленные на развитие ситуативного и жизненного самоопределения школьников, формирование компетентного стиля жизни, проектирования жизненной карьеры. Все они так или иначе связаны со способностью принимать ситуативные и перспективные решения. Развивается и новое для нашей психологии и педагогики направление — использование компьютерных игр в качестве технологий формирования социальной компетентности, в частности навыка принятия решений [8]. Каждый из этих методов имеет свои достоинства и ограничения, и наиболее оптимальным представляется их комплексное применение. Разумеется, нельзя забывать и о том, что одних лишь технологий формирования и повышения социальной компетентности, т. е. работы только с самими подростками и молодежью, недостаточно. Как известно, социальная компетентность формируется в процессе социализации, а его основными институтами являются школа и другие образовательные учреждения, средства массовой информации и, прежде всего, семья.

Эффективность семейной социализации, а следовательно, успешное формирование социальной компетентности молодого человека зависит от нравственно-психологической атмосферы в семье и типа семейного воспитания, от состава семьи и числа детей, от социального статуса семьи и уровня ее материального благосостояния. Играет роль также распределение ролей в воспитании детей между отцом и матерью, их производственная занятость, возможность участия в решении семейных проблем и, наконец, собственная компетентность родителей, их социальные

навыки и умения. Современной семье как социальному институту, безусловно, присуща сложная и неоднозначная динамика, однако, вне всякого сомнения, при всей своей сложности эта динамика демонстрирует кризис семьи в плане выполнения ею своих традиционных социальных функций.

К негативным проявлениям в сфере современной российской семьи относятся недостаточная рождаемость, низкий уровень жизни большинства семей с детьми (ведь воспитание и обучение детей сегодня требует от родителей огромных материальных затрат). Кроме того, отмечается повышение напряженности в семейных отношениях, ухудшение взаимоотношений между поколениями, разрыв семейных связей, дефицит эмоциональной близости в семье, нарастание взаимного равнодушия, рост конфликтогенности и криминогенности семейной среды. Все это способствует серьезному нарушению социализационной функции семьи, определяющей ответственность родителей за воспитание социально компетентной личности. Так, увеличение производственной занятости родителей для поддержания приемлемого жизненного уровня семьи приводит к тому, что даже в благополучных семьях дети большую часть времени оказываются предоставленными сами себе, лишенными родительского контроля и общения. Компетентные модели поведения в социальных ситуациях подросток усваивает из многочисленных телесериалов агрессивной и криминальной направленности, «тусовок» с друзьями, уличной среды.

Поэтому без адекватного решения проблем семьи на государственном уровне невозможно обеспечить создание такой семейной среды, которая будет наиболее благоприятна для раскрытия человеческого потенциала подрастающего поколения, и в том числе формирования всех требуемых компетенций. Необходима разработка единой стратегии государственной семейной политики, основными задачами которой должны быть коренное улучшение материального положения российских семей, особенно многодетных, молодых и малообеспеченных, предоставление им различных социальных гарантий. Важнейший элемент такой стратегии — поддержка и помощь в воспитании и образовании детей, профилактика негативных явлений в сфере семьи, а также подростковой и молодежной преступности, что предполагает создание правовой базы преодоления внутрисемейных девиаций, защиты прав несовершеннолетних.

Государство должно вмешаться и в деятельность средств массовой информации и принять, наконец, соответствующие законы о нравственном контроле в сфере СМИ и рекламы, о защите детей, подростков и молодежи от чудовищной теле-, видео- и кинопродукции, с ее преступлениями, извращениями и пороками, пошлым юмором, аморальными реалити-шоу, агрессивной музыкой и ненормативной лексикой. О какой ответственности, духовности, социальной активности личности может идти речь, если СМИ и реклама пропагандируют бесконечные «наслаждение» и «роскошь», «соблазн» и «легкость жизни»? Не надо учиться и работать, планировать свою жизнь, ставить цели и достигать их, преодолевая себя и обстоятельства. Можно просто выиграть в лотерею, выйти замуж за олигарха, ограбить банк, украсть деньги при помощи мошенничества — и красивая, роскошная, пусть и недолгая жизнь обеспечена. Никаких моральных норм, переживаний и угрызений совести, просто «Бери от жизни все!».

Не лучшим образом обстоят дела с формированием социальной компетентности подрастающего поколения и в образовательных учреждениях, прежде всего в школах. Несмотря на активные попытки внедрения компетентностного подхода в систему образования в России, школьная система пока еще не в полной мере предоставляет молодым людям возможность развивать и совершенствовать основные компетенции. Учащиеся, обладая обширными знаниями и умениями, в большинстве своем не способны к гибкому их использованию в стремительно меняющемся мире. Будучи широко, но поверхностно информированными, они слабо владеют умением жить в современном, динамичном обществе, где необходимо быстро ориентироваться в социальных ситуациях и принимать адекватные решения. Цель образования остается прежней: дать большое количество информации, научить учащегося справляться с уже известными, повторяющимися ситуациями и задачами, не предоставляя ему при этом возможностей принимать самостоятельные, творческие решения, думать.

Итак, воспитание социально компетентного поколения — это процесс сложный, постоянный, длительный, требующий реальных усилий одновременно со стороны семьи, школы, СМИ, государства. Проблем и вопросов на сегодня больше, чем позитивных достижений и ответов. Тем не менее все их необходимо решать, и решать в кратчайшие сроки, ведь от способности подрастающего

поколения жить в современном сверхсложном обществе, достигать социально значимых целей приемлемыми средствами, эффективно взаимодействовать с социальным окружением и решать жизненные проблемы зависит будущее нашей страны.

Литература

1. Беседина И. А. Формирование социальной компетентности. 2004. URL: <http://www.pmuc.ru/jornal/number9/besedina.shtml>
2. Болотов В. А., Сериков В. В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10. С. 8–14.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003.
4. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М., 2004.
5. Злобин С. В., Дворак Т. П. Универсальность и профильное обучение (организационно-теоретические основания). 2003. URL: <http://minobr.sakha.ru/iro/>
6. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. № 5. С. 45–57.
7. Лисовский В. Т., Слуцкий Е. Г. Социальное сиротство: пути реабилитации // Молодежь: тенденции социальных изменений: сб. статей / под ред. В. Т. Лисовского. СПб., 2000. С. 253–274.
8. Самсонова Т. И. Социальная компетентность подростков: технологии ее формирования. СПб., 2007.
9. Семёнов В. Е. Проблемы воспитания российской молодежи и средства массовой информации // Ценностно-нравственные проблемы российского общества: самореализация, воспитание, СМИ / под ред. В. Е. Семёнова. СПб., 2008. С. 23–32.
10. Чельшева Н. А. Подростковая наркозависимость в Санкт-Петербурге (по результатам эмпирического исследования) / Социальная ситуация в современном российском обществе и проблемы профилактики правонарушений несовершеннолетних / под ред. Е. А. Вороновой, С. А. Васильевой. СПб., 2002. С. 45–52.

Т. Ю. Шманкевич

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО ШКОЛЫ И ГОРОДА: ФРАНЦУЗСКИЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Выстраивание гражданских взаимоотношений между российской общеобразовательной школой и различными городскими структурами в настоящее время находится в стадии формирования и в силу этого пока не успело получить должного освещения в социологической литературе. Отсюда интерес к осмыслению аналогичного зарубежного опыта, в том числе к работам французских исследователей, которые в 1980-е годы первыми обратились к взаимозависимости школы и местного городского окружения как к самостоятельной исследовательской проблеме. В фокусе исследовательского внимания оказались повседневные практики, из которых складываются будни школы и города. Представляется, что умения увидеть в рутинной повседневности зачатки гражданских практик часто не хватает российским исследователям, увлеченным глобальной дискуссией о гражданском обществе (еще один довод в пользу более детального знакомства с французским опытом).

Понятие «город», или «городское пространство», интерпретируется в статье как некий набор социальных практик, всегда связанных, согласно Э. Гидденсу, с характеристиками действующего субъекта, с его постоянным вмешательством в окружающий мир, который не всегда поддается усилиям этого действующего субъекта. В качестве такового субъекта анализируется городская общеобразовательная школа, разнообразными сетями связанная с прочими «участниками» городского пространства.

Основой эмпирической базы исследования послужили наблюдения, сделанные в общеобразовательных школах Санкт-Петербурга, лейтмотивные интервью со старшеклассниками и их родителями, директорами школ, завучами, учителями, экспертные интервью

с чиновниками Комитета по образованию Администрации Санкт-Петербурга и работниками Академии постдипломного педагогического образования (АППО)*, а также материалы интернет-сайта междисциплинарного лектория «Контекст».

Французский опыт осмысления проблемы социального партнерства школы и города

В современной литературе нет единого определения понятия социального партнерства. Выделяются три основных подхода в его трактовке, согласно которым социальное партнерство интерпретируется как: 1) способ согласованности противоположных интересов и регулирования противоречий между классом наемных рабочих и классом собственников; 2) один из видов корпоративизма и неокорпоративистских отношений представителей бизнеса, профсоюзов и государства (система трипартизма); 3) элемент процесса формирования социального государства [2, с. 137]. Для дистанцирования от традиционного трипартизма в последнем случае используется маркировка «новое социальное партнерство» [5, с. 80], в качестве основного отличия которого называется замена профсоюзов в трипартистской системе организациями гражданского общества.

Если сверхзадача традиционного трипартизма определяется как смягчение социально-классовых противоречий и достижение социального партнерства бизнеса и лиц наемного труда, то целеполагание «нового социального партнерства» видится в решении многочисленных «общественно значимых задач, замыкающихся, в основном, на систему социальных услуг и социальную инфраструктуру в самом широком смысле этого слова» [5, с. 81]. Именно в таком аспекте социальное партнерство школы и города анализируется французскими исследователями, опыт которых еще и потому заслуживает изучения, что в российских работах, посвященных современной школе, понятие социального партнерства, как правило, сводится лишь к партнерству педагогическому, что само по себе немаловажно, но всей полноты проблемы не исчерпывает.

Во французской литературе взаимосвязь образовательной школы и различных субъектов городского пространства не случайно

---

* Исследование поддержано персональным грантом IFP-B-09-2.

оформилась в качестве самостоятельной исследовательской проблемы в 1980-е годы. Именно в эти годы проводившаяся во Франции образовательная реформа предоставила коллегам и лицам определенную автономию и одновременно закрепила участие территориальных сообществ в решении многообразных проблем местных учебных учреждений. Как отмечают французские социологи, феномен участия различных местных субъектов (муниципальных организаций, промышленных предприятий, общественных учреждений и пр.) в формировании школьной политики возник во Франции отнюдь не в эти годы. Но именно с этого времени локальное окружение начинает интерпретироваться в качестве поддерживающей среды, а инвестирование образовательной политики муниципалитетом из добровольного становится обязательным. В итоге существовавшие до этого практически автономно друг от друга пространство школы и пространство города начинают пересекаться друг с другом самыми разнообразными способами. При поддержке государства эти способы пересечения городского и школьного пространств сразу оказываются в фокусе внимания французских социологов [10–14].

К настоящему времени французскими исследователями накоплен богатый аналитический материал, который условно можно определить как концепцию сколяризации (*la scolarisation*), в рамках которой городская школа анализируется одновременно и как образовательный институт, и как субъект городского пространства. Одним из центральных понятий здесь выступает понятие социального партнерства школы и города, которое обозначает взаимоотношения различных участников, связанных с процессом школьного обучения: учеников и их семей, педагогического коллектива и администрации школы, органов самоуправления самого разного уровня, различных субъектов локального сообщества. По мере усиления глобализации и фрагментации городской жизни таких участников становится все больше, а взаимоотношения между ними делаются все сложнее и неоднозначнее.

Анализ механизма этих взаимоотношений, по мнению французских социологов, может помочь не только в решении конкретных школьных проблем (например, в поиске новых ресурсов), но через более полное изучение контекста социализации городских школьников даст возможность раскрыть дополнительные ресурсы устойчивого развития и школы, и города. Задача представляется

актуальной и в отношении российской школы и российского города. Образовательная ситуация, сложившаяся в России начала XXI века, с возросшей финансовой автономностью учебных заведений, усилением конкуренции на школьном рынке и связанной с этим необходимостью для школы искать «свое лицо», свою нишу в образовательном городском пространстве, напоминает условия возникновения концепции сколяризации во Франции. Хотя определенные сходства не означают полной аналогичности протекающих процессов, опыт социологического анализа этих процессов как минимум позволяет российским исследователям не «изобретать велосипед».

Французские ученые признают, что до 1980-х годов социологический анализ отношений школы и ее окружения, как правило, ограничивался взаимоотношениями педагогического коллектива с учащимися и их родителями. По словам Оливера Кузена, школа долгое время рассматривалась исключительно как место обучения, изолированное пространство, защищенное от волнений общества [12, с. 143]. Отчасти такой социологический взгляд отражал ситуацию гиперцентрализации в образовательной системе Франции, когда министр образования принимал на работу учителей, утверждал школьное расписание, а Министерство образования представлялось единственным каналом, соединяющим школу (коллеж, лицей) с внешним миром. Министерские директивы определяли не только содержание образования, но и организацию обучения на всех уровнях, что обуславливало одновременно унификацию образовательной системы и ее изолированность от местного окружения.

Самый распространенный образ школы в социологической литературе этого времени — остров, отгороженный от всех внешних тревог и волнений. Кульминация периода гиперцентрализации приходится на 1960-е годы, отмеченные дискурсом равенства шансов и обязательности всеобщего охвата школьным обучением детей от шести до шестнадцати лет, что нашло отражение в знаменитом споре П. Бурдьё и Ж.-К. Пассрона, с одной стороны, и Р. Будона, с другой. Неудача политики «равенства шансов»* спровоцировал

---

* О провале политики «равенства шансов» говорят следующие цифры: во Франции середины 1960-х годов на вторую ступень образования (полное среднее) перешли 86% детей высших чиновников, 81% лиц свободных профессий, 76% из семей «средних кадров», 56% мелких служащих, 54% ремесленников и торговцев, 41% рабочих (кроме сельскохозяйственных), 40% крестьян, 37%

отказ от сверхцентрализации и, как результат, модификацию всей образовательной системы Французской Республики.

Новая политика получила название политики двух «Д» — децентрации и децентрализации. В рамках децентрации в 1986–1987 годах ответственность за педагогическую структуру учреждений (в том числе вопросы управления персоналом) была передана от Министерства национального образования академическим службам (академическим инспекциям и ректорату). Децентрализация проявилась в передоверии территориальным сообществам вопросов управления учебными заведениями, включая и вопросы инвестирования. В итоге локальные акторы оказались непосредственными участниками образовательного процесса.

Логично, что такое положение вещей не могло не сказаться на целях локальной образовательной политики, траекторию модификации которой Ив Дютерк определил как движение от децентрализации средств к децентрализации целей [13, с. 123–124], т. е. к такому качеству взаимоотношений, когда сотрудничество направлено не на единую официально намеченную цель, а опирается на осознанную конвенцию, договоренность. В качестве примера можно привести работу французской исследовательницы Аньес ван Зантен [14], проанализировавшей практики «стратегических родителей», проживающих в спальных районах Парижа.

«Стратегические родители», по определению Аньес ван Зантен, — это родители учащихся, обладающие одновременно и желанием, и достаточными ресурсами (материальными, культурными, временными) для активного участия в процессе обучения своего ребенка. Традиционно подобные родители были однозначно ориентированы на обучение своих детей в престижных школах в престижных районах города, независимо от места своего проживания. Однако со временем, отмечает исследовательница, приходит понимание, что подобный выбор не ограждает их детей от влияния социальной среды по месту жительства. Постепенно начинают возникать проекты родительской поддержки тех школ, что расположены непосредственно в районе проживания, даже если их собственные дети посещают не эту школу. Цель подобных проектов,

---

сельскохозяйственных рабочих. В целом по стране в 1966 году почти $\frac{3}{4}$ самодеятельного населения имели лишь «элементарное», т. е. неполное среднее, образование [8, с. 232–233].

по словам А. ван Зантен, — «реконструкция надлежащих контекстов социализации вне школьного учреждения» [14, с. 6].

Новое мышление «стратегических родителей» проявляется в том, что они отстаивают свое право входить в школьные советы, родительские ассоциации, чтобы через них сохранять влияние на ситуацию в школе, а через нее — на ситуацию в микрорайоне. Вызвано это родительским и одновременно гражданским стремлением «облагородить» социальный контекст проживания, «ограничить деградацию учреждений квартала» [14] и тем самым обеспечить лучшие условия социализации своего ребенка. Это являет собой яркий пример социального партнерства, конвенциональная сущность которого состоит в том, что гражданские практики основываются не на противопоставлении личных и общественных интересов, а на их сближении и совместимости (подробнее об этом см.: [9]).

Чем разнообразнее сети взаимоотношений школы с различными субъектами городского сообщества, тем сложнее достижение взаимопонимания между ними, превращения взаимоотношений в осознанное взаимодействие. Поэтому целевую конвенциональность можно определить одновременно и как заветную задачу социального партнерства школы и города, и как его ахиллесову пяту.

Из французского опыта видно, что процесс формирования осознанного взаимодействия начинается, как правило, с решения проблем перераспределения ресурсов. И лишь по мере накопления опыта участия локальных структур в делах школы, по мере формирования механизмов социального партнерства школы и города на первый план выходят вопросы взаимовлияния школы и города, трансформация единого контекста социализации городских школьников. Вывод представляется актуальным для понимания нынешнего состояния и определения перспектив социального партнерства уже российских школы и города.

Перспективы социального партнерства школы и города. Российский контекст

В качестве подтверждения того, что возможность общественного участия в управлении российской школой изначально официально рассматривалась именно как различные способы соучастия в формировании школьных ресурсов и в контроле над их исполь-

зованием, можно рассмотреть все редакции Закона РФ «Об образовании» начиная с 1992 года. В такой же прагматичной логике рождается идея попечительских советов, которые, согласно Указу Президента РФ от 1999 года, рассматривались как «возможность легитимизации различным локальным сообществам, готовым помогать школе, благодетельствовать ей, опекать ее» [7, с. 63]. Таким образом, несмотря на все своеобразие постсоветской ситуации, свой первый шаг на пути к партнерству российские школа и город совершают в полном соответствии с намеченной Дютерком траекторией.

Дальше, чтобы из модного лозунга стать успешной социальной практикой, партнерство школы и города должно быть осознано различными участниками образовательного пространства как актуальная социальная проблема. Аргументом, подтверждающим, что совершить этот переход нелегко, является история упомянутых попечительских советов, ставших еще одной модной новацией, стремлением соответствовать властным установкам вне зависимости от того, что происходило на самом деле.

Формально никто не ставил задачи немедленного создания попечительских советов в каждой школе. Вот только в бланки школьных отчетов уже на следующий год после президентского Указа добавили графу: «Есть в школе попечительский совет или нет». Наличие или отсутствие попечительского совета стало рассматриваться как показатель работы школы. В результате в авральном порядке формировались списочные составы совета, назначался председатель, порой даже не ведающий, что таковым является.

Там, где инновация не воспринимается в качестве решения актуальной социальной проблемы, формализм любого начинания неизбежен. Без такого осознания формальным лозунгом останется и формирование гражданского заказа на образование — структурообразующего элемента, без которого невозможно новое образовательное пространство. Объективных факторов, затрудняющих оформление и нормативное закрепление ожиданий граждан от системы образования, у нас достаточно. Это и эклектичность российского общества, и резкая поляризация социальных позиций, гражданских интересов, и политическая инертность большинства групп населения, и многое другое.

В такой ситуации нужны не отдельные шаги по реализации официальной Программы, но системные действия определенных соци-

альных групп, что можно будет идентифицировать как оформившийся социальный выбор. Как обстоит дело с новым социальным выбором в современной России? Единства в ответе на этот вопрос нет. Существует мнение, что для окончательного его оформления понадобится появление нового поколения, выросшего в иных условиях. Но и приняв подобную точку зрения, не следует забывать, что готовить новые условия нужно «здесь» и «сейчас». Вот почему важным шагом на пути к формированию нового социального выбора и оформлению гражданского заказа на образование стали открытые дискуссии, специализированные сайты, многочисленные тематические конференции. По определению Г.Блумера, именно таким образом происходит легитимация проблемы. Социальный выбор, осмысленный, проговоренный, ставший предметом дискуссий, свидетельствует об общественном признании обсуждаемой проблемы. В противном случае не получившая легитимности социальная проблема обречена барахтаться и чахнуть «вне арены публичного действия» [3, с. 122]. Таким образом, сам факт, что феномен социального партнерства школы и города становится предметом обсуждения в различных аудиториях, на различных уровнях, доказывает: обозначенная проблема получает шанс на решение.

Дальнейшим шагом должна стать мобилизация действия. Для этого недостаточно восприятия различными субъектами городского пространства взаимодействия школы и города как вынужденной необходимости. Требуется осознание этого взаимодействия как реальной потребности. Чтобы такая потребность сформировалась, социальное партнерство школы и города должно оформиться в качестве внутренних представлений, стремлений различных людей и институтов, участников образовательного пространства. Подобные представления и отражают обобщенную готовность-неготовность изменять общество «посредством имеющегося ...социального капитала и актуализации личностного потенциала» [6, с. 12].

Зачастую ментальная неготовность к активному взаимодействию объясняется сильными патерналистскими настроениями, опирающимися на представление о справедливости как ситуации, когда сильный бескорыстно помогает слабому. Отсюда ностальгия школы по шефской помощи советских времен, мешающая выстраивать новые паритетные отношения взаимовыгодного партнерства. К тому же нарождающийся, не имеющий собственного граждан-

ского опыта бизнес плохо себе представляет, каким образом ему может быть выгодно партнерство с общеобразовательной школой.

Между тем было бы явным упрощением простое противопоставление советского патернализма формированию новых отношений социального партнерства. Как было замечено исследователями, патерналистская забота со стороны советского государства изначально не входила «в идейную конструкцию советского проекта» [4, с. 4]. Выстраивание взаимоотношений между школой и советским государством оказалось сложно контролируемой социальной практикой, пришедшей в противоречие с конструктом советского человека, который предполагался в качестве сильного, волевого строителя коммунизма, а вовсе не как инфантильное порождение советской школьной системы. Поставленная цель пришла в противоречие с результатом, и в этом один из уроков советского опыта.

Привычка противопоставлять современную историю истории советской, ставшая определенным шаблоном мышления, мешает видеть общие закономерности, подменяя их надуманной уникальностью российского исторического опыта. Отсюда рождается иллюзия, что трудности — это чисто российский феномен. Однако из тех же французских исследований видно, что нормативное декларирование взаимозависимости локальных городских институтов и учебных заведений превращается во внутреннюю потребность совсем не вдруг, а в процессе многолетней практики постепенного накопления партнерского опыта.

Итогом подобной эволюции отношений для Франции начала XXI века становится появление социальных проектов преобразования городского пространства, в которых школе отводится одна из ведущих ролей. Французскому государству понадобилось двадцать лет, чтобы возник взгляд на социальное партнерство школы и города как на социальную конвенцию, направленную не столько на решение собственных прагматичных задач отдельных участников, сколько на достижение желанной коррекции социальной среды, границы и контуры модификации которой задаются пространством взаимодействия различных субъектов.

В России такое понимание находит отражение в официальном дискурсе. На сегодняшний день сложно найти предприятие или фирму, в уставных документах которой не было бы пункта о социальном партнерстве с каким-либо учебным заведением. Наиболее

типичную для России форму социального взаимодействия школы и бизнеса можно определить как социальную помощь, конвенцию «неравных», где школе изначально отведена роль «слабого» и «обездоленного», что помогает решить какие-то сиюминутные проблемы, но не способствует накоплению школой собственного социального капитала. Формальная выгода такого взаимодействия для «сильного» — проставленные галочки в социальных программах, говорящих о соответствии политики предприятия официальной государственной идеологии.

Различные фирмы легко идут на поддержку того или иного конкурса, олимпиады, школьной конференции — ведь выделение для школы скромных сумм практически не ощутимо для финансового положения предприятия. Формализм такого соучастия, по словам эксперта-чиновника Комитета по образованию г. Санкт-Петербурга, особенно ярко проявляется в том, что оно зачастую ограничивается лишь переводом денежных сумм, без личного «живого» участия представителя от фирмы. В результате креативные возможности мышления школьников, которые можно было бы использовать в качестве неиссякаемого бизнес-ресурса, остаются совершенно невостребованными.

В отличие от социальной помощи социальное партнерство привлекательно равноправием участников, независимо от качества и количества имеющихся в их распоряжении ресурсов. Цель такого взаимодействия — не перераспределение ресурсов, чтобы сильный помог слабому, а достижение определенной социально значимой цели, реализация социальных проектов, в том числе направленных на модификацию городской среды. Еще раз заметим: во Франции прошли годы, прежде чем произошла подобная модификация.

Происходят перемены и в российском образовательном пространстве, которое включает в себя все большее количество участников, становясь, таким образом, для многих из них первой школой гражданских практик. Возникают проекты создания локальных кризисных центров, где школе отводится одна из ведущих ролей. Примером здесь может быть программа «Родители как первые учителя» — образовательный проект, в который вовлечены многочисленные социальные структуры и службы Приморского района Санкт-Петербурга, но центральное место принадлежит школе. И все же в целом взаимодействие школы с различными партнерами пока остается инструментом решения наболевшей проблемы

ресурсов. Но, как мы определили, это следует рассматривать не как особенность российского опыта, а скорее как соответствие общей закономерности.

Снова пример Франции. Согласно нормативным документам Управляющие советы французских колледжей и лицеев обладают достаточной компетенцией, правом участия в определении цели образования, в формировании учебных планов. Состоит Управляющий совет из трех равноправных групп: представителей местной власти и школьной администрации; школьного персонала; представителей родителей и учеников. Во французской социологической литературе деятельность этих советов оценивается как значимая гражданская инициатива.

К своему удивлению, во время разговора с парижанкой, состоящей в Управляющем совете коллежа, где учился ее сын, я услышала не о каких-то важных концептуальных вещах, а все о тех же «ресурсных» проблемах: необходимо чинить крышу, собирать деньги для ремонта, продумать, как загородить школьную площадку, чтобы защитить школьников от местных рокеров и т.п. Казалось бы, вот оно — противоречие: на словах провозглашается одно, на деле — другое. Но, поразмыслив, приходишь к выводу, что, возможно, нам как раз не хватает умения замечать гражданские начинания в обыденных практиках, отдавать должное проявленной инициативе, не заикливаясь на несоответствии неким абстрактным стандартам.

Симулякр или «реальные» практики?

Социальное партнерство школы и города постепенно входит как в общегражданский, так и в общегородской дискурс. Оно предполагает уход от прежних патерналистских практик в пользу обоюдной социальной ответственности партнеров. Тем более неожиданно прозвучало начало одной публичной лекции, посвященной социальным сетям бизнесменов [1]. Лектор сообщил, что наиболее частым советом ему при подготовке к лекции было: «Ни в коем случае не упоминай о социальной ответственности бизнеса!», поскольку само это словосочетание отпугнет слушателей, а тем более бизнесменов. Не значит ли это, что социальная ответственность становится неким симулякром, существующим в качестве модного

лозунга, принципа, практически не имеющего отношения к обыденной жизни?

В контексте нашей темы социальная ответственность ограничивается пониманием, что без помощи посторонних благодетелей школе не выжить. От такого понимания до настоящего сотрудничества очень далеко. Почему все складывается так? Можно говорить о недостаточной сознательности, о несформировавшейся системе, об отсутствии должного опыта как у школы, так и у бизнеса. Можно также предположить, что одна из причин кроется в отсутствии настоящего интереса у тех людей, что объединяются в различные попечительские и управляющие школьные советы, и именно этим обусловлен формализм подобных объединений.

Когда речь зашла о сотрудничестве со школой, соуправитель одного питерского банка заметил, что он не оспаривает значимости школы, вот только лично ему школа сама по себе не интересна. *«Вы говорите: дети, школы... Мне проще в бюджете выделить специальные деньги и просто проплатить»*. И дальше этот бизнесмен определил формулу условия для его личного неформального участия: *«Это должно нравиться. А за то, что не нравится, мы просто заплатим деньги... выделим статью бюджета»* [1].

Проблема дефицита интереса не ограничивается российским контекстом. Директор Мемориальной библиотеки Кеннеди в Бостоне, размышляя над вопросом, как сделать эффективной работу попечительского университетского совета, пришла к выводу: *«Очень просто. Сделайте так, чтобы этим людям было интересно друг с другом встречаться независимо от вас. Тогда им станет интересно встречаться у вас, по вашему поводу, и они станут вашими сторонниками и будут вас поддерживать. А если вы будете собирать людей тех, которые, вы думаете, что они вам нужны, то ничего из этого у вас не получится. Они будут раз в год или два раза в год собираться на ваши скучные заседания, выслушивать ваши дурацкие отчеты и потом расходиться с чувством выполненного долга»* [1].

Возможно, одним из решений проблемы может стать превращение школы в клубную площадку, где станут собираться разные люди для решения не школьных, а своих насущных проблем. И если при этом они будут получать удовольствие от таких встреч, возникнет обоснованная заинтересованность в том, чтобы процветала школа и как клубная площадка, и как конкретное образовательное учреждение.

«Клубные» возможности школы, конечно, не панацея. К тому же это пока не реальность, а продукт развернувшейся дискуссии вокруг социального партнерства школы и города. Но, как было замечено, наличие публичной дискуссии — необходимое условие для того, чтобы социальная проблема получила шанс на эффективное разрешение. К тому же современный разговор о школе выходит за рамки только педагогических проблем, за рамки профессионального преподавательского сообщества. А значит есть надежда на то, что уже в процессе дискуссии будут не только рождаться новые аргументы и новые гипотезы, но также формироваться социальные сети будущего партнерства.

Литература

1. Александров Д. Лекция «Социальные сети бизнесменов и проблемы общества». Материалы публичной дискуссии междисциплинарного лектория «Контекст» 12 марта 2009 г. Санкт-Петербург. URL: <http://contextclub.org/events/y2009/m3/n11>
2. Ахмадинуров Р.М., Испулова С.Н. Социальное партнерство на промышленных предприятиях // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 137–139.
3. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11: Социология / РЖ РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М., 2008. № 2. С. 114–127.
4. Калинин И. Добро пожаловать в детство, в которое посторонним вход запрещен // Неприкосновенный запас. 2008. № 2 (058). С. 3–5.
5. Перегудов С.П. Трипартистские институты на Западе и в России: проблемы обновления // Политические исследования. 2007. № 3 (99). С. 78–91.
6. Резник Ю.М. Социальная теория и мир практик // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. 2008. Т. X, вып.2 (41). С. 8–18.
7. Ресурсы развития школы. По материалам газеты «Управление школой» // Вестник ОРИШ. № 4, апрель 2006.
8. Филлипов Ф.Ф. Социологический анализ проблем образования // Франция глазами французских социологов. М., 1990. С. 232–241.
9. Шманкевич Т. Школа и город: «родительские стратегии» как гражданские практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 3. С. 129–136.

10. *Bautier E., Charlot B., Rochex J.-I.* Entre apprentissages et métier d'élève: le rapport au savoir // *L'école, l'état des savoirs*. Paris: La Découverte, 2000. P. 179–188.
11. *Briand J-P., Chapoulie J-M.* L'institution scolaire et la scolarisation: une perspective d'ensemble // *Revue française de sociologie*. 1993. XXXIV. P. 3–42.
12. *Cousin O.* Politique et effets-établissements dans l'enseignement secondaire // *L'école, l'état des savoirs*. Paris, 2000. P. 139–148.
13. *Dutercq Yv.* Les politiques éducatives des collectivités territoriales. *L'école, l'état des savoirs*. Paris, 2000. P. 121–129.
14. *Van Zanten A.* *L'école de la périphérie: Scolarité et ségrégation en banlieue*. Paris, 2001.

**КАК ФОРМИРУЕТСЯ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ
(ОБ ИСТОРИИ УКРАИНЫ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ)**

Известно, что основы национального самосознания, и в частности такой его неотъемлемой части, как патриотизм, закладываются в подростковом возрасте, и поэтому естественно, что особую роль приобретают уроки истории — наиболее «патриоцентричного» предмета школьной программы. Посредством изложения истории прямо и косвенно детям передаются и национальная идея, и те модальные символы, которые формируют как гражданственность, так и национальную самоидентификацию подрастающего поколения.

Не секрет, что сегодня в украинской идеологии существенно смещаются не только современные, но также исторические акценты российско-украинских отношений, ввиду чего казалось целесообразным провести контент-анализ украинских учебников истории, чтобы понять и оценить тот социально-исторический контекст, в котором воспитываются сегодняшние украинские школьники (финансовую поддержку проекта осуществило РИА «Росбалт»).

Аналізу були підвргнуті наступні підручники:

- 1) *Лях Р., Темирова Н.* История Украины. Учебник для 7-го класса. Киев, 2005;
- 2) *Власов В.* История Украины для 8-го класса. Киев, 2003;
- 3) *Турченко Ф., Мороко В.* История Украины второй половины 18 в. — начала 20 в. Киев, 2005;
- 4) *Турченко Ф.* Новая история Украины. Часть 1. (1914–1939 гг.). Киев, 2002;
- 5) *Турченко Ф., Панченко П. и Тимченко С.* Новейшая история Украины. Часть 2. (1939–2001 гг.). Киев, 2006.

Все анализируемые учебники изданы после 2002 года и рекомендованы Министерством просвещения Украины для обучения в средних школах с 7-го по 11-й класс.

В отличие от российской системы исторического образования, в старших классах украинских школ не происходит возвращения к повторному изложению истории государства, т.е. все исторические события излагаются только один раз, на уровне, доступном восприятию индивида определенного возраста.

Не утомляя читателя специальными контент-аналитическими таблицами, остановимся на самых примечательных чертах каждого из учебников, имея в виду, прежде всего, интерпретацию российско-украинских отношений, а в заключение сформулируем некоторые общие выводы.

Учебник истории Украины для 7-го класса состоит из 5 глав, в которых излагаются события начиная от древней истории Украины (до возникновения Киевской Руси) и до периода пребывания украинских земель в составе Великого княжества Литовского и других стран (вторая половина XIV — первая половина XVI века).

Отметим несколько характерных особенностей этого издания, представляющих интерес в контексте нашего рассмотрения.

О восточных славянах говорится (с. 5), что они «заложили основу формирования украинского народа, поэтому их считают пра-украинцами».

Летописи, и в частности «Повесть временных лет», цитируются в переводе на современный украинский язык, причем, так как не указывается, что это перевод, у подростка может сложиться впечатление: летописи и написаны первоначально по-украински.

Галицко-волинское княжество объявляется единственным правопреемником Киевской Руси, а о Владимиро-Суздальской Руси не упоминается вовсе.

Среди важнейших политических и культурных центров Киевской Руси называются, кроме Киева, Чернигов, Галич, Переяславль и Львов, хотя в последнем во времена Киевской Руси было только 5 тысяч жителей. Ни о Новгороде, ни о Пскове не говорится ничего, хотя по численности населения и значимости они уступали только Киеву. Не упоминаются опыт вечевых республик, выборы князей новгородцами, высокий уровень образованности новгородцев, наглядным свидетельством которого являются берестяные грамоты.

Утверждается, что при власти литовского Свидригайла существовало «Великое княжество Русское». Иными словами, учебник прямо и косвенно идентифицирует судьбу украинских земель с судьбой Великого княжества Литовского, в то время как о судьбе восточной части бывшей Киевской Руси умалчивается.

В отношении Великого княжества Московского употребляется понятие «Московщина», причем оно позиционируется в отличие от Литвы как государство иностранное, не упоминается даже важнейшее событие этого времени — Куликовская битва, хотя говорится об Иване Великом, который сбросил «монголо-татарское иго» «с Руси». Этим пассажем авторы окончательно запутывают читателя, так как в этот же период они постоянно называют «русскими землями» современные украинские территории.

Название раздела «Завоевание Московским государством Чернигово-Северской земли» говорит само за себя. Противоречивость параграфа состоит в том, что, с одной стороны, Иван III воюет с Литвой, и его поддерживают некоторые украинские вельможи, с другой — литовское войско возглавляет князь Острожский, который позиционируется как украинский аристократ, хотя в польской истории этот род фигурирует как польско-литовский.

На с. 177–179 заявляется о формировании «украинской народности» в XV–XVI веках. Хотя здесь же говорится и о названии «Малая Русь», впервые появившемся в XIV веке в грамотах последнего галицко-волинского князя. Народ называют то «украинцами», то «русинами», в то время как восточных соседей — исключительно «московитами».

Утверждается, что украинский язык начал формироваться в XIV веке, хотя речь идет, конечно, о формировании диалекта древнерусского языка.

В Учебнике истории Украины для 8-го класса, содержащем 6 глав, излагаются события второй половины XVI века — первой половины XVIII века. Из числа всех анализируемых учебников именно этот носит наиболее «антирусский» характер, который автором даже не скрывается. Об этом, кстати, говорят и названия отдельных разделов учебника, например «Московско-украинская война 1658 г.», «Вмешательство во внутренние дела Украины» или «Антиколониальное восстание Мазепы против Московии», причем в последнем заявляется, что «интересы Московии в Северной войне не

имели никакого отношения к Украине» (с. 192). Примечательно, что «Московией» продолжает называться Россия даже в петровскую эпоху. Перечисление тенденциозных оценок заняло бы десяток страниц, поэтому остановимся только на самых важных с точки зрения фальсификации исторической «картины мира».

Объединение «Литовско-русского государства» с Польшей объясняется необходимостью «противостоять захватническим планам Московского царства». При этом Польша в отличие от «Москвы-агрессора» объявляется чуть ли не единственным островком благоденствия на фоне кровавых конфликтов с «Московщиной».

Более 20% объема учебника посвящено деятельности Запорожской Сечи, которая позиционируется как полноценное государство, хотя она и не обладала одним из основных признаков государственного образования — устойчивыми границами, признаваемыми соседними странами. А наличие гетманской булавы и бунчука еще не говорит о наличии государственности. Выстраивается мифологема, согласно которой Украинское «казачье государство» и есть естественный наследник Киевской Руси. В действительности же речь шла об автономном образовании в составе других государств — либо Речи Посполитой, либо Московского царства. В отдельные годы эта автономия действительно была широкой, но никогда не достигала уровня полномочий независимого государства, что, кстати, следует даже из содержания самого учебника. Таким образом, учащиеся сознательно вводятся в заблуждение.

В трактовке Украинско-Московского договора 1654 года (в нашей истории — договор о воссоединении Украины с Россией) автор утверждает, что он состоялся между «равноправными участниками», что не соответствует исторической истине. Так как казачья старшина «целовала крест», присягая царю Алексею Михайловичу, речь шла о вассалитете, пусть и на правах широкой автономии. Мифологема относительно этого важнейшего события в истории российско-украинских отношений, внушаемая автором, состоит в следующем: во-первых, для него это рядовой договор, причем вынужденный, когда из двух зол (поляки или «московиты») выбирают меньшее; во-вторых, нарушение присяги наследниками Хмельницкого, в частности заключение соглашений с Речью Посполитой, с Османской империей, союз с крымскими татарами трактуются как явления не только естественные, но и морально допустимые

в условиях «национально-освободительной борьбы»; в-третьих, игнорируется важнейший мотив в пользу Москвы — общая вера, православие. Примечательно, что возникновение Греко-католической церкви оправдывается необходимостью борьбы с Московским патриархатом.

Действия Петра I после измены Мазепы интерпретируются как «проявление жестокой колониальной политики Москвы, стремление посеять страх, расколоть украинский народ, искоренить идею национальной самобытности». Между тем это вполне естественная реакция монарха на измену своего вассала и союзника. Что же касается репрессий власти против сторонников Мазепы, которые намеренно преподносятся с этнополитических позиций, то это также искажение исторической правды, поскольку известный авторитаризм и жестокость Петра проявлялась по отношению ко всем подданным, независимо от национальности. Как раз национализмом он явно не страдал, если держал в своем ближнем круге украинца Прокоповича, еврея Шафирова, молдаванина Кантемира и чернокожего Ганнибала.

В разделе «Культура» говорится о традиции «со времен Киевской Руси использовать два литературных языка: книжный староукраинский язык и украинскую разновидность церковнославянского языка». А поскольку «Слово о полку Игореве» написано не на церковнославянском языке, то, значит, на «староукраинском», так же как, по-видимому, и летописи. В случае упоминания языка, на котором говорили в «Московщине», он иначе как «московской мовой» не называется. Это вовсе не детали, как может показаться на первый взгляд, поскольку именно язык является символической средой функционирования этничности.

В учебнике **«Истории Украины второй половины 18 в. — начала 20 в.»** (11 глав) описываются события начиная с отмены статуса гетманства как автономии в составе Российской империи и введения губернского территориального деления в годы правления Екатерины Великой, что трактуется как «ликвидация украинской государственности», и заканчивая преддверием Первой мировой войны.

Утверждается, что во время русско-турецкой войны 1768 года «украинские вооруженные силы» сыграли «определяющую роль, преградив путь на Украину 100-тысячной турецкой армии. У чи-

тателя, не владеющего иной информацией, складывается впечатление, что русские войска в это время, очевидно, «отсиживались» за спинами запорожцев.

Заявление о том, что Южная Украина (Новороссия) первоначально освоена украинцами не соответствует исторической истине, так как между Запорожьем и Причерноморьем еще со времен Древней Руси располагалось так называемое Дикое Поле, фактически никем не заселенное. Запорожские «коши» — военные лагерь — трудно считать полноценными поселениями хотя бы потому, что это были чисто мужские сообщества, так что новороссийские города никак не могли возникнуть на местах бывших запорожских поселений. Сомнительно, чтобы на месте современного Херсона или Одессы в этот период постоянно жили запорожцы. Очевидно, что этот раздел посвящен обоснованию претензий Украины на историческую принадлежность этой территории именно ей.

Особое внимание уделяется формированию украинского национального движения, призванного способствовать «осознанию самими украинцами себя как отдельного народа». Из этой примечательной формулировки «национальной идеи» следует то, в чем авторы учебника явно не склонны признаваться: к этому времени уже произошло восстановление исторически утраченного единства великороссов, малороссов и белорусов и формирование на его основе надэтнической национальной общности при сохранении субэтнических особенностей ее отдельных составляющих. Иными словами, национальная идея украинской элиты состояла в искусственном конструировании этнической идентичности.

Авторы учебника посредством организации материала пытаются уменьшить дистанцию по отношению к Польше, поскольку она «порабощена», так же как и Украина. Примечательно, что описанию польских восстаний отводится столько же места, сколько и изложению событий войны с Наполеоном.

Особое внимание уделяется Западной Украине в составе Австро-Венгрии (в целом эта информация составляет 34% объема учебника).

Игнорируется тот факт, что национальная политика Российской империи, которую условно можно было назвать «надэтнической», наряду с унитаристскими ориентациями имела и свои достоинства. В частности, то, что для любого украинца православного вероисповедания в империи были открыты точно такие же

статусные возможности, как и для «великоросса», чего, естественно, не существовало в Австро-Венгрии, в состав которой входила Галиция. Поэтому любые аналогии, к которым прибегают авторы, сравнивая положение украинцев, с одной стороны, в Российской, а с другой — в Австро-Венгерской империи, мягко говоря, тенденциозны и неточны.

Имя Н. В. Гоголя, как известно, этнического украинца, упоминается «между прочим», наряду с именами известных только на Украине Гулака-Артемовского и Квитки-Основьяненко, хотя сведениям о культуре во всех учебниках отводится немало места. Между тем именно талант Гоголя открыл не только русскому, но и европейскому читателю таинственный и прекрасный мир украинской этнической культуры, колорит и обаяние этой земли. Поразительно, что авторы не понимают «знаковости» этой фигуры не только для России, но и для Украины. Скорее всего, Николай Васильевич «наказан» авторами учебника за свою приверженность русскому языку.

В учебнике **«Новая история Украины. Часть 1»** (6 глав) излагаются события периода между двумя мировыми войнами (1914–1939). Обращает на себя внимание иная, чем в российской историографии, периодизация: до начала Второй мировой, а не Великой Отечественной войны. Примечательно, что 49,4% объема учебника посвящено событиям «украинской революции» и «борьбе за сохранение государственной независимости».

В первом параграфе («Главная задача украинского народа в XX веке») ставится знак равенства между положением украинцев в Австро-Венгрии и России, хотя в одном случае речь идет о насильственной германизации со стороны государства, исторические пути которого никогда не пересекались с Украиной, а в другом случае — о православном государстве с общими культурно-историческими корнями.

Утверждается, что этнические границы расселения украинцев превышают пределы современного украинского государства, проходя по территориям Кубани, Области войска Донского, Воронежской и Курской областей (РФ), Могилевской, Минской и Гродненской областей (Белоруссия), бывших Седлецкой и Люблинской губерний (Польша). Иными словами, неявно, но преподносится мысль, что современная Украина занимает меньшую территорию по сравнению с той, на которую имеет исторические права.

Изложение истории этого периода носит более взвешенный и нейтральный характер по сравнению с интерпретацией предшествующих исторических эпох. По-видимому, это связано с национальной политикой большевиков, которая заключалась в этнизации союзных республик и, по мысли Ленина, была призвана противостоять «великодержавному шовинизму великороссов». В этом смысле автор учебника г-н Турченко является верным ленинцем.

Автор не скрывает своей симпатии к большевикам и неприязни к белому движению. Именно этим можно объяснить в целом прохладную оценку гетманщины Скоропадского, известного своей прусской ориентацией.

Красный террор, раскулачивание и «гладомор» рассматриваются только в контексте Украины. Поэтому у школьников, не владеющих иной информацией, может создаться впечатление, что все это акты геноцида, направленного исключительно против украинского народа, а не элементы общей государственной политики СССР того периода.

«Новейшая история Украины. Часть 2» включает 6 глав и охватывает период с 1939 по 2001 год. Треть учебника (30,9% объема) посвящена истории современного украинского государства, которая в настоящей статье не рассматривается.

Учебник новейшей истории Украины для 11-го класса представляется наиболее взвешенным и наименее тенденциозным из всех пяти публикаций, подвергнутых анализу. Авторы приводят много фактического материала, не оценивая его и оставляя право на оценку самим учащимся. Скорее всего, это объясняется тем, что советская власть способствовала украинизации территорий, включенных в состав УССР, а кроме того, еще и тем, что благодаря национальной политике советской власти в состав УССР попали территории, исторические права на которые у современной Украины сомнительны.

СССР как государство рассматривается в значительной степени объективно, перечисляются не только его недостатки, но и достоинства. Исключение составляет интерпретация передачи Крыма из состава РСФСР в состав УССР, которая объясняется «попыткой переложить на плечи Украины часть моральной ответственности за выселение крымско-татарского населения и заставить ее зани-

маться восстановлением на полуострове хозяйственной и культурной жизни».

Таким образом, история Украины в целом предстает как идеологический конструкт, призванный формировать национальное самосознание, национальную гордость и, образно говоря, национальный дух. С этим украинские учебники справляются прекрасно, пожалуй, значительно лучше, чем российские. Просмотр российских учебников по истории обнаружил их сухость, даже некоторый академизм, вряд ли уместный в такого рода пособиях. Они менее эмоциональны, в них почти отсутствуют цитаты из художественных произведений, документов и дневников, которыми изобилуют украинские учебники. Между тем подростка надо именно увлечь национальной историей, иначе она останется для него только скучным уроком и никак не повлияет на формирование национальной идентичности.

Вместе с тем украинские учебники, по сравнению с российскими, значительно более тенденциозны. Мифологемы, формируемые в ходе обучения, в силу своей эмоциональности и яркости изложения, безусловно, будут восприняты и освоены подрастающим поколением Украины. Перечислим некоторые из них:

- ядро восточных славян не только в период Киевской Руси, но и в последующий период исторического развития — это Украина, которая и является подлинной Русью, но никак не Московия, отколовшаяся от первоначального ядра. В использовании понятия «Московщина» или собирательного «Москва» нередко содержится сознательное или бессознательное стремление максимально принизить своих восточных братьев, что вытекает из контекста словоупотребления;
- ни в одном из учебников русские не называются и не интерпретируются как близкий и братский народ (кстати, в отличие от российской трактовки);
- фактически вся история отношений Украины с Московией, Российской империей и СССР рассматривается исключительно в контексте колониальных притязаний и завоеваний восточного соседа, причем ставится знак равенства между колонизацией в период Средневековья и русификацией в эпоху империи. Симпатии авторов явно на стороне Польши, как источника европеизации Украины, в то время как Москва —

средоточие варварства. Игнорируется факт единоверия, который во все периоды, кроме советского, имел для украинцев первостепенное значение.

Учебники формируют негативное отношение к российскому государству, за исключением послевоенного периода в СССР. Причем эта цель достигается не столько за счет изложения событий, сколько благодаря идеологическим акцентам, которые авторы расставляют умело, добиваясь при этом желаемой эмоциональной реакции.

Существенным достоинством украинских учебников по сравнению с российскими является большая доля учебного материала, посвященного культуре. Фактическое игнорирование культурного контекста в российских учебниках позиционирует в сознании учащихся исторический процесс исключительно как политико-государственный, что определенным образом формирует национальное самосознание.

Т. Г. Поспелова

КОМПЬЮТЕРНАЯ СОЦИОГРАФИЯ СЕМЬИ КАК МЕТОД КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Концепция комплексного подхода к исследованиям социальных проблем, разработанная известными учеными Б.Г.Ананьевым, В.Я.Ельмеевым, Е.С.Кузьминым, была заложена в основание проекта создания в 1965 году Института комплексных социальных исследований ЛГУ (ныне СПбГУ), в тематику которого входило, в частности, изучение семейной проблематики.

Исследования семьи проводились в лаборатории дифференциальной психологии Б.Г.Ананьева, в лаборатории социальной психологии Е.С.Кузьмина и в лаборатории социологии молодежи В.Т.Лисовского. В их рамках были созданы методики, которые и сегодня активно используются в исследовательской и практической работе: методика ролевых ожиданий партнеров (А.Н.Волкова, Т.М.Трапезникова), тестовые методики совместимости деятельности партнеров (Н.Н.Обозова). Однако сама идея комплексного исследования этой проблематики в силу организационных барьеров, к сожалению, не получила значительного развития, хотя и сохранила свою актуальность.

В современных условиях свободной реструктуризации научных направлений, развития социологии и психологии как системных и мультипарадигмальных наук вновь актуализировались идеи комплексных подходов к исследованию социальных проблем. Более того, общепризнанной стала точка зрения, согласно которой только междисциплинарные подходы обеспечивают эффективность их решения.

Использование в комплексных исследованиях различных теоретических подходов к анализу отдельных аспектов семейной

проблематики, развитие новых информационных технологий и создание компьютерных программ способствуют расширению возможностей обобщения разнообразной эмпирической информации и открывают новые перспективы исследований семейной проблематики.

Современная семья, как сложная, динамическая система отношений родства и свойства, имеющая объективно и субъективно определяемые границы, своеобразные способы организации и функционирования, обусловленные общим социокультурным и субкультурным контекстом, является объектом изучения многих научных дисциплин (генеалогии, демографии, социологии, психологии), а при необходимости — и объектом практического вмешательства семейных консультантов и социальных работников. Как отмечает А. И. Антонов, исследование семьи по своей сути является комплексным, затрагивающим различные аспекты ее жизнедеятельности [3]. В аннотированной библиографии по проблемам семьи С. И. Голод подчеркивает, что семья представляется идеальным объектом для теоретического анализа, так как сочетает в себе многие существенные черты социального института, малой группы и социальной системы [6].

Многогранностью аспектов семейной жизни и, соответственно, многообразием подходов к ее исследованию объясняется стремление выделить эту область гуманитарного знания в отдельную комплексную науку — фамилистику. Сторонниками становления и развития фамилистики являются А. И. Антонов [3] и И. Ю. Шиллов [20].

Эволюция института семьи, брачно-семейных и интимных отношений, как известно, протекает в драматической борьбе традиционных и современных стереотипов, сопровождается позитивными и негативными последствиями, появлением широкого спектра новых социальных проблем [5].

Тенденции развития семейной культуры имеют динамичный и противоречивый характер. Рассматривая в этом контексте тенденции эволюции семьи, Е. И. Холостова отмечает, что на протяжении XX века происходили революционные изменения семьи как социального института, выразившиеся в переходе от патриархальной формы моногамии к эгалитарной, партнерской семье. Закономерные сдвиги в развитии общества привели к исторической смене преобладавшей некогда патриархальной сельской много-

детной семьи семьей городской, малодетной, состоящей из одной брачной пары, преимущественно с равноправными отношениями членов семьи. Жесткая, авторитарная структура семьи, основанная на власти отца, хозяина над женой и детьми, сменяется демократическими отношениями между супругами, родителями и детьми. Гуманизация внутрисемейных отношений непосредственно связана с процессом эмансипации женщин и детей. Фактическая эмансипация женской личности могла быть обеспечена только широким включением женщин в систему общественного труда, осуществившимся в XX столетии [18].

Совокупность тенденций развития института семьи и их преломление в различных аспектах реальной социальной жизни находится в центре внимания различных специалистов. Состояние института семьи все чаще определяется как кризисное, хотя при оценке и интерпретации тенденций эволюции брачно-семейных отношений мнения социологов расходятся.

В предисловии к работе «Микросоциология семьи» ее автор, заведующий кафедрой социологии семьи МГУ профессор А. И. Антонов, отмечает, что в социологии семьи сложились две противоборствующие парадигмы трактовки семейных изменений — прогрессивистская и кризисная [3]. Автор фундаментальных трудов «Социология семьи» и «Микросоциология семьи» придерживается критического отношения к происходящим изменениям в сфере брачно-семейных отношений и выступает активным защитником традиционной семьи.

Сторонниками прогрессивистской оценки состояния института семьи являются ведущий специалист в области социологии семьи в Санкт-Петербурге профессор С. И. Голод и известный демограф А. Г. Вишневский, которые признают обоснованными и исторически целесообразными переходы от одной формы семьи к многообразию современных моделей. По мнению С. И. Голода, происходящие изменения не должны ассоциироваться с кризисом семьи, закономерности изменения семьи созвучны общесоциальным переменам — модернизация общества влечет за собой трансформацию отдельных институтов [6]. А. Г. Вишневский развивает принцип доверия к семье, принцип свободы выбора и принцип опоры семьи на свои силы. По его мнению, государство не может навязывать семье какие-то решения — семейная политика должна уважать все варианты выбора [4].

Анализируя процессы трансформации семьи с позиций демографии, А.Б.Синельников указывает на развитие кризиса ценностей традиционного семейного образа жизни. Автор выделяет и описывает постепенную историческую трансформацию четырех аспектов брачно-семейных отношений: вступления в брак, рождаемости, расторжения брака и организации межпоколенных и наследственных отношений [15].

В более широком контексте состояние современной культуры в целом и семейной в частности оценивается как кризисное, поскольку трансформации культуры противоречат задачам позитивного общественного развития. Комплексы ценностных ориентаций, сформированные в процессе семейной социализации в условиях модернизации культуры, отражают совокупность отношений к семье, родству, межличностным, интимным взаимоотношениям, структуре семьи [17].

В результате динамичных и радикальных макросоциальных трансформаций в семейной культуре переплетаются элементы традиционной и современной культуры. Элементами традиционной семейной культуры являются ориентация на пожизненность брачного союза, глобальность партнерства, обязательная или желательная детность, слитность всех аспектов семейной жизни. Современная семейная культура допускает временный характер брачного союза, локальный характер партнерства, принципиальную бездетность, автономизацию отдельных компонентов семейной жизни.

Семейная культура, как составная часть общей культуры, представляет собой комплекс ценностно-нормативных моделей жизнедеятельности, исторически отобранных и транслируемых с целью сохранения в образе жизни полезного опыта, стабилизации социальной структуры общества. Определяя культуру «как мир норм, возникших в процессе аккумуляции прошлого опыта деятельности, мир, нормативно организующий деятельность настоящую, а через нее и будущую», О.И.Генисаретский выделяет две стадии в развитии культурного бытия — архаическую и технологическую. На архаической стадии основная функция культуры — воспроизведение общественной жизни, придание постоянства общественному бытию. Другую стадию культуры представляет технологическое проектирование ее новых слоев, характеризующееся созданием новых произвольных форм, которые постепенно закрепляются

и приобретают статус культурных норм. Те образцы, которые проходят отбор и остаются после отсева прочих вновь сотворенных норм, ассимилируются культурой. Здесь уже не культура формирует общество, а общество — культуру [цит. по: 20]).

Распространение и популяризация серийной брачности и альтернативных форм организации семейной жизни на современном этапе развития семейной культуры создает сложные конфигурации семейных сетей, допускающие одновременное членство индивидов в различных семейных группах и структурах. Мультиструктуральные отношения оказывают влияние на психологическое самочувствие членов реконструированных семей, осложняет важные для социального здоровья процессы семейной и индивидуальной идентификации, системной интеграции. Комплементарность разнообразных социокультурных практик вызывает неоднозначные последствия и трудности формирования семейного уклада.

На изучение процессов интериоризации перемен и новых тенденций в функционировании института семьи было направлено кросскультурное исследование ценностей, которое проводилось в начале XXI века в 32 странах Европы. Результаты исследования показали: семейная жизнь важна для большинства респондентов, однако значительная часть опрошенных считает, что регистрация брака является пережитком прошлого. Вместе с тем признание получают неполная семья и монородительство [9]. Противоречивые тенденции эволюции брачно-семейных отношений затрагивают не только формальные атрибуты семейной жизни, но и глубокие слои внутри- и межличностных отношений, детерминируют качество жизни и социального благополучия/неблагополучия.

Закономерности функционирования семьи и механизмы возникновения семейных проблем требуют комплексных междисциплинарных исследований, ориентированных на выявление взаимосвязей параметров семейной жизни, обобщение результатов, полученных в ходе специализированных исследований.

Контекст комплексного исследования семейной проблематики предполагает рассмотрение таких аспектов, как половое воспитание, формирование ценностных и брачно-семейных ориентаций, стратегия выбора брачного партнера, становление супружеских и семейных отношений, устойчивость и качество семейных отношений, трансформация семейных структур, специфика отношений в серийных браках.

С позиций системного подхода семья может рассматриваться в различных измерениях: как малая нуклеарная семья, как трех- или многопоколенная семья, как совокупность нескольких семейных подсистем, как большая разветвленная социальная система — мультиструктура. При этом отдельные сегменты мультиструктурной семьи могут иметь различные характеристики системной интеграции/дезинтеграции, специфические параметры внутрисемейных отношений.

Структура семьи, по мнению Э.Гидденса, традиционно представляется в терминах визуальных образов, сродни скелету или строению организма, каркасу здания. Однако структура представляет собой также «виртуальный порядок» отношений преобразования социальных систем, которые, как воспроизводимые социальные практики, обладают структуральными свойствами [5].

Комплексный подход к исследованию широкого спектра различных аспектов семейной проблематики предполагает интеграцию результатов разноплановой аналитической работы, включающей генеалогические, социологические, психологические, медицинские и т.д. подходы. Историографический уровень исследования подразумевает моделирование панорамы или топографии целостной семейной структуры. Социологический анализ нуждается в визуализации событийных аспектов жизнедеятельности семьи, отражении системной интеграции, социальной мобильности и типологизации семейных групп. Для психологического анализа необходима визуализация структурных особенностей внутрисемейных связей, для медицинского — визуализация транслирования генетических параметров здоровья. Многие научные направления, несмотря на специфику задач, рассматривают структуру семьи как важный фактор индивидуального и группового развития, используют в своей практике ее схематическое изображение.

В генеалогии это — генеалогические росписи, таблицы или родословное древо. Генеалогические поколенные росписи и родословные отражают родственные связи представителей нескольких поколений. Как отмечал известный генеалог Л.М.Савелов, «смешанные родословия имеют правильную фигуру, изображающую геометрическую прогрессию. Но употребляются весьма редко, большей частью с какими-нибудь специальными целями» [13].

В семейной психологии и психотерапии давно и успешно используются в качестве диагностических методов графические спо-

собы представления семейных структур и семейных историй — различные модификации генограммы и социогаммы. Использование генограммы в практике семейного консультирования позволило М. Боуэну обнаружить факт транслирования многих паттернов поведения из поколения в поколение [16]. В настоящее время техника геносоциогамм активно используется в психотерапии и клинической психологии в связи с разработкой А. Шутценбергер концепции трангенерационных связей и передачи нерешенных проблем [22]. Как проективная техника генограмма применяется в работах Ф. Каслоу [7]. Генограммы как эффективная форма сбора информации о семье, реконструкции семейной истории используются в рамках интегративной семейной терапии [1; 8; 10; 19].

В условиях расширения границ демографического поведения, легализации плюралистических моделей организации личной жизни, распространения серийной брачности семейные ситуации осложняются возможностью одновременного членства в разных семейных структурах, необходимостью сохранения психологического пространства семьи, установления различных правил и социокультурных нормативов функционирования семейных групп.

Мультиструктурная семья, как суперсложная, динамическая, многолинейная система отношений родства и свойства, имеющая объективно и субъективно определяемые границы, характеризуется объемным форматом и своеобразной конфигурацией. Важным фактором ее функционирования является динамичное структурирование и переструктурирование семейных подгрупп, которое фиксируется в индивидуальном и коллективном опыте, отражается на композиции и декомпозиции целостной структуры большой семьи. Визуализация объективных состояний семейных систем и интерпретация субъективных представлений о структурных параметрах семьи рассматривается как важный ресурс научно-практической работы.

Вместе с тем существующие в настоящее время техники изображения семейной информации на плоскости сопряжены со значительными техническими сложностями и ограничениями, которые не позволяют эффективно оперировать данными или рассматривать их в динамике. Э. Г. Эйдемиллер и А. Юстицкис отмечают, что использование графических методов для экстернализации членами семьи неосознаваемых представлений о характере взаимоотношений имеет большую диагностическую ценность, но их использование в качестве методики научного познания затруднено [23].

Разработка методов компьютерного моделирования семейно-родственных структур ориентирована на преодоление указанных барьеров, позиционирование всех структурных элементов конкретной семьи, ее динамики под воздействием различных жизненных обстоятельств или социальных установок членов семьи.

В 1998 году Российским центром содействия молодой семье были профинансированы исследования на стыке социологии молодежи и социологии семьи. В рамках этого направления была начата разработка новых методов изучения семейной проблематики с помощью программ моделирования семейно-родственных структур с использованием новых компьютерных технологий. В качестве эмпирической базы для отработки программы были выбраны генеалогические материалы знаменитого дворянского рода Бобринских, так как Институт комплексных социальных исследований СПбГУ с момента создания и на протяжении 37 лет находился в особняке Бобринских на Галерной улице в Санкт-Петербурге.

Работа включала сбор генеалогической информации и представление ее в различных техниках. В рамках этой программы были выполнены и представлены различные версии родословной росписи Бобринских в формате Word и Corel Draw. В 1999 году вышло в свет методическое пособие «Разработка методов компьютерного моделирования семейно-родственных структур» [12].

Возможность дальнейшего развития этого направления работ появилась в 2005 году в связи с установлением междисциплинарного сотрудничества между факультетом социологии и факультетом прикладной математики СПбГУ. Под руководством профессора факультета прикладной математики Н. К. Коссовского на кафедре социального анализа и математических методов в социологии Е. Г. Петровой была выполнена и успешно защищена дипломная работа на тему «Создание графического редактора для моделирования семейно-родственных структур».

Специально разработанная на факультете социологии СПбГУ компьютерная программа «Социография семьи» предназначена для использования в рамках комплексных исследований семейной проблематики. Компьютерная визуализация структуры семьи позволяет последовательно рассматривать различные аспекты формирования и функционирования семейных групп — историографию конкретной семьи. Поэтапное представление генеалогической, социологической и психологической информации обе-

спечивает комплексность эмпирического исследования, отражает историографию многопоколенной семьи. Визуализация объемной структуры семьи наглядно отражает многолинейность системы родства. Рассмотрение историографической информации о каждой линии родства позволяет обнаружить как преемственность паттернов семейного поведения, так и радикальные изменения в укладе и идеологии семьи. Межпоколенческий анализ образов жизни делает возможным выявление факторов риска образования несовместимых по какому-либо параметру семейных структур, определение вклада линий родства в развитие общей структуры, выделение доминирующей линии родства и т. д.

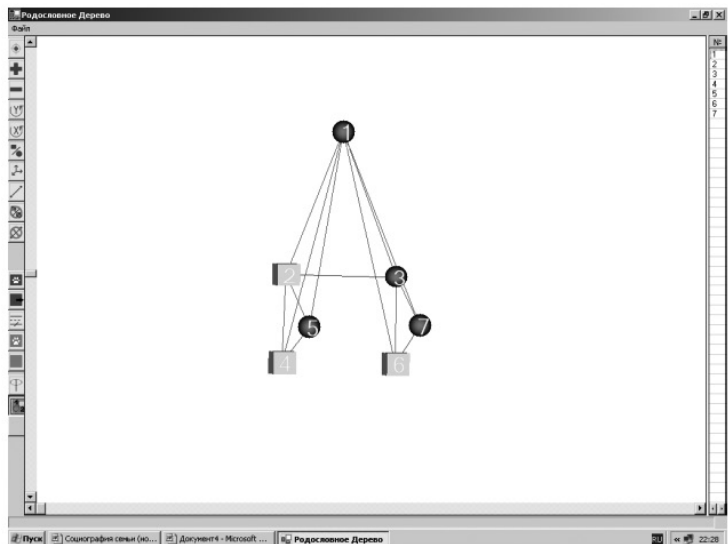
Согласно теории семейных систем М. Боуэна простейшую модель нуклеарной семьи составляет триада и графически ее представляет треугольник. Базовая структура семьи, которая описывается термином «ядерная семья», имеет некоторый эмоциональный центр, или ядро, образованное супружескими отношениями, к которому испытывают привязанность отдельные члены семьи. Наличие или отсутствие эмоционального ядра определяет функциональное состояние семьи. Соотношение параметров связанности и индивидуации членов семьи в рамках семейной общности детерминирует уровень социальной и системной интеграции семьи [11].

Компьютерное моделирование структуры семьи с помощью программы «Социография семьи» отражает объемный характер семейной социограммы. Базовая модель трехпоколенной однодетной семьи по форме напоминает пирамиду, которая в качестве элементов содержит двоих родителей, две пары прародителей и взаимосвязи между ними.

Формат компьютерной программы «Социография семьи» включает схематическое изображение структуры семьи, персональные биографические справки членов семьи и фотоматериалы, которые могут содержать как фотографии членов семьи, так и копии архивных документов, адреса и т. д. (см. рисунок).

Последовательный анализ информации предусматривает первоначальный обзор генеалогических данных о социальном происхождении, составе родительских семей, месте их проживания, роде занятий и укладе жизни и иных характеристиках родительской и прародительских семей.

Генеалогическая информация может быть представлена как в традиционном формате изображения полного родословия, так

Родословное Древо

Информация

Бобринский, Алексей Григорьевич

1762 - 1813

Алексей Григорьевич Бобринский (1762-1813) – выборочный сын Екатерины II (1729-1796) и графа Г. Г. Орлова (1734-1783) является основателем рода Бобринских. А. Г. Бобринский родился в Зимнем дворце. По легенде, новорожденный был вынесен из Зимнего дворца в борзую шубу, отчего и получил свое фамилию. Согласно другой версии, фамилия графов Бобринских происходит и закреплена за сыном интриганы от палача имени Бобрин в Тульской губернии.

Рис и воспитывался Алексей Григорьевич в семье гвардейского лейтенанта Василия Григорьевича Шугрина и был крещен как А. Т. Сидый. Затем переехал в деревню на левобережье Пскова. Позднее, проявив склонность к военным наукам, был направлен в Сухопутный шляхетский кадетский корпус в Петербург (1774), по окончании которого отправлен в путешествие по Европе (1782).

В 1781 г. Екатерина II перебрала для сына имени Бобрин в Тульскую губернию и пожаловала ему герб, что положило начало дворянскому роду Бобринских.

После смерти Екатерины II (1796) Павел I Бобринский А. Г. был публично объявлен братом императора, получил чин генерал-майора.

Сынов:

ФИО	Тип Связи	Подтип Связи
Екатерина II	фактическая	Родитель - Р.
Орлов, Григорий	фактическая	Родитель - Р.
Бобринский (Шугрин) Анна Владимировна	фактическая	Муж - Жена
Бобринский, Василий Алексеевич	фактическая	Родитель - Р.
Бобринский, Павел Алексеевич	фактическая	Родитель - Р.
Бобринский, Алексей Алексеевич	фактическая	Родитель - Р.
Бобринский, Мария Алексеевна	фактическая	Родитель - Р.
Бобринский, Алексей Алексеевич	фактическая	Дочь - Д.

Открыть

Закрыть

№ ФИО Дата Р. Дата С.

1	Екатерина	1729	1796
2	Орлов	1734	1783
3	Бобринский	1762	1813
4	Бобринский	1762	1846
5	Бобринский	1796	1797
6	Бобринский	1798	1855
7	Бобринский	1800	1868
8	Бобринский	1801	1874
9	Бобринский	1804	1874
10	Бобринский	1799	1866
11	Бобринский	1823	1803
12	Бобринский	1824	?
13	Бобринский	1831	?
14	???		
15	Бобринский	1823	1899
16	Бобринский	1824	1826
17	Бобринский	1825	1868
18	Бобринский	1826	1894
19	Бобринский	1852	1827
20	Бобринский	1853	1877
21	Бобринский	1855	1880
22	Бобринский		
23	Бобринский	1861	1862
24	Бобринский	1864	1869
25	Бобринский	1866	1827
26	Бобринский	1867	1803
27	Бобринский	1868	1927

Пуск | Методическое пос... | Бобринский - Мю... | Алексей Григорьев... | Бобринский | Родословное Древо | Информация

Фрагменты визуального представления родословия графа Бобринского (пирамидальная структура семьи, биографическая справка и фото-альбом)

и в формате объемной социогаммы. Второй вариант имеет более персонифицированный характер, акцентирующий внимание на самоопределении и самоидентификации отдельного индивида внутри родственной структуры. Новое видение традиционной генограммы позволяет реконструировать контексты семейной структуры, выделяя различные аспекты в модели трехпоколенной семьи.

Осознание своего места в структуре семьи, характера взаимосвязей между членами семьи, их социальных и культурологических предпосылок, может оказывать позитивное влияние на процессы самоидентификации и самооценки индивида. В статусе ребенка индивид является вершиной пирамиды, в статусе взрослого достраивает собственную структуру и перемещается в основание новой пирамиды.

Социологические и социокультурные параметры характеризуют состояние семейной системы, социальные факты, отражающие социальную и профессиональную мобильность, специфику образа жизни, качество и сохранность семейных отношений и т. д. На этапе психологического анализа рассматриваются индивидуальные особенности и характеристики членов семьи, специфика межличностных отношений. Описание историографического развития отдельных семейных групп отражает тенденции развития семейной культуры внутри одной семьи, межпоколенческие трансформации уклада жизни, элементы преемственности и отвержения.

В зависимости от характера взаимоотношений в семье может сформироваться целостная моноструктура большой семьи или совокупность отдельных подгрупп, продуцирующих различные формы взаимоотношений в формате системной интеграции/дезинтеграции. Характер взаимосвязей между членами семьи отражает семейную топографию, наличие подсистем (родительской, детской, прародительской), внутрисемейной иерархии, внешних и внутренних границ семьи. Каждый член семьи является носителем системных паттернов, образованных внутри нескольких семейных социокультурных матриц. Уровень системной интеграции молодой семьи зависит от совместимости или конфронтации параметров этих культур.

Историо- и социография семьи делает возможным визуализацию феноменологии семейных и родственных отношений, причин групповой интеграции/дезинтеграции. Работа с социограммами выявляет многомерность семейных отношений, мультиструктура-

лизм социальных образований, динамику семейных статусов и ролей, их перемещения и закономерные зависимости от актуализации определенных структур. Место, которое индивиды занимают в структуре семьи, формирует и детерминирует их статусные позиции. В ситуациях изменения межличностных отношений, динамичного переструктурирования семейных структур радикально меняются социальные позиции и статусы индивидов. Доминирующие позиции старшего поколения в прародительской семье смещаются на периферию новой нуклеарной семьи, ядро которой составляют супружеские и детско-родительские отношения. Эти закономерные перемещения должны фиксироваться и адекватно восприниматься, устраняя акцентуацию на устойчивых эгоцентрично окрашенных позициях. Компьютерное представление топографии семейной структуры, ее мобильных преобразований способствует повышению эффективности функционирования семьи.

Обобщение собранной и визуально представленной информации позволяет делать заключение об общем состоянии семейной системы, строить прогнозы ее дальнейшего развития, вносить (при необходимости) коррективы в ее функционирование. Сочетание различных форм визуализации эмпирических материалов — генеалогических, историографических, социологических и психологических — дает возможность более адекватно представлять тенденции развития конкретной семьи, более целеустремленно строить межличностные и межструктурные отношения.

Программа является полезным ресурсом для гендерного анализа семейной проблематики: использование генеалогических материалов, отражающих исторический контекст положения женщин в семейной структуре, может выявить характер тенденций гендерного развития семьи, эффективные и неэффективные стратегии межличностного общения в семье, зоны риска в организации актуального образа жизни семьи.

Программа «Социография семьи» является удобным способом хранения и демонстрации информации из частных архивов, поскольку позволяет позиционировать разноплановую информацию: тексты, фотоматериалы и графические схемы. Программа может быть дополнена сведениями о местожительстве отдельных семейных подгрупп, их адресами и фотоматериалами, документальными источниками, в результате чего будет представлять собой полноценный семейный архив и документарий.

Способ практического применения данной программы зависит от специфики конкретных задач, которые стоят перед исследователем или практиком. В зависимости от характера запроса диагностика семейных отношений может включать различные информационные блоки, акцентировать внимание на исследовании проблемного поля семьи, выявлении салютогенных или патогенных параметров семейной организации.

Компьютерная программа «Социография семьи» является важным элементом программы профилактики и преодоления семейного неблагополучия, может применяться в рамках семейного консультирования или практики социальной работы с семьей. Дальнейшее развитие компьютерной программы предполагает создание новых приложений, использование дополнительных ресурсов.

Комплексные исследования семьи призваны стать информационной базой для разработки стратегических направлений семейной и гендерной политики, образовательных программ для молодежи.

Литература

1. *Абрамова Г. С.* Графика в психологическом консультировании. М., 2001.
2. Аннотированная библиография по проблемам семьи (1981–1990). М., 1993.
3. *Антонов А. И.* Микросоциология семьи. М., 1999; СПб., 2003.
4. *Вишневский А. Г.* Демографическая модернизация России и ее противоречия // Мир России: Социология, этнология. 1999. Т. 8, № 4. С. 5–21.
5. *Гидденс Э.* Трансформация интимности. СПб., 2004.
6. *Голод С. И.* Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3; № 4.
7. *Каслоу Ф.* Генограмма как проективная техника в диагностики и психотерапии. М., 2006.
8. *Лидерс А. Г.* Психологическое обследование семьи. М., 2008.
9. *Митриникас А. А.* Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. 2004. № 4; № 5.
10. *Никольская И. М., Пушина В. В.* Семейная социограмма в психологическом консультировании. СПб., 2010.
11. *Паперио Д.* Семья как элементарная единица // Теория семейных систем Мюррея Боуэна. М., 2008.

12. *Поспелова Т. Г.* Разработка методов компьютерного моделирования семейно-родственных структур. СПб., 1999.
13. *Савелов Л. М.* Лекции по генеалогии. М., 1994.
14. Семья в современном мире / под ред. В. Н. Куницыной. СПб., 2009.
15. *Синельников А. Б.* Трансформация семьи и развитие общества. М., 2008.
16. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. М., 2008.
17. *Трубицын Д. В.* Кризис культуры и модернизация. М., 2011.
18. *Холостова Е. И., Черняк Е. М., Прохорова О. Г.* Эволюция семьи. М., 2011.
19. *Черников А. В.* Системная семейная терапия. Интегративная модель диагностики. М., 2001.
20. *Чеснокова В. Ф.* Язык социологии. М., 2010.
21. *Шилов И. Ю.* Фамилистика. СПб., 2000.
22. *Шутценбергер А.* Синдром предков. М., 2001.
23. *Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис А.* Психология и психотерапия семьи. СПб., 1999.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ ПО РЕКЛАМЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Осенью 2003 года у представителей общественных организаций города — Санкт-Петербургского Собора православной интеллигенции, Межвузовской ассоциации духовно-нравственного просвещения «Покров» и Александро-Невского союза молодежи — возникла идея создания в Санкт-Петербурге Общественного совета по вопросам культуры и рекламы. Весной 2004 года *Общественно-экспертный совет по рекламе* (в СМИ и на улицах города) начал свою работу. Председателем Совета был избран директор НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ доктор психологических наук, профессор В.Е. Семёнов, заместителем председателя — С.Е. Прокофьев, ответственный секретарь Межвузовской ассоциации «Покров» (активную роль которого следует отметить особенно). В совет вошли: А.В. Грунтовский, член Совета Александро-Невского союза молодежи, писатель и режиссер; С.А. Дятлов, координатор Союза православных ученых, профессор Санкт-Петербургского Финансово-экономического университета; Н.Ф. Жарков, член Совета Санкт-Петербургского Общества православных врачей, врач высшей категории; Н.М. Коняев, секретарь правления Союза писателей России; о. Алексей (Мороз), кандидат педагогических наук, член Союза писателей России и др. Заседания совета проходили в Святодуховском центре Александро-Невской Лавры.

На заседаниях Совета заслушивались доклады и сообщения о проблемах рекламы на петербургском телевидении, радио и в прессе, на улицах города, о нарушении этики и закона «О рекламе», имеющих место в городе, рассматривались конкретные случаи таких нарушений. Одной из заметных акций Совета стала публикация Открытого письма Губернатору Санкт-Петербурга в одной из главных газет города «Санкт-Петербургские ведомости», под которым поставили свои подписи более 400 горожан (СПб ведомости, 12 марта 2004 г.).

**Открытое письмо губернатору Санкт-Петербурга
Матвиенко Валентине Ивановне
от членов инициативной группы по подготовке проведения
референдума Санкт-Петербурга о запрете агрессивной,
сексуальной и непристойной (аморальной) рекламы в городе**

Уважаемая Валентина Ивановна!

Посмотрите на наш город: его улицы, транспорт, метро, газетные киоски осквернены непристойной, аморальной рекламой, мимо которой ежедневно проходят наши дети. То же, и в еще более вызывающих формах (насилие, секс...), ежедневно показывает телевидение.

Ученые-психологи (на Западе и у нас) давно доказали, а сегодня это очевидно любому порядочному человеку: агрессивные, сексуальные и прочие аморальные проявления современной массовой культуры, и особенно рекламы, наиболее негативно влияют на подростков и молодежь, ведут к росту преступности, немотивированной агрессивности и наркомании. У людей старшего поколения реклама секса и насилия ведет к депрессивным состояниям и, как следствие, к росту смертности. По последним показателям, к сожалению, наша «культурная столица» является печальным лидером во всей России. Д. С. Лихачев в одном из последних интервью говорил о падении культуры во всем мире: «Надо сделать все от нас зависящее для спасения молодежи от бездуховности и морального падения».

Валентина Ивановна, Вы как губернатор Санкт-Петербурга должны сказать свое слово. Со своей стороны мы готовы оказать Вам всяческое содействие в разработке и реализации необходимых документов, запрещающих агрессивную, сексуальную и непристойную (аморальную) рекламу в Санкт-Петербурге и регламентирующих рекламу и продукцию эротического содержания. Подобные законы действуют во всех западных странах. Как пример одного из таких документов мы прилагаем постановление министерства культуры Беларуси по этому вопросу, действующее у наших соседей уже около четырех лет.

По социологическим опросам, 80% жителей Санкт-Петербурга против рекламы насилия и секса в СМИ и на улицах. По приня-

тому в Санкт-Петербурге закону о референдуме, жители города имеют право принимать обязательные для исполнительной и законодательной власти решения, если их поддержат более половины горожан. Мы считаем, что тратить бюджетные средства на референдум при 80-процентной поддержке данного вопроса не по-государственному, и призываем Вас принять необходимые решения.

С уважением,
члены инициативной группы,
представители творческой интеллигенции и общественности
города:

В.Е.СЕМЁНОВ, директор НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского госуниверситета; И.И.САБИЛО, председатель СПб отделения Союза писателей России; А.А.КОТЕЛЬНИКОВ, зам. директора Института русской литературы РАН (Пушкинский дом); А.Н.ШВЕЧИКОВ, председатель совета Собора православной интеллигенции Санкт-Петербурга; Н.М.КОНЯЕВ, секретарь Союза писателей России; С.Е.ПРОКОФЬЕВ, ответственный секретарь Межвузовской ассоциации «Покров»; А.В.ГРУНТОВСКИЙ, член совета Александро-Невского союза молодежи, писатель; а также более 400 подписей в поддержку проведения референдума Санкт-Петербурга против сексуальной и непристойной рекламы в городе.

Не получая сигналов обратной связи от городских властей, а только косвенные свидетельства (1), Совет по рекламе поневоле стал снижать свою активность. В дальнейшем, с начала 2007 года, эту линию общественно-экспертной деятельности в сфере рекламы, заручившись поддержкой представительства Президента по Северо-Западному федеральному округу, более упорядочение продолжил Общественный Совет по социальной рекламе СЗФО под председательством С.Б.Дворко.

Вместе с тем работа нашего общественно-экспертного Совета по рекламе не была напрасной и породила другие *более активные виды деятельности: акции студенческой молодежи и преподавателей с использованием средств социальной рекламы и конкурсы социальной рекламы среди детей, подростков и молодежи.*

Первый митинг студентов и преподавателей вузов «За нравственность на российском телевидении» прошел в Петербурге на Манежной площади 11 октября 2006 года. Корреспондент агентства «Первая линия» Мария Соснова так сообщала об этом митинге (<http://www.l-linia.pu.ru/news/?nid=1637>): «Мысль о проведении подобной акции высказал член научно-методического совета Межвузовской ассоциации «Покров», директор НИИКСИ СПбГУ, профессор В. Е. Семёнов. Идею, в свою очередь, поддержали: ректор СПбГУ Л. А. Вербицкая, а также ректор РГПУ им. Герцена Г. А. Бордовский и ректор Университета технологии и дизайна В. Е. Романов (2).

Открыл собрание ведущий митинга — профессор Валентин Семёнов, после чего было предоставлено слово студентам. Перед собравшимися с критикой современного телевидения, в частности таких передач, как «Дом-2», и стремления тележурналистов сделать сенсацию из человеческого горя и обилия насилия и жестоких сцен выступили студенты Медицинской академии им. Мечникова и РГПУ им. Герцена. Было также зачитано Обращение участников акции к российскому телевизионному сообществу. В нем говорилось об отсутствии на российских каналах нравственного контроля и самоконтроля, об усталости зрителей от низкопробного американизированного кино и безумной рекламы, от крови, жестокости и пошлости на телеэкранах. «Мы не выбираем телеканалы, не говорим, этот хорош, а этот плох. В сегодняшней ситуации виноваты все. И не время считать, кто больше, а кто меньше!» — отмечается в Обращении. Митингующие подчеркнули: «Мы говорим об отсутствии на российских каналах нравственных ограничений и самоограничений!» — и продолжили: «ТВ задыхается под молотом рыночного ширпотреба!».

Такие же настроения отражали и плакаты митингующих: **«Современное ТВ — школа ЗЛОсловия для ЗЛОбных зрителей», «Переключись на лучшее! Выйди из “ТЕНИ”!**». Помимо критики, звучали и призывы поддержать культурные, патриотические программы и фильмы, помочь существующим и создать новые детские телепередачи, самим снимать такие телепродукты и принимать в них участие.

После выступления студентов состоялся небольшой концерт. Со своими песнями на телевизионную тему выступил бард Николай Ерёмин, стихи собственного сочинения прочел поэт Андрей Грунтовский.

Цель акции — привлечь внимание телевидения и его зрителей — была достигнута. Во всяком случае, прохождение митинга запечатлели такие телевизионные каналы, как РТР, СТО, Пятый канал. А чтобы о проблемах, поднятых на Манежной площади, не забыли через несколько дней, сразу же по окончании действия Обращение участников студенческой акции «За нравственность на российском телевидении» к российскому телевизионному сообществу было передано на Пятый канал. Кроме того, еще перед началом акции Обращение было направлено информационным агентствам «Интерфакс» и «Росбалт». Текст обращения планируется также разослать почетным гражданам Санкт-Петербурга, в числе которых, как известно, находится и президент России В. В. Путин».

На сайте «Фонда Эдуарда Сагалаева» (фонд развития телерадиовещания, электронных СМИ и Интернет-технологий, <http://www.sagaev.tv/news/view.html?3243>) 20 октября 2006 года появился обширный текст за подписью Зои Карповой, выдержки из которого, добавляющие некоторые детали к вышеприведенному описанию митинга, мы процитируем: «...Ведущий акции преподаватель из СПбГУ Валентин Семёнов, много лет занимающийся проблемами молодежи, рассказал собравшимся о результатах последних социологических исследований. Ценности современной молодежи распределились так: первое место — семья, второе — здоровье, третье — друзья, четвертое — работа, пятое — справедливость. При этом 59% опрошенных молодых людей считают, что телевидение пропагандирует отнюдь не эти ценности, а прежде всего деньги.

“Не обольщайтесь, не гонитесь за капиталом, все миллионы давно разобраны. Становитесь художниками, писателями, врачами, экономистами”, — призвал Валентин Семёнов.

Кстати, будущие врачи и экономисты составили большинство участвующих в акции. Студенты Медицинской академии им. Мечникова и Госуниверситета экономики и финансов, вдохновленные своими педагогами, принимали активное участие в дискуссии. В качестве наглядной агитации молодые люди демонстрировали *собственноручно нарисованные плакаты*. На одном из них страшный телевизор тянет во все стороны огромные щупальца. Щупальца, как поясняли студенты, символизируют глупые и вредные передачи, которыми пичкают наших детей...

“Мы против зомбирования! Мы люди, а не роботы!” — выкрикивали с импровизированной сцены представители студсовета.

Собравшиеся щедро поддерживали их аплодисментами. Оценила публика и выступление под лозунгом “«Дом-2» — получи свою дозу невроза!”. “Зрители этого шоу — будущие пациенты невропатологов и психиатров”, — считают будущие медики. Они охарактеризовали реалити-шоу как безнравственную программу, пропагандирующую не любовь, а истерики и оскорбления...

Долю оваций получили и другие плакаты участников митинга. **“Урок гуманности, или улыбнитесь, Вас снимает скрытая камера”**. На листе ватмана изображена раскадровка: вот идет старушка, а вот она падает в открытый люк и получает переломы. Последний кадр — все смеются, особенно ведущий в маске гангстера.

Телевидение ищет сенсации и не задумывается о последствиях. Для поднятия рейтинга используется чужое несчастье. То же касается и новостей — репортеры спешат снять происшествия и катастрофы, наплевав на человеческое горе. “Давайте вспомним о том, что такое гуманность и доброта!” — призывали студенты. Их активно поддерживали преподаватели: нужно сплотиться против бездуховного телевидения, выпускать больше добрых, хороших фильмов.

Сотни экспертов постановили: лицемерие насилия и порнографии очень вредно для человеческой психики. Откуда же взялось это “промывание мозгов” на нашем телевидении? Ответ очевиден — с Запада. Проведите эксперимент: выключите звук на вашем телевизоре, и Вам покажется, что Вы не в России. Всюду американизированные лица, жесты, сюжеты. “Не зря ведь руководители ведущих телеканалов стажировались в США”, — выразил свое мнение Валентин Семёнов.

Участники митинга высказались также против засилия на экране попсы. Многие разделили мнение о том, что сегодня телезрителям навязывают тусовки богатеньких Буратино, которые сами для себя составляют липовые рейтинги. **“Анфиса, Лолита и Ксюша, не пора ли спасти Ваши души?”** — скандировали пришедшие...

Ближе к концу митинга публика пришла к единодушному мнению: современное телевидение не должно быть школой злословия для злобных зрителей. Телевидение — это лицо государства, поэтому нужно немедленно прекратить творящийся на нем беспредел. В заключение организаторы акции зачитали обращение ко всем россиянам. В нем говорилось о том, что в ситуации, сложившейся сегодня на телевидении, виноваты все. Нужно исправлять ошибки и работать на будущее нашей великой страны...».

Сюжеты о митинге показали в тот же день телеканалы РТР, НТВ, Пятый канал, СТО и РенТВ, а также сообщило радио «Балтика» и несколько источников в интернете. *Причем все останавливали свое внимание на плакатах — ярком выражении самостоятельной социальной рекламы.*

В довершение всего на вечернем заседании Государственной думы 20 октября 2006 года депутат А. Г. Чернышёв в своем выступлении о Проекте Обращения Госдумы «К председателю Правительства РФ М. Е. Фрадкову о необходимости создания эффективной системы телерадиовещания для детей и подростков» сказал (http://www.akdi.ru/gd/plen_z/2006/10/s20-10_v.htm): «Государство не хочет предпринимать действенных мер, и уже идут акции... Прошла акция в Петербурге, когда ряд вузовских молодежных организаций провели мероприятие “За нравственность на российском телевидении”. Приведу несколько лозунгов: “Береги честь смолоду!”, “Даешь Алешу Поповича! Нет Симпсонам!”, “Анфиса, почитай Чехова!”, “Мы все в ответе за будущее России!”. То есть молодежь, которая хочет понять, что ее ждет впереди, сегодня выступает за то, что должен быть детский телеканал. Молодежь не хочет, чтобы их детей нравственно калечили, а исполнительные органы власти и Правительство Российской Федерации безмолвствуют. Кому это выгодно? Тем, кто желает нашей стране гибели, ибо без детей нет будущего».

Петербургская пресса также откликнулась на митинг, но по-разному. Если в газете «Невское время» (12 октября 2006 года) в заметке Камиллы Нигматуллиной о нем сообщалось спокойно и объективно, автор обращала внимание на лозунги и плакаты студентов, была помещена фотография, то «Санкт-Петербургские ведомости» почти через три недели после акции вдруг разразились злобной статьей Станислава Петрова (по-видимому, псевдоним) под издевательским названием «На чужой роток накинуть “Покров”» (30 октября 2006 года). Мало того, что автор просто не был на митинге и поэтому нагло использовал, естественно, без ссылок текст Зои Карповой с сайта Фонда Эдуарда Сагалаева (см. выше), вплоть до некоторых фактических ошибок, присутствовавших в этом тексте, он еще и не менее нагло фантазировал, придумывая несуществующих в реальности собеседников и персонажей. И самое главное — это воистину поразительный образец проамериканского антирусского выступления: «Американец живет жестко

и прямолинейно, отстаивая свои права кулаком или этим самым “кольтом”, для него нет авторитетов, кроме Конституции и свободы, у него нет цели, кроме величия своей страны и благополучия своих близких... О русском характере говорить труднее — он создавался в условиях соборности и, простите за такую подробность, рабства. Русский не очень привык решать сам... Конечно, если его довести до крайности, случится русский бунт, тот самый, но ведром водки можно и его остановить».

Однако апологет США как-то позабыл про рабство и лишение всех прав афроамериканцев, длившееся аж до 1960-х годов, про Ку-клукс-клан, существующий поныне, про Хиросиму и Нагасаки, про выжженный напалмом Вьетнам, про агрессию США в Ираке и Афганистане, про бомбежки Белграда уже в преддверии XXI века, про многочисленные политические убийства и прочие «заслуги» американской цивилизации. В конце этой статьи наша акция была поименована *«митингом экстремистов от нравственности»* (!?).

Необходимо понять, с кем, с какими силами мы имеем дело. Это ведь не случайно, если газета с репутацией едва ли не самой солидной в Петербурге, публикует такую антипатриотическую, лживую и подлую статью, где равнодушные жизнерадостные чистые юноши и девушки называются экстремистами от нравственности только потому, что они вышли с плакатами и речевками на митинг против вопиющей вульгарности и аморализма на российском телевидении. Значит, кому-то ненавистны любые проявления гражданской активности, неконформизма, нежелания быть тупым стадом, которым манипулируют проамериканские безнравственные телевизионные каналы, за которыми стоят циничные олигархи, исповедующие философию социал-дарвинизма, и идеологическая «пятая колонна». Потому-то и была так потрясена одна из журналисток, которая брала интервью у ведущего митинга: «Как Вам удалось организовать такое?! Ведь телевидение — это же...!». Потому-то молодые люди с лозунгами, плакатами и слоганами впрямь должны быть не только веселыми, но и смелыми. Они-то и есть лучшие представители реальной социальной рекламы — рекламы правды и справедливости, сопротивления глобальным антироссийским силам.

В день Покрова Божьей Матери 14 октября 2008 года Межвузовской ассоциацией духовно-нравственного просвещения «Покров» вновь был организован митинг «За нравственность на российском

телевидении», который прошел у Казанского собора на Невском проспекте. Снова были студенты и преподаватели петербургских вузов, к которым на сей раз присоединились депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Е. Е. Марченко, директор Института демографической безопасности И. Я. Медведева (Москва), президент Московского общественного объединения «Женщины нашего города» Л. Ф. Горчакова, координатор Союза православных ученых профессор Санкт-Петербургского Финансово-экономического университета С. А. Дятлов, философ Н. К. Симаков, исполнители авторской песни Сергей Учанийшвили и Антон Галицкий. Вел митинг, как и в первый раз, профессор СПбГУ В. Е. Семёнов.

И снова студенты были во всеоружии сотворенной ими социальной рекламы. Плакаты и слоганы взывали: *«Четвертой власти напомним снова — она в ответе за каждое слово!», «Вражде и насилию — стоп!», «На каждой странице, в каждом кадре — вера, надежда, любовь!», «Когда только пиво и глупость внутри — смотри “Дом терпимости-3”!», «Наша Раша — она ваша. А у нас — Россия в правде и силе!», «Wanted, разыскивается совесть медиа-сообщества!», «В борьбе за правду на экране — вставляйте, люди, рядом с нами!»* и т. д. Наибольшую активность проявили студенты Государственной Медицинской Академии им. Мечникова, РГПУ им. Герцена, Финансово-экономического университета, СПбГУ, курсанты Военно-космической академии им. Можайского, координаторами студенческой акции были председатель Молодежного Покровского студенческого собора Владимир Горюнов и заместитель исполнительного директора Межвузовской ассоциации «Покров» Любовь Анатольевна Немчикова.

Во время акции раздавалась листовка с карикатурой, критическими высказываниями о современном телевидении известных людей и данными социологических исследований. В частности, в листовке сообщалось, что в Санкт-Петербурге, как и во всей России, 80% населения выступают за нравственный контроль за телевизионной продукцией; опрос 1134 студентов 13 государственных вузов Петербурга показал, что 78% студентов выступает за необходимость нравственного контроля за содержанием телевизионных программ (против 18%, остальные затрудняются ответить). Для сравнения в 2002 году за нравственный контроль на телевидении выступали 62% молодых петербуржцев. Анализ российских фильмов, произведенных в XXI веке и демонстрировавшихся на

российском телевидении, свидетельствует, что городские рабочие и работники сельского хозяйства являются героями только 7% фильмов, зато бандиты выступают героями 15% фильмов (3).

Однако на сей раз СМИ постарались замолчать акцию, телевидение ее не показало вообще. В дальнейшем те же организаторы проводили акцию «За нравственность на российском телевидении» на площади перед Казанским собором в день Покрова в 2009–2010 годах. Однако, ссылаясь на то, что телевидение — это, прежде всего, бизнес, негосударственные ТВ-каналы продолжают свою безнравственную деятельность.

Другой формой развития самодеятельной социальной рекламы в Петербурге стали конкурсы *социальной рекламы среди школьников, впервые организованные Государственным учреждением дополнительного образования детей «Компьютерный центр технического творчества» Московского района* под руководством профессора В. Е. Семёнова и директора КЦТТ А. Н. Новокщёнова (см.: Семёнов В. Е., Новокщёнов А. Н. Социальная реклама как средство воспитания и творчество юных граждан. СПб.: изд-во «Астерион», 2008).

Примечания

1. В 2004 году самую одиозную и неприличную рекламу в Петербурге убрали, убрали и так называемые растяжки (рекламные полотнища, протянутые над улицами), уродовавшие Невский проспект. Однако неэтичная реклама в дальнейшем возникала снова и снова. Данное явление существует благодаря нелепой системе разрешения на размещение рекламы, которая не связана с ее содержанием, что порождает произвол бессовестных рекламистов и их заказчиков.

2. Хочется отметить также важную роль в проведении этой акции исполнительного директора ассоциации «Покров» профессора В. В. Семикина, ответственного секретаря ассоциации С. Е. Прокофьева и проректора по воспитательной работе Государственной медицинской академии им. Мечникова Г. М. Пивоваровой.

3. См. статью Ольги Спешиловой об этой студенческой акции в газете «Общество и власть» (ноябрь 2008, № 5).

БАШНЯ «ГАЗПРОМА»: ОТ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА К СОГЛАСИЮ

Петербуржцы не одобряют строительство 400-метровой башни Охта-Центра*

Сотрудники НИИ комплексных социальных исследований факультета социологии СПбГУ под руководством профессора В. Е. Семёнова в середине октября этого года провели опрос жителей Санкт-Петербурга по поводу строительства 400-метровой башни Охта-Центра. Посредством телефонного интервью по репрезентативной (представительной, соответствующей структуре населения Петербурга по социально-демографическим показателям) выборке было опрошено 1200 человек.

Полученные результаты свидетельствуют, что за строительство башни в районе Охты выступают 13% петербуржцев, против строительства выступают 38%, 23% — «не против строительства, но только на дальних (удаленных от исторического центра) территориях города». Затруднились ответить 25% горожан. Кроме того, 88% петербуржцев согласны с суждением, что «в исторической части города нельзя строить здания (сооружения) выше классических петербургских доминант», 6% не согласны с этим суждением, остальные 6% затрудняются ответить. И еще один штрих: 64% опрошенных думают, что «строительство 400-метровой башни на проблемных почвах Петербурга опасно», 11% с этим не согласны, 24% затрудняются ответить.

---

* Газета «Завтра», №47 (783) от 19 ноября 2008 года. В Московской газете «Завтра» были опубликованы наши материалы, относящиеся к чрезвычайно значимому событию в жизни Петербурга 2006–2010 годов — попытке строительства так называемой «башни «Газпрома»» высотой 403 метра в непосредственной близости от исторического центра города (результаты социологического опроса и открытое письмо первым лицам государства).

Открытое письмо

Президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву,
Председателю Правительства РФ В. В. Путину,
Губернатору Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко

Многоуважаемый Дмитрий Анатольевич!
Многоуважаемый Владимир Владимирович!
Многоуважаемая Валентина Ивановна!

Мы, православные граждане России, представляющие различные области знаний и деятельности, обращаемся к Вам как к патриотам нашего любимого города Санкт-Петербурга, равнодушным к его судьбе, немало сделавшим для него хорошего и разделяющим с нами православные христианские ценности. В последние месяцы проходят общественные слушания и обсуждения по проблемам архитектурного облика города в настоящем и будущем, в ходе которых выявлены градостроительные и архитектурные ошибки и просчеты, чаще всего связанные с нарушением сложившегося масштаба застройки и силуэта городских видов и панорам Петербурга.

Такие ошибки, накапливаясь, могут нарушить «строгий, стройный вид» Санкт-Петербурга, полностью разрушить (и уже разрушают!) его классический архитектурный ансамбль, который является мировым культурным наследием. Нас, петербуржцев, граждан России, а также соотечественников за рубежом и иностранных коллег, особенно волнуют перспективы строительства 400-метровой башни так называемого «Охта-центра» или, как ее еще называют, «башни «Газпрома» (ранее «Газпром-сити»).

Остается совершенно необъяснимым безальтернативное стремление изменить характер силуэта нашего прекрасного равнинного города, разместив в визуально опасной близости от его исторического центра стилистически и содержательно инородное циклопическое сооружение.

У ряда специалистов вызывает опасение и строительство небоскреба на весьма проблемной петербургской почве и на геологическом разломе. Мы еще не забыли, сколько лет потребовалось, чтобы справиться с «плывуном», в районе станций метро «Площадь Мужества» — «Лесная». Техническая эксплуатация башни в наших северных широтах обещает быть нерентабельной и просто разорительной, не говоря уже о самом строительстве.

Однако самое главное для православных петербуржцев, которых, по результатам репрезентативных социологических исследований, более 50% среди горожан, — это антихристианский характер данного проекта. По существу языческое сооружение, напоминающее православным людям пресловутую Вавилонскую башню, должно вознестись над всеми крупнейшими храмами города Святого Петра: над Исаакиевским, Петропавловским и Смольным соборами (как раз напротив последнего, который является храмом Воскресения Словущего), оскорбляя религиозные чувства верующих. Столь авторитетная фирма, как «Газпром», несомненно, может найти более достойный, интересный и совместимый с обликом Санкт-Петербурга проект своего офиса, для чего, кстати, не обязательно обращаться только к иностранным архитекторам. А если проект обойдется гораздо дешевле и «Газпрому», и городу, и нам — налогоплательщикам, то сэкономленные средства не будут лишними, особенно в сегодняшней непростой экономической ситуации. При этом престиж «Газпрома» только возрастет.

Многоуважаемые Дмитрий Анатольевич, Владимир Владимирович и Валентина Ивановна! Мы просим принять все зависящие от Вас меры, чтобы не допустить строительства четырехсотметрового архитектурного монстра, который, несомненно, навсегда погубит образ самого прекрасного и гармоничного города в мире. Нам представляется, что в современной жизни нашего общества недостает реализации самого главного национального проекта, который можно было бы назвать «Духовно-нравственное возрождение России». Мы верим, что Вы согласны с нами и проводите работу для воплощения такого проекта в жизнь.

С уважением!

Валентин Семёнов, иерей Алексей (Мороз), Николай Коняев и другие представители православной общественности Санкт-Петербурга, всего 48 подписей.*

---

* Уже после опубликования данного письма к подписавшимся на сайте «Русская линия» присоединилось еще более 500 человек из 20 стран мира (от России до Австралии и от Украины до США).

Р. С. Сотрудники НИИКСИ, как патриоты своего города, ответственные граждане и профессионалы, приняли активное участие в событиях, связанных со строительством «Охта-центра». Нами был проведен первый независимый опрос петербуржцев об отношении к строительству «башни «Газпрома». Часть сотрудников подписала письмо православных граждан к руководителям государства и города о своем отношении к строительству «Охта-центра».

Многолетняя (2006–2010) эпопея противоборства внедрителей «башни «Газпрома» (сама фирма и городская администрация) и петербуржцев-градозащитников, несогласных с этим проектом, инородным для классического Санкт-Петербург, подробно и документированно освещена в книге известного журналиста (ныне депутата Законодательного собрания города) Бориса Вишневого (см.: «Башне — нет!». СПб.: изд-во «Полярная звезда», 2011. 446 с.). В ней нашли отражение общественные слушания, мнения специалистов (архитекторов, культурологов и археологов), обращения граждан в различные властные инстанции, митинги, марши, публикации и выступления в печатных и электронных СМИ, данные социологических опросов и т. д.

В книге освещено участие различных общественно-политических сил в противоборстве необоснованному строительству гигантской башни. Это депутаты ЗАКСа от «Справедливой России» и КПРФ, представители партии «Яблоко», целого ряда общественных организаций и движений («Живой город», «Охтинская дуга», Собор православной интеллигенции и др.), многочисленные представители научной и художественной интеллигенции. Подавляющее большинство петербуржцев выступило на защиту своего города от строительства якобы «нового символа Петербурга», его «доминанты», которые, несомненно, изуродовали бы классический облик города.

Самым интересным для социологов было, как представители разных менталитетов — коллективистско-социалистического, либерально-индивидуалистического, и христианско-православного — нашли общий язык и сплотились в общем движении за сохранение неповторимой красоты и духовной сущности города

Святого Петра. Социальное согласие было достигнуто. Однако уже в преддверии скорой победы градозащитников старые противоречия между представителями данных менталитетов снова стали проявляться. Но этот опыт согласия и взаимодействия, консенсуса и гражданского мужества, конечно, не будет утрачен бесследно.

В конце концов вопрос о строительстве башни был решен в пользу петербуржцев-градозащитников на самом высоком государственном уровне. И 9 декабря 2010 года губернатор Петербурга В.И. Матвиенко заявила, что в результате переговоров с «Газпромом» принято совместное и окончательное решение о переносе этого проекта на другое место. Постановление городского правительства о высотном «отклонении» для «Охта-центра» до 403 метров отменено. Городской и арбитражный суд по Санкт-Петербургу и Ленобласти удовлетворил заявления градозащитников.

В. Е. Семёнов

ДОСТОЕВСКИЙ НАВСЕГДА

Достоевский вошел в мою душу еще в школьной юности и остался там навсегда, как самое потрясающее из художественной литературы. Его творчество сразу стало настолько близким, что в 17 лет я написал стихотворение, состоящее, по сути, из одних названий произведений Достоевского и вместе с тем очень точно отражающее мое тогдашнее состояние:

О, Бедные люди!
О, Белые ночи!
А я здесь Подросток
и Идиот.
Гнетут меня Бесы —
мое Наказанье!
Но в чем Преступление —
не знаю — мое!

Значительно позднее я понял, в чем мое преступление (понятно, что оно не касается уголовного кодекса), но для этого еще надо было пройти долгий путь прозрения и покаяния. В юности я прочел все основные художественные произведения Фёдора Михайловича, а потом и 10-томное собрание сочинений, изданное во второй половине 1950-х, тома «Литературного наследия», посвященные ему, и переписку с Анной Григорьевной Достоевской.

В 1960-е годы я посмотрел такие киноуплотнения его романов, как «Идиот» в постановке Ивана Пырьева с Юрием Яковлевым (князь Мышкин) и Юлией Борисовой (Настасья Филипповна), «Преступление и наказание» в постановке Льва Кулиджанова с Георгием Тараторкиным (Раскольников) и Иннокентием Смоктуновским (Порфирий Петрович), «Братья Карамазовы» в режиссуре того же Пырьева с Михаилом Ульяновым (Митя), Кириллом

Лавровым (Иван) и Андреем Мягковым (Алёша). После выхода фильма «Преступление и наказание» на экраны Георгий Тараторкин приходил к нам на факультет психологии, который тогда еще находился на Красной (Галерной) улице в особняке графа Бобринского. Помню этого худого, нервного, молодого человека, который эмоционально рассказывал нам, как его потрясла и преобразила работа над ролью Раскольникова. Посмотрел я в те годы и фильм «Идиот» в постановке Акиро Куросавы, в котором действие было осовременено и перенесено в послевоенную Японию середины XX века.

Очень значимы были для меня мои собственные выступления, посвященные личности и творчеству Ф.М.Достоевского. Прежде всего, это доклад, сделанный в Ленинградском Доме ученых на набережной Невы, в фантастическом бывшем дворце Великого князя Владимира Александровича, в ноябре юбилейного 1981 года (160 лет со дня рождения и 100 лет со дня смерти Достоевского). В том же году я выступил в Министерстве культуры РСФСР в Москве на вечере, посвященном юбилею Достоевского, где был единственным гостем из Ленинграда и выступал вместе с писателем Владимиром Крупиным, живописцем Ильей Глазуновым, литературным критиком Владимиром Чалмаевым и другими деятелями русской литературы и искусства. Дважды я делал доклады на научных конференциях в музее Достоевского, что в Кузнечном переулке, а также выступил там же на одном из вечеров его памяти.

Были у меня и научные социально-психологические тексты о личности и творчестве Фёдора Михайловича. Первая публикация — «Ф.М. Достоевский и социальная психология» (в кн. «Проблемы социального познания и управления». Томск, 1984). Потом я обращался к нему в своих книгах о социальной психологии искусства (новой отрасли, предмет которой был обоснован и концептуализирован мною и затем защищен в качестве докторской диссертации), наиболее удачной из которых считаю «Искусство как межличностная коммуникация».

Когда в 1990-х годах я работал над концепцией российской полиментальности, Фёдор Михайлович помог мне в образном личностном воплощении базовых типов российских менталитетов (православно-русского, коллективистско-социалистического, индивидуалистско-прозападного и криминально-мафиозного)... Раздумье. Какие-то смутные образы... И озарение! (Инсайт!). Я

внезапно вспомнил про братьев Карамазовых. Вот они: глубоко верующий светлый инок Алёша, страстный, мятежный отставной офицер Дмитрий (советолог Р.Пайпс сулил этому персонажу большевистское будущее), рефлексивно-рационалистичный индивидуалист, богоборец Иван и их сводный брат, маргинал и отцеубийца Смердяков. Благодарствую, дорогой Фёдор Михайлович, вот она, живая динамичная модель основных ментальных типов России!

Сам Фёдор Михайлович не жаловал современную ему психологическую науку, которая в те времена была весьма описательной и схоластичной дисциплиной, основанной, прежде всего, на интроспекции, т.е. самонаблюдении своего внутреннего мира, психики. Только незадолго до смерти писателя, в 1879 году, в Лейпциге Вильгельм Вундт создал первую в мире лабораторию экспериментальной психологии, причем, и ее работа навряд ли удовлетворила бы Достоевского. Он справедливо полагал, что тогдашние психологи слишком упрощенно подходят к пониманию человеческой души. Фактически сам Достоевский и был лучшим психологом своего времени, в частности первым по времени и более глубоким психоаналитиком, чем Фрейд и его последователи, что, надо сказать, некоторые из них и признавали. Всю сложность, противоречивость, капризность, непостижимость человеческой психики и поведения Достоевский виртуозно выразил в своих произведениях.

Психологический гений Достоевского обусловлен не только специфической врожденной одаренностью, особо чуткой нервно-психической организацией, но и особенностями биографии писателя, широтой жизненного опыта, уникальностью пережитых экстремальных ситуаций (известие об убийстве крепостными крестьянами отца, тяжелая и загадочная болезнь — эпилепсия, ранняя слава, арест и инсценировка его казни вместе с петрашевцами, каторга — «мертвый дом», любовные драмы, «запойная» игра в рулетку, крайняя бедность и т.д.). В результате возник исключительный феномен психологической проницательности, эмпатии, демократичности-всепонимания.

Анализ произведений Ф.М.Достоевского позволяет выявить как неизменную христианскую целеустремленность великого писателя, так и реконструировать социально-психологическую концепцию человека, которой он руководствовался и сознательно,

и интуитивно в своем творчестве. При этом, на наш взгляд, можно выделить следующие аспекты понимания человека Достоевским:

— человек чрезвычайно сложен, сложнее привычных стереотипов Добра и Зла. Он — воистину единство и борьба противоположностей, он диалектичен. Научные абстракции слишком сухи и тощи, чтобы правильно понять человека. «С одной логикой нельзя через натуру перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион!»;

— человек не только «человек разумный» (когнитивный, говоря современным языком), но и «человек страстный» (эмоциональный, аффективный). Причем разум — это не только благо, но нередко и зло. Именно «по разуму», из логически обоснованной идеи Раскольников совершает страшное преступление. Недаром злодеи, вроде Петра Верховенского, Смердякова, Ставрогина, отличаются рационалистичностью. Идеалом для Достоевского является, прежде всего, сердечный (любящий, добрый, жертвенный) человек (старец Зосима, князь Мышкин, Алёша Карамазов, Соня Мармеладова и др., а в реальной жизни — А. С. Пушкин);

— человек вполне общественное, коллективное существо. Перефразируя название офорта Гойи «Сон разума, порождает чудовищ», можно сказать, что «одиночество порождает чудовищ». Именно в одиночестве Раскольников выдумывает свою наполеоновскую теорию вседозволенности. Одиноким Свидригайлов, Иван Карамазов, Смердяков. Зато положительные герои всегда среди людей, почти по-детски открыты, общительны (Алёша Карамазов, Мышкин, Разумихин и др.);

— человек обладает свободной волей. Он отвечает за свои поступки, не следует абсолютизировать влияние среды («Сорокалетний бесчестит десятилетнюю девочку — среда что ли его на это понудила?!»). Однако существуют аффективные состояния, вызванные, например, болезнью, когда человек не может контролировать себя (защита Достоевским беременной крестьянки, совершившей преступление);

— счастье человека «не в комфорте», а в любви к другим людям, которая, так или иначе, возвращается к нему (Соня и каторжные, Алёша Карамазов и дети). Люди, не способные на это, человеконенавистники — гибнут, так как не выносят даже самих себя (самоубийства Ставрогина, Смердякова). С другой стороны, не следует закрывать глаза и на человеческое «подполье», т. е. все темное в не-

драх человеческой психики, на жестокость людей, которые готовы погубить даже самые светлые личности (такие как князь Мышкин и Кроткая).

Вместе с тем в обыденной жизни Достоевский был человеком, которому «ничто человеческое не чуждо». Особенно ярко это проявляется в его переписке с женой Анной Григорьевной, где писатель предельно открыт и искренен. Подобные наблюдения подтверждают представление о некоей раздвоенности художников (даже гениальных) как субъектов творчества и обыденной жизни. Иногда на мудрость и адекватность в повседневном быту сил уже не хватает. Вспомним пушкинское:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон ...
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

В принципе даже из такого гения, как Фёдор Михайлович Достоевский не следует делать икону. Не буду говорить об общеизвестных жизненных слабостях писателя, а скажу только про странную для меня (да, наверное, и не только для меня) особенность его главных героев. Практически все они не работают, не трудятся для пропитания, социологически они своеобразные «рантье», но живущие сверхнапряженной духовной и душевной жизнью. Не работают князь Мышкин, «подросток» Аркадий Долгорукий и его «маскирующий» отец Версилов, не хочет найти выход в реальном труде Родион Раскольников, обуянный наполеоновской идеей вседозволенности, естественно, что не трудится приживал и манипулятор Фома Опискин («Село Степанчиково и его обитатели»), а также герой «Игрока», не работают персонажи «Бесов» и братья Карамазовы, за исключением лакея Смердякова, и т. д. Настоящий труженик есть только в первой повести Достоевского «Бедные люди» — это канцелярист Макар Девушкин. Фёдор Михайлович был сыном своего времени, родившимся и жившим до сорока лет в стране крепостного права, где были господа и рабы, а библейское изречение «кто не работает, да не ест» было забыто.

Возвращаясь к творчеству Ф. М. Достоевского, можно говорить о своеобразных прикладных аспектах его произведений для психологов. Чтение Достоевского для них является как бы психо-

логическим тренингом и источником интересных гипотез. Многие сцены в романах писателя — это совершенные «психодрамы» и «социодрамы» (хотя бы знаменитая сцена исповеди Настасьи Филипповны в «Идиоте»). Искуснейшим образом преподносятся всевозможные аффективные состояния, вплоть до раздвоения личности («Двойник»), или рефлексивная диалогическая борьба, роль подтекста (Порфирий Петрович — Раскольников). Достоевский заставляет психолога задуматься и об этических проблемах своей профессии, о границах вторжения во внутренний мир человека, в его душу (на это обратил внимание М. М. Бахтин). Он дает пророческий анализ актуальной для нашего времени социальной психологии экстремизма и терроризма («Бесы») или даже предвосхищает этико-психологические вопросы космических контактов с другими цивилизациями («Сон смешного человека»).

В этой связи хочется также обратить внимание на два сильных психологических приема воздействия на читателя, характерных для творческого метода Достоевского. Во-первых, это болевой шок (сон Раскольникова о забиваемой лошади; ребенок, затравленный собаками в «Братьях Карамазовых»; всевозможные публичные унижения героев и т. п.). Во-вторых, внезапное разрушение предварительно созданной у читателя психологической установки, отношения к персонажу (например, неожиданное благородство злодея Свидригайлова или принципиальность глуповатого Лебезятникова).

Вместе с тем соотношение описаний жестокости, преступления и мук наказания у Достоевского этически очень красноречиво: например, в романе «Преступление и наказание» менее пяти страниц отведено сцене убийства и почти пятьсот — последующим душевным терзаниям убийцы. Таков художественный баланс зла и добра. Это вам не современные романы и фильмы ужасов, а также всевозможные триллеры о маньяках и садистах.

Наконец, опыт «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского — это великолепный образец социально-психологического наблюдения, как ныне сказали бы, применения не количественных, а качественных методов. И образец высшего класса интерпретации своих наблюдений в своеобразной социально-психологической и социологической публицистике.

Я вспоминал экранизации романов Достоевского 1960-х годов, но нельзя не обратить внимания на экранизации последних лет, первого десятилетия уже XXI века. Длинный телесериал «Идиот»

режиссера Владимира Бортко я, к сожалению, не смотрел из-за большой занятости, а вот короткий сериал «Преступление и наказание» (2007) режиссера Дмитрия Светозарова, с Владимиром Кошевым (Раскольников) и Андреем Паниным (Порфирий Петрович), посмотрел. И вроде бы все неплохо, есть сильные сцены и диалоги, но эпилог последней серии меня просто обескуражил — он зачеркивает все содержание сериала, все постановочные старания режиссера передать дух тогдашнего Петербурга, весь накал психологической борьбы добра и зла, он зачеркивает весь смысл и сверхзадачу романа Достоевского. Ибо катарсиса, т.е. трагического потрясения, духовного очищения и просветления, не наступает. Раскольников остается просто банальным преступником, даже негодяем — с наказанием, но без раскаяния («зачем, мол, сдался, мог бы выкрутиться»). И это при том, что Светозаров на «круглом столе», посвященном сериалу, на канале ТВ-Культура говорил, что старательно следовал тексту романа (в общем без всякой «отсебятины»).

Увы! Эпилог сериала тупиковый, «душный» и откровенно антихристианский. У Достоевского совсем иное: омертвевшая душа воскресает! Конечно, через любовь и веру, через духовное общение с другим человеком — ведь «человек один не может» (эту истину почти век спустя поймет и герой Эрнеста Хемингуэя из романа «Иметь и не иметь»).

Обратимся к Достоевскому: «Как это случилось, он и сам не знал <...> Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь <...> В этот день ему даже показалось, что как будто все каторжные, бывшие враги его, уже глядели на него иначе. Он даже сам заговорил с ними, и ему отвечали ласково <...> Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей. Была та самая, из которой она читала о воскресении Лазаря <...> Она тоже весь день была в волнении, а в ночь даже опять захворала. Но она была до того счастлива, что почти испугалась своего счастья. Семь лет, только семь лет!».

Воистину, это совсем другой эпилог. Ведь Евангелие, которое взял Раскольников, было подарено Соне той самой Елизаветой, которую он убил. И это откровение и прощение как бы пришло к нему от его жертвы. Но создатели современной экранизации романа

всего этого просто не замечают. Даже окончание фильма Кулиджанова 1960-х годов, где все заканчивается словами Раскольниковых в полицейском участке: «Это я убил...», оказывается более близким Достоевскому и более катарсичным, чем эпилог светозаровского сериала.

Печать нашего тяжкого, беспредельно противоречивого времени нескончаемых перемен и подмен лежит на всем. Перечитайте последний законченный роман Достоевского «Подросток». Он удивительно конгениален нашим дням. Там переходный период от феодального крепостничества к капиталистическому беспределу, в чем-то аналогичный современному переходу от «развитого социализма» к «недоразвитому» капитализму. У героя романа, «подростка» Аркадия Долгорукова, есть идея: «Моя идея это — стать Ротшильдом». И в наше время сия идея снова в моде в определенной социальной среде. Вообще много похожего, и такой же духовно-нравственный кризис, вызванный отказом от правды-справедливости, фарисейством и цинизмом. И вот мы снова «наступаем на те же грабли».

Однако хотелось бы сказать и о позитивном. И оно есть у Достоевского. Он писал в 1876 году: «Я никогда не мог понять мысль, что лишь одна десятая доля людей должна получить высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому лишь материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или сколько там их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы. Я знаю и верую твердо, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может». Однако, как показывают реформы нашего образования, руководители российского просвещения, видимо, думают по-другому. Им не по пути с Фёдором Михайловичем.

Рецензия на книгу: *В. Е. Семёнов. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох: избранные научные работы (1971–2007)*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 479 с.*

Очевидно, как и у большинства читателей научной литературы, у меня интерес, в первую очередь, вызывает не только оригинальное название книги, но и оглавление ее содержания. Просмотрев соответствующие страницы и читая текст, постоянно ловил себя на мысли, что термин «поли» можно применить ко всей совокупности информации, содержащейся в разделах и параграфах книги, — «полиаспектность», «полигранность», «полипроблемность». Однако данные термины не приняты в отечественной науке. То, что рецензируемое издание столь разносторонне, объясняется тем, что в нем представлены публикации, которые отражают основные достижения почти 40-летней научной, педагогической и общественной деятельности В. Е. Семёнова, позволяющие оценить его в целом как известного российского психолога и социолога, социального психолога и культуроантрополога.

В кратком предисловии к изданию В. Е. Семёнов отмечает основные вехи своей научной биографии и анонсирует пять историко-теоретических и два публицистически мемуарных разделов книги. В дополнение к ним прилагаются интервью, взятое у него главным редактором «Журнала социологии и социальной антропологии» профессором В. В. Козловским, библиография основных научных работ автора, программы спецкурсов «Базовые россий-

---

* Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер.12: Психология, педагогика, социология. 2011. Вып. 1. С. 367–368. За эту книгу и цикл статей «Российская полиментальность и социально-психологическая динамика» В. Е. Семёнову на университетском конкурсе научных работ в 2013 году была присуждена премия СПбГУ в номинации «За фундаментальные достижения в науке».

ские менталитеты» и «Социология и социальная психология искусства», а также небольшой поэтический сборник, озаглавленный как «Социальные стихи».

В разделе «Историко-методологические и теоретические проблемы социологии и социальной психологии» представлена ретроспектива возрождения и становления ленинградской школы социологии и социальной психологии. В.Е. Семёнов отмечает, что созданный при ЛГУ на базе уже существовавших лабораторий в ноябре 1965 года НИИ комплексных социальных исследований «был первый в сфере социальных наук исследовательский институт в нашей стране» (с. 11). В качестве теоретических проблем социологии и социальной психологии, в решении которых в 1970–1980-е годы автор принимал активное участие, выделено изучение больших социальных групп и специфики массовых форм общения.

Из теоретических проблем социальной психологии начала XXI столетия особое внимание уделено авторской концепции российской полиментальности, термин введен автором в 1999 году (с. 96) Менталитет определяется как «исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении» (с. 44). С точки зрения В.Е. Семёнова, базовыми российскими менталитетами следует признать: православно-российский, коллективистско-социалистический, индивидуалистско-капиталистический, криминально-мафиозный и мозаично-конформистский псевдоменталитет (с. 45).

Данная классификация была предложена в статье, опубликованной в 2007 году. А в статье, написанной специально для данного издания, встречается несколько измененная классификация. Вместо «православно-российского» указан «российско-православный», вместо «криминально-мафиозного» «криминально-групповой», а вместо «мозаично-конформистского» «мозаично-эклетический» (с. 96). При этом не оговаривается, чем данные названия базовых российских менталитетов предпочтительнее тех, которые были обозначены всего год назад.

При рассмотрении полиментальности российского народа В.Е. Семёнов использует данные проведенных под его руководством эмпирических исследований молодежи Санкт-Петербурга

и Ленинградской области, а также данные опросов о религиозности россиян и участии их в политических выборах. В результате основным менталитетом граждан России признается российско-православный и делается вывод о том, что «православие выступает имманентной идеей России», а также «основой успешной стратегии развития страны в будущем» (с. 112). Признавая важность православия для формирования духовного мира россиян, хотелось бы заметить, что Россия — светское, полиэтническое и поликонфессиональное государство.

С методологической точки зрения представляют интерес статьи, посвященные разработке и применению в социальной психологии метода наблюдения и техники контент-анализа. Автор демонстрирует успешное использование сотрудниками НИИКСИ метода наблюдения в исследовании малых групп и диагностики норм массового общения. Описывая историю развития техники контент-анализа за рубежом и в СССР, В. Е. Семёнов отмечает, что уже в 1970-х годах контент-анализ стал использоваться как междисциплинарный (с. 77). Особое внимание автор уделит методологическим принципам контент-анализа в социальной психологии.

Описанию проводимых лично автором и сотрудниками НИИКСИ под его руководством эмпирических исследований за последние 25 лет (1981–2006 годы) посвящены разделы: «Социально-психологическая динамика в советской и постсоветской России», «Исследования в промышленной социальной психологии», «Проблемы социальной психологии средств массовой информации» и «Социальная психология искусства».

Уже из названий разделов видно, насколько разнообразны и многосторонни были эти исследования. Стрежневым моментом их было изучение духовной жизни различных социальных общностей, главным образом жителей Ленинграда — Санкт-Петербурга, их ценностных ориентаций и нравственно-психологических особенностей восприятия различных социальных явлений и процессов. Несомненный интерес в материалах данных разделов представляют: описание опыта подготовки к проведению исследований и их методика; сохраняющаяся по сей день актуальность проблемного поля, банк полученных социологических данных, которые могут быть использованы в дальнейшем для компаративистских исследований; публицистически четко обозначенная авторская позиция к результатам исследований.

Как человеку, который на протяжении многих лет занимался социологией искусства и был знаком с монографиями В.Е. Семёнова по социальной психологии искусства, опубликованными в 1988 и 1995 годах, мне хотелось выяснить, что нового предложил автор в статьях раздела, посвященного социальной психологии искусства, и написанных уже после выхода монографий. В принципе, ученый остался верен предложенной им концептуальной схеме рассматриваемых прежде проблем, таких как, например, социально-психологический анализ катарсического и антикатарсического воздействия искусства, восприятия художественного произведения в контексте массовой коммуникации, тенденций дегуманизации в модернистском искусстве, социально-психологического климата, создаваемого городской архитектурой. Высоко оценивая роль и значение В.Е. Семёнова как ведущего специалиста в области отечественной социальной психологии искусства, хотелось бы, чтобы в его публикациях были бы более четко определены специфика и различие социологического и социально-психологического, эстетического и искусствоведческого подходов к изучению искусства и художественной жизни общества.

Раздел «Из публицистики социолога (1970–2007)» включает в себя 19 фрагментов статей и интервью, опубликованных в различных периодических изданиях. Следует согласиться с мнением автора, что «это своеобразный социологический комментарий к общественно значимым явлениям и событиям» (с. 7). В этом «комментарии» нашли отражение принципиальная авторская позиция ученого и гражданина, резкое осуждение им всего того, что негативно сказывается на нравственно-психологическом климате современного российского общества, протест против пагубного воздействия западного масскульта и распространяемой СМИ рекламы на формирование духовного мира молодого поколения россиян. Пафос своих публицистических выступлений В.Е. Семёнов выразил следующей поэтической строкой:

«Как горько, Родина моя,
Что не заботаешься о человеке.
Родная, но жестокая земля,
прозреешь ли ты в XXI веке».

В разделе «Галерея памяти» представлены «лирические» некрологи, посвященные «незаурядным» личностям, с которыми судьба сводила В.Е.Семёнова в разные периоды его жизни, и память от общения с ними сохранила у него неизгладимые впечатления.

Несомненно, книга В.Е.Семёнова «Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох» будет интересна не только социологам и социальным психологам, но и представителям других социальных и гуманитарных наук, а также аспирантам и студентам, всем тем, кто с научных и гражданских позиций осмысливает актуальные проблемы современного российского общества.

М. Б. Готов,
доктор социологических наук, профессор

Р. А. Зобов, А. М. Матвеев, Л. И. Сугакова

**ПРОБЛЕМА ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
(ИЗ ИСТОРИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА НИИКСИ СПбГУ)**

Проблема здоровья человека в современном обществе приобретает особую актуальность в условиях глобального кризиса. В этом контексте заслуживают особого внимания взгляды различных исследователей на здоровье людей. Несомненный интерес представляют сделанные в разное время на методологическом семинаре в НИИКСИ доклады, посвященные таким проблемам, как основные тенденции развития человеческого здоровья в различных регионах планеты (проф. П. П. Горбенко, директор Национального института здоровья), генетические предпосылки здоровья в современном обществе (академик РАСХН В. А. Драгавцев), психическое здоровье (психотерапевт, канд. мед. наук Р. Ф. Галиев), биологические аспекты здоровья (проф. В. Б. Сапунов).

У всех докладчиков четко прослеживается тенденция целостного подхода к человеческому здоровью, предполагающего неразрывное единство физиологических, психологических и социальных компонентов.

В докладах дважды выступившего на семинаре **П. П. Горбенко** обсуждалась проблема культуры, сохранения и совершенствования здоровья человека в историческом аспекте. Значительную роль здесь играет анализ исторических традиций поддержания и закрепления здоровья в различных регионах планеты. Ценность таких традиций, выработанных нашими предками на протяжении ряда столетий, состоит в том, что в их основе лежит целостное представление о человеке. Именно такие представления позволяют не только рассматривать здоровье как процесс гармоничной реализации человеческого потенциала на протяжении всей жизни,

но и вырабатывать способы повышения его уровня, что проявляется в физическом совершенствовании человека. Однако поскольку биологическая составляющая неразрывно связана с духовной и социальной, то физическое совершенствование предполагает формирование гармонии в процессе реализации человеком своего духовного и социального потенциала. В известном выражении «в здоровом теле здоровый дух» как раз и находит свое выражение подобная гармония. Но такая гармония реализуется на пути общения к полноценной культуре.

На современном уровне развития общества одним из решающих факторов сохранения здоровья является гармоничное сочетание опыта предшествующих поколений с современными подходами. Такой синтез в значительной мере зависит от уровня экологической культуры, в формировании которой важную роль должно играть государство. Однако нынешнее состояние окружающей среды, к сожалению, не способствует сохранению здоровья людей. Более того, политика современного государства часто приводит в этом плане к ослаблению состояния здоровья как отдельного человека, так и населения в целом.

Далее докладчик остановился на соотношении традиционных методов сохранения и укрепления здоровья с медицинскими подходами, базирующимися на современных научных представлениях. Выявляя односторонность последних, он отметил, что преодоления такой односторонности можно достигнуть на пути синтеза с указанными выше традиционными представлениями. Именно в этом направлении ведутся исследования в рамках Национального института здоровья, где вырабатываются рекомендации по организации здорового образа жизни.

В выступлении постоянно подчеркивалось, что здоровье человека формируется в рамках традиций, которые позволяют гармонично сочетать различные факторы, такие как национальные, природные, социальные и т. п. Изучение опыта народов различных стран (Россия, Индия, Китай, Япония, европейские страны) позволяет выявить некоторые общие взгляды на здоровье человека. На основе обобщения таких представлений на протяжении ряда лет в рамках Национального института здоровья сформировались благоприятные условия для оценки и использования собственного опыта, сложившегося на протяжении жизней многих поколений, и опыта других народов. В результате открываются широкие воз-

возможности для практического использования полученных результатов с целью повышения уровня физического, психологического и социального здоровья современного человека.

П. П. Горбенко дал детальный анализ некоторых традиций, которые не следовало бы использовать в современном российском обществе. Среди них были отмечены такие, как безудержная реклама медикаментозных средств, зачастую при неумелом использовании приносящих вред здоровью людей, провоцирующих установку на самолечение. Это касается также рекламы пива, табакокурения, азартных игр и пр. При этом отмечалось, что традиции, сложившиеся в современной медицине, обычно ориентированы только на частичное излечение той или иной болезни. В результате сформировалась такая система, которая возвращает человека в исходное состояние, что позволяет медицине получать значительные материальные выгоды. С аналогичной ситуацией люди сталкиваются в различных странах. К сожалению, американский опыт начинает перениматься и нашими коммерческими медицинскими структурами. Естественно, подобная ситуация не способствует укреплению здоровья людей и создает негативные психологические установки.

Докладчик обратил также внимание на то, что многие излагаемые им положения можно найти в учениях далекого прошлого, в частности у Гиппократов, который, как известно, ориентировал людей на те методы исцеления, которые базируются на благоприятных природных факторах, и в таком случае задача врача заключается в том, чтобы устранить препятствия на пути их воздействия на человека. На этом основании можно утверждать, что гармоничное сочетание позитивных воздействий внешней среды будет способствовать сохранению и укреплению здоровья человека.

Изложенный в докладе интегративный подход к здоровью человека представляет несомненный интерес, ибо только на этом пути достигается по-настоящему нормальное, комфортное состояние человека, которое способствует его адаптации к быстро меняющейся ситуации в природе и в обществе.

В выступлениях директора Всероссийского института растениеводства и центра генетики и селекции им. Н. И. Вавилова **В. А. Драгавцева** была поставлена проблема экологической безопасности человечества на современном этапе развития общества. Здесь в настоящее время сложилась критическая ситуация, что отмечается

различными исследователями, и она стремительно ухудшается. Все понимают, что необходимо срочно предпринимать радикальные меры. Однако трудность заключается в том, что выйти из этой ситуации традиционными методами в виде обеспечения большинства населения полноценным продовольствием, созданием здоровой среды обитания и пр. оказывается практически невозможным.

В. А. Драгавцев делает такой вывод не случайно, ибо он располагает обширной информацией, являясь одним из создателей экологической генетики и одним из 14 экспертов Комитета по продовольствию при Организации Объединенных Наций. В рамках этой концепции он сформулировал ряд конкретных рекомендаций относительно решения важных проблем, с которыми столкнулось современное общество. В качестве решения одной из них он предлагает получение продуктов питания на базе технологий, разработанных в рамках экологической генетики, которая позволяет создавать новые высокопродуктивные сорта растений. Вместе с тем выявляются некоторые довольно опасные ситуации, складывающиеся под непосредственным воздействием человека в современном мире. В качестве примера приводилась массовая вырубка тропических лесов в Бразилии и замена их каучуковыми деревьями (гевеями). В результате произошло резкое ухудшение экологической ситуации в обширных регионах планеты. Выведение же высокопродуктивных сортов хвойных деревьев в сибирской тайге, напротив, позволит несколько ослабить последствия парникового эффекта. В том же контексте ведутся переговоры о замедлении темпов промышленного освоения Сибири, что даст возможность устранить опасность нехватки кислорода в различных регионах планеты.

Следует также отметить, что концепция, развиваемая В. А. Драгавцевым в рамках экологической генетики, привела к существенному обогащению традиционных представлений в генетике и позволила сформировать новое направление в растениеводстве. При этом можно надеяться, что в рамках экологической генетики новые направления, существенно отличающиеся от традиционных, дадут возможность в будущем предотвращать кризисные ситуации в российском обществе в продовольственной, экологической, а соответственно, и в социальной сферах.

Несколько иной взгляд на человека и его положение в современном обществе представлен в выступлениях психиатра **А. Ф. Галие-**

ва (три доклада). Он справедливо отметил, что в последнее время в общественном сознании намечается возврат синдрома девяностых годов прошлого века. Пациенты часто обращаются к психотерапевтам с жалобами на тревожно-подавленное внутреннее состояние, значительное снижение работоспособности, утрату вкуса к жизни, какую-то рассеянность и т. п. И это в то время, когда в нашей повседневной жизни постоянно приходится принимать важные решения, подвергать себя риску, а также проявлять всевозможную активность, в том числе социальную мобильность.

Докладчик дал подробный анализ типичных психопатологических состояний и неврозов современного российского человека, переживающего переломный период отечественной истории, который усугубляется глобальным социально-экономическим кризисом. Это неизбежно приводит к резким изменениям в профессиональной, личной и других социальных сферах и порождает всевозможные социальные конфликты. В результате Россия вышла на второе место в мире по количеству суицидов после Эстонии.

Для объяснения сложившейся ситуации докладчик использует концепции З. Фрейда и К. Г. Юнга, в исследованиях которых вскрываются источники многих современных психопатологических явлений. И если ортодоксальный психоанализ З. Фрейда связан только с «кабинетной психотерапией», то К. Г. Юнг открыл глубинное коллективное бессознательное, подчеркивая при этом, что именно в нем коренится образное воспроизводство традиционных культурных ценностей.

Что касается России, то здесь психопатологические явления общественного и индивидуального сознания значительно усилились в постперестроечный период в связи с массированным давлением ценностей и норм, не совместимых с ее традиционными архетипами. В результате сформировалось молодое поколение, живущее в узком индивидуальном бессознательном, которое ограничено материальными и физиологическими потребностями, как правило, не связанными с традиционными духовными и культурными ценностями. В сложной современной ситуации такая ограниченность часто порождает целый ряд негативных явлений в виде алкоголизма, наркомании, суицидов, преступности и т. п.

К. Г. Юнг в своем учении о трансцендентальной функции, диалектически соединяющей все три уровня психики (сознание, индивидуальное и коллективное бессознательное), указал путь к оздоровле-

нию психической жизни человека. Однако люди с низкой духовной культурой оказываются не в состоянии развивать и совершенствовать в себе трансцендентальную функцию, ее крайне разнообразные духовные ориентации. В таких случаях им должен оказывать помощь хорошо подготовленный психотерапевт-аналитик, который становится для пациента своеобразной «трансцендентальной функцией» и помогает ему через воздействие на его духовную, зачастую деформированную внутреннюю биографию, применяя современные антистрессовые методы. При этом происходит соединение потенциалов сознания и бессознательного и формируется новая установка на окружающую действительность и ее противоречия.

Характеризуя современное общественное сознание, докладчик обозначил его как массовую психическую диссоциацию, т. е. разъединенность нормального целостного функционирования психики, ее неуравновешенность и перегруженность фрустрационными состояниями. Анализ психического самочувствия индивида показывает, что такие состояния являются следствием противоречивых и разрушительных социальных процессов, разногласий, жизненной неустроенности человека в современном обществе.

В докладе подчеркивалось, что традиционные ценности, выполняющие интегрирующую функцию в индивидуальной психике человека и гармонизирующие сознательное и бессознательное, к сожалению, утратили свое влияние на современное общественное сознание, особенно на сознание молодежи. Попытки же заменить их новыми ценностями приводят к дезинтеграционным процессам.

В современных условиях наиболее негативное воздействие на психику оказывают средства массовой информации и разнообразные компьютерные игры. Они способствуют формированию такого «нового виртуального мышления», которое порождает ложные суждения, искажает реальность и в конечном счете приводит к технозависимости, получающей широкое распространение, особенно в молодежной среде. Следует также отметить, что негативное воздействие СМИ на молодежь в последние десятилетия продолжает усиливаться.

Другой проблемой, пронизывающей общественное сознание, является социальное отчуждение, потеря личностной идентичности, аутизм и одиночество. Разумеется, деформированная реальность неизбежно приводит к возникновению различных патологий сознания.

Способность общества осознать надвигающуюся угрозу служит своеобразным защитным механизмом для выживания и развития той или иной возможности удержать сознание в фокусе адекватного отражения действительности. В этом контексте традиционные обычаи и стереотипы, культурные ценности противостоят указанным разрушительным тенденциям.

Таким образом, в выступлениях Р.Ф.Галиева на обширном эмпирическом материале анализировалась сложившаяся в России негативная психологическая ситуация. Заслуживает внимания и то, что докладчик предлагает возможные варианты выхода из тяжелого положения, в которое попало российское общество.

Доклад профессора **В. Б. Сапунова** был посвящен рассмотрению некоторых проблем социобиологии. Здесь необходимо подчеркнуть, что биологическая, духовная и социальная сущности человека, выступая в качестве отдельных компонентов, тем не менее, могут сочетаться в различных комбинациях. Такого рода сочетания обусловлены целым рядом факторов как объективного, так и субъективного, внутреннего характера. К ним можно отнести природные условия существования организма, а также экономические, идеологические, политические, национальные и многие другие факторы.

Различные формы сочетания биологических и социальных компонентов в человеке и рассматривались в докладе. В ходе выступления приводились многочисленные примеры из теории и практики. Основная мысль В.Б.Сапунова заключалась в необходимости поиска разнообразных форм гармоничного сочетания биологической и социальной сущностей человека как в теоретических исследованиях, так и на уровне практических рекомендаций. Это, по мнению докладчика, возможно, в частности, при более тесном взаимодействии наук, как естественных, так и гуманитарных.

На примере социал-дарвинизма было убедительно показано, что гипертрофирование биологической составляющей человека по сравнению с его социальной сущностью приводит к деформации многих сторон общественной жизни и лежит в основе таких явлений, как расизм, национализм, различные формы дискриминации, и порождает многочисленные социальные конфликты.

Аналогично примат социального над биологическим приводит к односторонним подходам как в теории, так и в практической деятельности. В.Б.Сапунов утверждает, что подобная деформация

наиболее ярко проявляется в тоталитарных социумах. Устранение же подобных перекосов всегда требует от любого общества значительных усилий, порой на протяжении жизни нескольких поколений.

Далее докладчик коснулся опыта многих народов в сфере выработки гармоничных форм сочетания биологического и социального аспектов человека, которые нашли свое выражение в традициях, обычаях, религиозных представлениях, фольклоре и т.п. Учет такого опыта, апробированного жизнью, может оказаться полезным и в ситуации современного российского общества.

Что же касается позиции В.Б.Сапунова относительно объединения усилий представителей различных наук, изучающих человека, то в качестве одной из форм такого объединения может служить разрабатываемая в НИИКСИ интегративная концепция человека, в рамках которой формируется целостный подход к его изучению. С точки зрения докладчика, именно целостные представления о человеке позволяют выявить уникальность каждой личности и могут способствовать созданию благоприятных условий для ее самореализации.

Подводя итог, можно сказать, что данная публикация представляет собой краткий обзор докладов, посвященных различным аспектам жизнедеятельности человека. Разумеется, они не исчерпывают всего многообразия качеств человеческой личности, но выявляют некоторые проблемы, которые требуют дальнейшего рассмотрения.

ОТ РЕДАКТОРА АЛЬМАНАХА

Не устаю удивляться нашим нииксишникам. НИИКСИ — это какое-то сообщество ученых-поэтов, наделенных особым менталитетом. В современном обюрокраченном и потребительском мире жив такой духовно-романтический оазис. В двух предыдущих выпусках нашего альманаха можно было прочесть стихотворения Татьяны Фёдоровой, Натальи Боечко и Павла Лисицына, сатирическую миниатюру Владимира Орнатского (трагически ушедшего из жизни в сентябре 2012 года, скорбим и помним)...

И вот — новые открытия: стихи Надежды Матузовой, Лидии Сугаковой и Александра Шарова. Здесь же — афоризмы уже опытного и заслуженного их создателя доктора философских наук Владимира Томалинцева. Ну и я продолжаю знакомить наших читателей со своими стихотворными посвящениями друзьям-коллегам по науке.

А на очереди новые нииксишные имена. Следует также сказать, что литературную новацию наших паранаучных страниц перенял юный журнал «Молодежная галактика», издаваемый опять же сотрудниками лаборатории социологии молодежи НИИКСИ во главе с Анатолием Козловым. Честь им и хвала!

Более того, бывший директор НИИКСИ Асалхан Ользонович Бороноев также «заразился» нашим «поэтическим вирусом». Он стал организатором Дня поэзии на факультете социологии, и уже прошло четыре таких замечательных действия, в которых участвовали студенты, преподаватели и научные сотрудники. Нельзя было не заметить, что все преподаватели и сотрудники, читавшие свои стихи, — опять же, ученые НИИКСИ или выходцы из него.

В. Н. Томалинцев,
ст. науч. сотр., д-р филос. наук

Афоризмы рубежа тысячелетий

Двадцатый век был веком научно-технических чудес, двадцать первый век должен стать веком чудес нравственных. Ведь нравственный поступок, тем более нравственный подвиг — не меньшее чудо.

Человек не знает, какую *меру* ему придется заплатить за нарушение *мер*.

Любая попытка правильного определения должного обязана содержать в себе верное осмысление сущего.

Карьерист схож с бамбуком — пустой, но растет быстро.

Талантливый человек, как поезд-экспресс, который проезжает все станции, но не на всех останавливается.

В чем разница между честолюбием и талантом? Талант пытается через свое предназначение как можно более активно включиться в окружающий мир, честолюбие стремится этот мир подчинить себе.

Лицо поколений определяют наиболее активные его представители, которые, как протуберанцы, возмущают общее спокойствие.

Подобно экстремизму, творчество также стремится достичь цели кратчайшим, наиболее эффективным путем, только с чистой совестью.

Цель лицедея — всколыхнуть эмоции. Цель подлинного художника — развить благородными чувствами.

Цинизм и благодушие убивают искусство.

Чтобы оставаться человеком, необходимо обладать звериным чутьем.

Счастье — это наивысшая форма удовлетворения, удовольствие без «похмелья», т. е. без упреков и угрызений совести.

Истина, как правило, скрывается за парадоксом.

В целостном историческом развитии проявляется эффект песочных часов, где максимум перетекает в минимум, минимум перетекает в максимум.

Гражданское чувство в человеке зарождается в заботах о себе, разворачивается в тревогах о семье, расцветает в раздумьях о стране.

В своем историческом развитии западная культура очаровывает достижением пределов и отталкивает стремлением к крайностям.

В современном мире складывается парадоксальная ситуация, когда в одно и то же время в естественнонаучном и точном знании происходит информационная интеграция и консолидация, а в социокультурной сфере, напротив, идет быстрый процесс атомизации и распада.

Человек — единственное существо, у которого вариативность поведения из инструментария, служащего процессу адаптации и оптимизации жизнедеятельности, превращается в самоцель, в азартную игру.

В современной культуре обнаруживается весьма тревожный симптом кризиса: изощренность, которая как структурный элемент идеалов и творчества должна была бы служить лишь формальным средством их возникновения, в новейших условиях превращается в цель, в содержательный критерий творческого развития, активного действия.

В своем чистом виде либеральная система ценностей дает сбой, ибо она не знает, где, на каком этапе попустительства, потворства, потакания возможно остановиться, поскольку любой акт запрета, попытка сдерживания расценивается как предательство либеральных взглядов, как усиление авторитаризма, тоталитарных тенденций. Здесь срабатывает логическая ловушка «дай палец — оторвут руку».

В современном обществе потребления единственной ценностью, единственной конвертируемой валютой становятся острые ощущения.

Изоощренность Запада противостоит утонченности Востока.

Культура Востока и Запада — как два берега одной реки, как два крыла единого человеческого развития.

Возможно, счастья на Востоке не больше, чем на Западе, зато суежности уж определенно меньше.

Тайна русской души сокрыта в тонком совмещении элементов западной и восточной культуры.

Если американцы утверждают, что «колыт создал Америку», то русские вправе говорить о том, что география и климат сформировали Россию.

Подлинная терпимость (толерантность) обнаруживает себя не в процессе *тупого* терпения, а на *острие* живого культурного развития, на пике творческого поиска и преодоления.

На остроте когтей и клыков держится животный мир. На остроте эмоций и переживаний, на остроте ума и утонченности сердца стоит мир Человека.

В рассуждениях о человеке особенно опасны две вещи — благодушие и цинизм.

Вера рождает Идеалы, Идеалы рожают Веру. Поэтому творчески активное, развивающееся сознание нуждается не только в трезвом скепсисе, но и в искренней вере, дающей спокойствие и надежду.

На смену модернизму и постмодернизму должно прийти очередное Возрождение.

Мысль из древнеиндийского религиозного гимна, которой уже более трех тысяч лет, о том, что «Всевышний, Всевидящий, Всемудрый тоже, возможно, не все знает», остается наиболее красивой, значимой и реалистической из всего сказанного вплоть до наших дней.

Надежда Матузова,
науч. сотр.

Заметает Россию снежком,
Заметает цветущую снегом.
Это смерть или Божий Покров?
Дальше — быть или небыль?

Холод, ветер в садах и сердцах...
Замерзает, она замерзает...
Это смерть, или, может, в веках
Нас Покров прикрывает?

* * *

Как купол надо мною — тишина.
Беззвучно все. Вокруг светло и немо.
Не разорвать руками это небо,
Мой воздух неподвижен как стена.
Но если от рожденья замкнут круг,
Откуда знаю я, что значит звук.

* * *

Я тебя рукой укрою,
Уведу с собою.
Будет плакать над тобою
Все, что за спиною.

Потемнеет. Время к ночи.
Ты не бойся, милый.
Знаю я, что каждый хочет,
Чтоб его любили.

Тяжко одному идти
Через тьму и стужу.
Знаю, каждому в пути
Друг хороший нужен.

Мы найдем с тобой такую
Светлую полянку,
Где поют, свистят, воркуют
Птицы спозаранку,

Где цветов и трав не счесть,
Не обнять рукою.
Верь мне, милый, только вместе
Мы найдем такое.

* * *

Март...Синий март
Стоит у изголовья...
Соблазн велик
    С начала все начать.
Как снег, растаять
    И травую стать
Или, как птицы,
    Прилететь опять,
И петь,
    И вить гнездо,
Птенцов рожать,
Не улетать...
    До осени,
                Покуда
Не растворится в сером
Это чудо.

* * *

Гале

Есть высший смысл земного бытия:
Чужой души, коснувшись на мгновенье,
Отдать ей, не жалея, часть себя,
Забрав в ответ тепло ее горенья.

* * *

Осенняя звезда
Лучи свои омыть
Торопится в Смоленке и Фонтанке.
Стоит ноябрь.
Погода: можно в санки —
И как в младенчестве
О времени
Забывать.

Когда замерзнут руки,
Не в рукав,
Не в варежку,
Не грей своим дыханьем;
Под свет звезды ладошками подставь,
Замри, как в день рожденья, в ожиданьи.

Иголочкой уколёт, обожжет,
Согреет, поцелует и погладит,
И ворох рифм в твоих руках оставит,
Погаснет, растворится, упадет.

* * *

Минута из тончайшего стекла
Нам вечностью дарована была.

* * *

Ты вдохнешь синеву
И закроешь окно.
Станет в комнате тихо,
Тревожно, темно.

Задохнутся, увянут
Цветы на столе,
Захлебнется слеза
На оконном стекле.

Распахни свою жизнь —
Пусть опять синевой
Наливается

Мир
Молодой.

* * *

Судьбой мне так отведено —
Играть всю жизнь вторые роли.
Всегда я буду не землей,
А рожью, золотящей поле.

Всегда я буду не вином,
А лишь кувшином золоченым;
Не морем буду, а всего
Лишь белой пеною соленой.

Ни музыкой не буду я,
Не буду песней я, стихами,
Но в то же время воплощусь
В страницах книги и в органе.

Ну что ж, знать так тому и быть,
Знать жребий мне счастливый вышел:
Ведь до сих пор без нас, вторых,
Никто бы Баха не услышал.

* * *

Кончается сбор винограда...
И люди уходят уже,
Проверив, чтоб полю в награду
Платок не забыть на меже.

Они, оглянувшись, уходят...
Уже виноградники спят,
Пустые, отдав свои гроздья,
Секреты рожденья таят.

Лишь дети сюда забегают
На счастье найти среди ветвей
Забывшую гроздь, что скрывают...
Нет слаще ее и нежней.

*Лидия Сугакова,
ст. науч. сотр.*

Псковско-Печерскому монастырю

Там, за Каменной стеной,
Райских красок изобилье,
Обновились мы душой,
Чую: прорастают крылья...
А как выйдешь за стену —
Снова чувствуешь войну...

2002

* * *

Дымковской барыньке с коромыслом

О, древнерусская Фемида,
Несущая на коромысле
Весы, как ведра
С нашим смыслом.

Живая, мертвая вода
Колышется в них постоянно.
Куда несется этот мир?
Чем окропить больные раны?

Она нарядна, величава,
Ступает плавно, словно пава.
Кокошник яркий, как корона,
Сама сошла как будто с трона.

Идет с открытыми глазами
И хочет, чтоб мы зрели сами
Без затемняющих повязок,
Чтоб отличали быль от сказок.

О, древнерусская Фемида,
Дай нам и взвешенность и силу,
Чтоб удержать Восток и Запад
На коромысле плеч России.

*Александр Шаров,
зав. лабораторией*

Гимническая песнь

НИИКСИ! Не случайно появился на свет,
Как известно, Господь не играет в рулетку.
Это промысел свыше, это знак с небеси.
Это — наша судьба, это мы — НИИКСИ!

НИИКСИ — это марка на все времена,
Нас знает планета, нас знает страна.
Как корабль «Восток», как коньяк «Hennessy»,
Это — наша судьба, это мы — НИИКСИ!

Мы будем помнить успехи минувших годов,
Мы варганили планы больших городов,
А в активе — «Светлана», «Ижорский завод»,
Кто сумеет — пускай на досуге сочтет.

Мы ловили в ловушки анкетных антенн
Калькуляцию кризисов, пульс перемен,
Прорывались туда, где не видно ни зги,
Где от жара проблем закипали мозги.

Мы первыми были, мы брали азы,
Мы на ВДНХ получали призы,
Мы копейки считали в «лихие» года,
И поэтому мы — НИИКСИ — навсегда!

Так поднимем бокалы за вас и за нас,
Грянем песню про время, что выбрало нас,
Чтоб земля соскочила с небесной оси —
За верность и веру, за наш НИИКСИ!

* * *

Эссе из истории НИИКСИ в лицах в стиле «рэп»

Расскажу, как сложилась наша дружная семья:
Наш первый директор — Ельмеев В. Я.
Отцы-основатели — Ананьев Б. Г.,
Евгений Сергеич и Ядов! Эге!

Не стану поминать о других — в другой раз,
Поглядим, давайте, на тех, кто «здесь и сейчас».
Je vous demande pardon, если вдруг что не так,
Ну, и что ж сегодня такое — соцфак?

Все знают — Бороноев основал факультет для вас,
А ведь Асалхан Ользонович был директором у нас.
Петя Смирнов — профессор, а отнюдь не пижон.
А вот и Саша Куропятник, замдекана он.

Вот Зиночка Сикевич — профессор и поэт,
А Слава Келасьев — он велик, спору нет!
Вот Валя Семёнов — всем им подстать,
А уж Коля Скворцов — чего тут сказать!

Вот Слава Пуляев, он теперь патриарх,
Ну а Толик Козлов — он и завлаб и завкаф!
Елена Эмильевна — профессор, наш старый друг,
А Наташа Боечко — без пяти минут доктор наук.

Русалинова Алла Александровна — ее заслугам нет числа,
Правда, она и раньше Аллой Александровной была.
А вот и Людочка Ятина, у ней на моде акцент,
Она спортсменка, красавица и просто доцент.

Как бы кого не обидеть, но ведь всех не перечесть,
Кто из «нииксэров» оказал соцфаку честь.
Правда, дело не в чёсти, а впрочем, может — не в честй,
Но все это — тоже история НИИКСИ!

★ ★ ★

Возвращение

*Памяти
Надежды Максимилиановны Венцковской*

Ты вернулась. Вернулась. Ты, вправду, вернулась.
Ты вернулась, и вот ты стоишь у ночного окна.
Ты вернулась, как будто внезапно очнулась
От чужого, пустого, ненужного сна.

Ничего не сбылось, что лелеялось, мнилось, мечталось.
Все пропало во времени, в суетном беге его.
Что ж осталось? Ничего, никого не осталось.
Ничего не осталось. Совсем ничего.

Только эти мосты, как холодное долгое эхо,
И стоит Исаакий, и Биржа, и Спас-на-крови,
И сквозь пальцы колонн протекает беззвучно эпоха,
Равнодушно не помня ни ненависти, ни любви.

В тихом небе, где сразу и вечер, и утро, их встречность,
Над Невой, что, как прежде, ни днем и ни ночью не спит,
Светлый ангел, как прежде, трубит и трубит в бесконечность,
И кораблик на шпиле, как прежде, в пространство летит.

Да еще на столпе, обратившись крылами на полдень,
Крест святой опирая на розовый финский гранит,
Наклонивши главу, безнадежный Посланник Господень,
Одинок и печален, над городом тихо стоит.

И в полуночи там, где седая история дремлет,
Там, у спящей сирени и желтых бессмысленных стен,
Медный всадник по-прежнему медленно руку подымлет,
И в руке его — вечность. А в вечности нет перемен.

Валентин Семёнов,
профессор

Воспоминание о Галерной, 60

Посвящается Галине Мельниковой

Гудит НИИКСИ в креативном «чаду».

Галина Геннадьевна — на посту.

Сотрудницы дома, на рынке, в саду.

Галина Геннадьевна — на посту.

Сотрудники пьют и едят колбасу.

Галина Геннадьевна — на посту.

Директор спешит в ректорат по мосту.

Галина Геннадьевна — на посту.

Пустой институт — наверху и внизу.

Галина Геннадьевна — на посту.

Так выпьем за наш НИИКСИ, за мечту,

Галину Геннадьевну на посту!

* * *

Экспромт на 40-летие кафедры социальной психологии ЛГУ — СПбГУ

Славься, кафедра, соцпсихологии!

Патриарх-основатель Кузьмин!

Из шинели его вышли многие,
сотни личностей — в бурный мир.

Вот мы здесь, а другие — далече.

С нами шестидесятников круг,
их научные «внуки» и «дети»
и Свенцицкий — начальник и друг.

Есть и те, кто застрял за границей,

кто в России — творят и ведут!

Вижу: Волков, Хрящёва, Куницына,

Чикер, Дреев, Ершов, Почебут!

Здесь и наш юморист Тимофеев,
нашей кафедры кадр — декан,
наши вечно цветущие феи
и студенток цветной балаган.

Вот смотрю: Куликов здесь и Гришина,
те, кто кроток, и те, кто крут.
Но профессией все мы призваны
для спасения душ и групп.

Слава кафедре соцпсихологии,
той, что первая в нашей стране!
Из нее в жизнь шагнули многие,
оказавшись на самой волне!

20.10.2008

Алле Александровне Русалиновой в день ее юбилея

Алла Александровна Русалинова
вида была спортивного,
красавица, умница, строгий нрав.
И стала легендой нашою,
трудящихся изучая, опрашивая,
проект в четверть века создав.

Покруче хваленого Хотторна,
хотя очень скромно поданный,
«светлановский» нииксишный проект.
Классика прикладной психологии,
которую оценили многие,
где коллектив есть и человек.

Другие настали реалии,
чьи ценности не выбирали мы,
где деньги, гламур, индивид.
И снова в борьбе Русалинова,
а взгляда она — соколиного,
все видит и не промолчит.

Харизма у ней несомненная
и логика несравненная —
за это признание ей!

Да здравствует Русалинова,
сотрудница НИИКСИ былинная!
Восславим ее юбилей!

23.06.2011

* * *

На 40-летие Института психологии РАН

ИП РАНу, вступившему в возраст АКМЕ,
Желаем и дальше быть лучшим в стране!
Всегда оставайтесь самими собой —
в согласьи с российской ментальной судьбой.
Чтоб принципом главным всех соцнаук
стал вновь «человек человеку — друг».
И целью развития: человек — творец,
а не потребитель и пошлый делец.
И нравственность — общества нашего суть...
Вот это и есть наш российский путь!
Желаем энергии творческой вам —
ломовской школы большим мастерам!

12.11.2012

НАШИ АВТОРЫ

- М. Б. Глотов**, доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена
- А. Л. Журавлёв**, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН, член-корр. РАН
- Р. А. Зобов**, доктор философских наук, профессор философского факультета СПбГУ, старший научный сотрудник лаборатории социологии молодежи НИИКСИ факультета социологии СПбГУ
- В. Н. Келасьев**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики социальной работы факультета социологии СПбГУ
- А. Б. Купрейченко**, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией Института психологии РАН
- А. М. Матвеев**, соискатель философского факультета СПбГУ
- Н. Н. Матузова**, научный сотрудник лаборатории социальной психологии НИИКСИ факультета социологии СПбГУ
- Т. Г. Поспелова**, старший научный сотрудник лаборатории социологии молодежи НИИКСИ факультета социологии СПбГУ
- А. А. Русалинова**, старший научный сотрудник лаборатории социальной психологии НИИКСИ факультета социологии СПбГУ
- Т. И. Самсонова**, кандидат социологических наук, доцент Государственного университета сервиса и экономики
- В. Е. Семёнов**, доктор психологических наук, профессор, директор НИИКСИ факультета социологии СПбГУ
- З. В. Сикевич**, доктор социологических наук, профессор, заведующий лабораторией этнической социологии и психологии НИИКСИ факультета социологии СПбГУ
- В. А. Соснин**, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН

- Л. И. Сугакова**, старший научный сотрудник лаборатории социологии молодежи НИИКСИ факультета социологии СПбГУ
- В. Н. Томалинцев**, доктор философских наук, старший научный сотрудник лаборатории социологии молодежи НИИКСИ факультета социологии СПбГУ
- А. Н. Шаров**, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией социологии НИИКСИ факультета социологии СПбГУ
- Т. Ю. Шманкевич**, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории социологии НИИКСИ факультета социологии СПбГУ
- Л. А. Ясюкова**, кандидат психологических наук, доцент, заведующий лабораторией социальной психологии НИИКСИ факультета социологии СПбГУ

Редактор и авторы благодарят работников НИИКСИ факультета социологии СПбГУ научного сотрудника **С. В. Казакова** и техника **Е. А. Кузнецову** за работу по компьютерному набору и технической редакции текста сборника.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
СОЦИАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ И РАЗВИТИЕ: НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕНТАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ	5
<i>Семёнов В. Е.</i> Социальное согласие и развитие в России в контексте концепции российской полиментальности.....	5
<i>Журавлёв А. Л., Купрейченко А. Б.</i> Роль нравственной элиты в российском обществе	19
<i>Зобов Р. А., Келасьев В. Н.</i> Социальная квазикомпетентность в структуре российского общества	46
<i>Томалинцев В. Н.</i> «Русский мир» и специфика его социокультурной преемственности	64
<i>Соснин В. А.</i> Проблема патриотизма и духовно-нравственная консолидация российского общества в современных условиях.....	87
<i>Руслинова А. А.</i> Проблемы влияния идеологии и менталитета руководителей на качество принимаемых решений.....	108
ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ПРОБЛЕМ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	121
<i>Шаров А. Н.</i> Петербуржцы-2012: проблемы и перспективы	121
<i>Ясюкова Л. А.</i> Влияние интеллектуальных и личностных особенностей на формирование жизненных ценностей молодежи	133
<i>Самсонова Т. И.</i> Компетентность молодого поколения и будущее российского общества	150
<i>Шманкевич Т. Ю.</i> Социальное партнерство школы и города: французский опыт и российский эксперимент	167
<i>Сикевич З. В.</i> Как формируется национальное самосознание (об истории Украины в интерпретации школьных учебников)	181
МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК.....	191
<i>Поспелова Т. Г.</i> Компьютерная социография семьи как метод комплексного исследования семейной проблематики	191
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ	205
Общественно-экспертный совет по рекламе как инструмент гражданского общества.....	205
Башня «Газпрома»: от социального конфликта к согласию	215

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ	220
<i>Семёнов В. Е.</i> Достоевский навсегда	220
АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ	228
<i>Готов М. Б.</i> Рецензия на книгу: В. Е. Семёнов. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох: избранные научные работы (1971–2007). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008	228
<i>Зобов Р. А., Матвеев А. М., Сугакова Л. И.</i> Проблема здоровья человека в современном обществе (из истории методологического семинара НИИКСИ СПбГУ)	233
Р.С. ПАРАНАУЧНЫЕ СТРАНИЦЫ (художественное творчество сотрудников НИИКСИ)	241
Наши авторы	256

Научное издание

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

Выпуск 33

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ И РАЗВИТИЯ**

Под ред. д-ра психол. наук В. Е. Семёнова

Редактор Г. Б. Ерусалимский
Компьютерная верстка А. М. Вейшторт

Подписано в печать 03.06.2014. Формат 60 × 84^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,11.
Тираж 180 экз. Заказ № 109

Издательство СПбГУ.
199004. С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11/21

Тел./факс (812) 328-44-22
E-mail: info@unipress.ru
www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41